

Владимир Андриенко

16+

НКВД

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРАЗВЕДКИ

СМЕРШ

Крыса в норе

Серия:
"Протокол допроса"

Владимир Александрович Андриенко

Протокол допроса: Крыса в норе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754451
SelfPub; 2022*

Аннотация

Противостояние Абвера, советской контрразведки и подполья ОУН во время войны. События в книге разворачиваются во второй половине 1943 года. После битвы под Курском активность советских партизан возросла. Вслед за ними активизировались украинские повстанцы из УПА и польские партизаны из Армии Кайовой. Агент НКГБ «Красная вдова» прибывает в Ровно, столицу рейхскомиссариата Украина. Её цель проникнуть в ряды украинского подполья...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	48
Глава 3	60
Глава 4	88
Глава 5	112
Глава 6	146
Глава 7	177
Глава 8	202
Глава 9	221
Глава 10	245
Глава 11	279
Глава 12	302
Глава 13	322
Действующие лица романа «Протокол допроса»:	368
Операция «Крыса в норе»	

Владимир Андриенко

Протокол допроса: Крыса в норе

Пролог

Адмирал Канарис

Берлин.

Штаб-квартира Абвера.

Набережная Тирпиц, Тирпицуфер, 78.

Август, 1943 год.

Полковник Абвера Густав Штольце.

В августе 1943 года полковник Абвера Густав Штольце¹ вспомнил июль 1941 года. Тогда на совещании у адмирала Канариса он узнал, что фюрер утвердил 16 июля немецкую оккупационную политику по отношению к СССР. Гитлер собирался разделить Россию и управлять ею как колонией, игнорируя стремления национальностей СССР к автономии.

– Фюрер сказал, – сообщил адмирал, – никакой автономии частям Советской России! А в министерстве Восточных

---

¹ Густав Штольце – полковник, офицер Абвера. Действует в романах серии «Сотрудник Абвера».

территорий у Розенберга ранее много говорили о создании национальных государств под контролем Германии.

– Но, адмирал, мы ведь уже продумали возможность создания ряда автономных образований на Востоке! – возразил полковник Геллер из штаба «Валли-1»². – Это даст нам возможность использовать один народ бывшего СССР против другого. Белоруссия и Украина! Грузия и Азербайджан! Это сразу ослабит силы Сталина!

– Фюрер считает, что представители низшей расы не могут руководить государственными образованиями. Путь они даже и будут зависеть от Германии.

– Однако, – начал Геллер, – господин адмирал...

Но Канарис прервал его:

– Наша задача усилить работу секретной службы против России. Фюрер сказал, что он в этом особенно заинтересован. Он рассматривает любую информацию о мероприятиях Сталина внутри страны, как дело величайшей важности.

Тогда Штольце тихо сказал, стоявшему рядом, капитану Лайдеюсеру:

– Геллер несет чепуху.

– Но ведь план Розенберга предусматривает создание ряда государств-сателлитов Германии на восточных территориях, – ответил Лайдеюсер.

---

² Валли -1 – Штаб Валли создан перед нападением на СССР. Основная задача «Валли» организация разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельности.

– Никаких государств. Это будут территории рейха. Наше жизненное пространство. К зиме Россия будет повержена. Это обеспечит нам гений фюрера, капитан...

* * *

Прошло два года и Густав Штольце снова был на одном из секретных совещаний в генеральном штабе на Бендлерштрассе. После его завершения он прошел по переходу в здание штаб-квартиры Абвера на Тирпицуфер и добился личной беседы с адмиралом Канарисом.

Полковник Штольце сильно изменился и мыслил летом 1943-го совсем не так, как летом 1941-го года. Он больше не верил в гений фюрера. Ошибочность политики руководства рейха на оккупированных землях была для него очевидна.

Он подготовил докладную записку по армии генерала Власова и о том, какую поддержку она может оказать Германии в сложившейся обстановке. Он хотел предоставить право Власову создать свою секретную службу при условии, что со всей полученной информацией Власов будет знакомить и Абвер. Штольце верил – русские коллеги будут работать с энтузиазмом, зная, что они сражаются за новую Россию.

Полковник считал себя специалистом именно по Восточному вопросу, хотя и был переведен из структуры Абвер-Ост

в Абвер-Вест³ в середине 1942 года.

Он хотел познакомить адмирала со своим проектом.

– Вы хотели меня видеть, полковник?

– Я давно добиваюсь встречи с вами, адмирал. Личной встречи.

– У вас есть что-то важное, Густав?

– Да, адмирал.

– Прошу вас.

Штольце доложил Канарису:

– Дело касается использования русских в войне против большевиков.

– Русских? Но я думал, что вы сейчас занимаетесь исключительно западным направлением, Густав.

– Я понимаю важность восточного фронта, адмирал, и считаю это направление более важным в нынешней обстановке.

– Я готов вас выслушать, полковник. Вы хотите коснуться партизанской войны, насколько я понял?

Штольце начал:

– Партизанская война, с которой мы столкнулись, и лю-

---

³ Центральный аппарат Абвера состоял из 5 главных отделов, непосредственно подчинявшихся начальнику Абвера. 1-й отдел Абвера ("А-1") занимался организацией разведки за границей, добывал информацию о военно-экономическом потенциале вероятного противника. Он состоял из подотделов, ведавших различными сторонами военной разведки. Подотделы строились по географическому и отраслевому принципу. Подотдел «Вест» ведал организацией разведки в странах Запада, подотдел «Ост» – в странах Востока.

бое активное движение сопротивления могут развиваться в широких масштабах лишь при наличии идеи. Идеи, которая объединяет участников движения.

– Что вы этим хотите сказать, Густав?

– Только то, адмирал, что эта идея должна быть достаточно сильной для того, чтобы возбуждать энергию и решимость борцов. И мы сами питаем эту идею, адмирал.

– Вы хотите сказать, что рейх породил сопротивление? В чем-то вы правы, Густав.

– Когда я работал на Востоке в 1941 году, я был уверен, что наша победа близка. Но после поражения под Москвой многое изменилось. Нужно пересмотреть наши методы на оккупированных землях, адмирал. Ведь совершенно очевидно, что ставка на грубую силу себя не оправдала. Многие лидеры держав, которые сражаются против нас, развивают эту форму войны и используют партизанские части. Я много беседую с русскими консультантами. И они уверяют меня, что сам Сталин только приветствует наши жестокости в отношении их мирного населения. И это можно сказать и о де Голе. Он сидит в Англии и радуется нашим провалам. Ведь движение сопротивления во Франции не стало слабее. А только усилилось. Они отвечают нам жестокостью на жестокость.

– Вы хотите сказать, что методы, которые мы применяем неэффективны.

– Это говорю не я, адмирал. Это говорят факты.

– Я это вижу, Густав. И я рад, что вы стали реалистом. Но

что делать?

– Нужно доложить фюреру. И предложить ему план по выходу из кризиса. Мы еще способны это сделать!

Канарис усмехнулся. Подобные мысли пришли в голову не только Штольце. В последние месяцы об этом говорили многие.

– Что же вы предлагаете конкретно, Густав?

– Я разработал кое-что по Русской освободительной армии генерала Власова.

– Не думаю, что подобный доклад будет принят фюрером благосклонно, Густав. Фюрер не доверяет Власову и утверждает, что эту армию для широких боевых действий использовать нельзя.

– Почему же?

– Фюрер не считает этих солдат надежными. Никакой самостоятельности он Власову не даст. Вооружать РОА Власова он не желает. Это его мнение. И не думаю, что его можно изменить сейчас. После Сталинграда и Северной Африки⁴ фюрер заявил, что даже германский народ не оправдал его надежд.

– Я хотел задать вам один вопрос, адмирал. Вы бываете

---

⁴ Сталинградская битва (17 июля 1942 года- 2 февраля 1943 года) – одно из важнейших генеральных сражений Второй мировой и Великой Отечественной войн между Красной армией и вермахтом при поддержке армий стран «оси», закончившееся победой Вооружённых сил СССР. Война в Северной Африке – боевые действия в Африке между англо-американскими и итало-немецкими войсками.

в ставке часто.

Канарис понял, о чем желает спросить Штольце. У фюрера обнаружили симптомы болезни Паркинсона. Эти слухи беспокоили многих в руководстве Германии.

– Вы о болезни фюрера?

– Да. Ходят слухи...

– Доктор Кринис⁵ и профессор Брандт⁶ сделали заключение, что у фюрера наступило хроническое перерождение нервной системы. Во время своих речей на публичных выступлениях фюрер выкладывается на полную. Это истощает его.

– Что врачи?

– Фюрер не слушает ни Брандта ни Криниса. Он обратился к доктору Морелю. А Морель⁷ считает, что симптомы болезни связаны со способностью фюрера к массовому внушению.

– А что другие врачи из окружения фюрера?

– Мюнхенский врач доктор Гудбарлетт, ныне принадлежащий к самому близкому окружению фюрера, верит в «звездный маятник» и считает, что фюрер непогрешим. Это мессия, который приведет германский народ к победе. Толь-

---

⁵ Макс де Кринис – личный врач Адольфа Гитлера.

⁶ Карл Франц Фридрих Брандт – рейхскомиссар здравоохранения, личный врач Адольфа Гитлера, военный преступник. По образованию врач-хирург, профессор. Член НСДАП.

⁷ Морель Теодор Гилберт – личный врач Адольфа Гитлера в 1936–1945 годах.

ко самому этому народу нужно сплотиться вокруг фюрера и выполнять его волю.

– Но разве доклад о положении дел в нашем тылу не заставит фюрера пересмотреть некоторые аспекты нашей политики?

– У вас есть аргументы, Густав? Аргументы, которые смогут убедить фюрера?

– Я много беседовал с двумя русскими, что живут ныне в Германии и сотрудничают с нами.

– Снова русские, Густав. У вас нет иных примеров?

– Но именно война с русскими самая тяжелая для рейха, адмирал. Потому я выбрал этих двоих. Люди они совершенно разные. Один бывший полковник Красной Армии, а второй простой солдат.

– Солдат?

– Я не знаю точно его звания в Красной Армии, но он никогда не имел высокого чина, а в гражданской жизни был инженером путей сообщения.

– Значит человек образованный?

– Именно так, адмирал. Оба, и полковник, и солдат, попали к нам в плен в августе 1941-го года. Добровольно пошли на сотрудничество. Показали себя надежными и толковыми и были введены в состав Консультационного комитета в Берлине.

– Это интересно, Густав. Продолжайте.

– Полковник человек весьма широкого кругозора и был,

до того, как попал в плен, убежденным сталинистом. Рядовой же никогда не был большим сторонником сталинского режима и видел многие его недостатки.

– И что же?

– Теперь они оба убеждены, адмирал, что СССР выиграет эту войну.

– И почему же они в этом убеждены, Густав?

– Совсем не под воздействием пропаганды. Это их глубокое внутреннее убеждение. Объясняют они это каждый по-своему. Но даже такие русские убеждены в нашем поражении, хоть и связаны с нами и знают, что Сталин ничего им после своей победы не простит.

– И как же они это объясняют?

– Полковник сказал мне, что в 1941-ом году Сталин был готов принести в жертву даже тридцать миллионов своих людей и пусть противник втягивается в просторы России. Части вермахта быстро выдохнуться. Особенно в условиях суровой зимы. Только обеспечение коммуникаций на захваченных просторах потребует от нас колоссальных ресурсов. А еще партизанская война осложнит наше положение. И он совершенно прав, адмирал. Вы только посмотрите, что происходит на Востоке.

– Вы сейчас работаете по Западу, Густав.

– Здесь положение не такое как на Востоке, но лучшим я его не назову. В нынешнем году французские партизаны «Маки» нанесли нам много вреда.

– Густав, вы говорите опасные вещи. И надеюсь, что вне этого кабинета вы не будете столь категоричны и откровенны.

– Я все понял, адмирал. Вы не станете пытаться, донести до фюрера мой план?

– Нет, Густав. И не, потому что я карьерист и слишком дрожу за свой пост. Нет. Я реалист. И понимаю, что никакого эффекта это не принесет. Только мое и ваше положение еще больше осложнятся.

– Неужели они ничего не видят?

– Все верят в победу, Густав.

– В победу, адмирал? После того что произошло под Курском? Операция по уничтожению красной группировки войск провалилась. Нам не помогли новые танки, которые «обеспечат победу» по словам Геббельса. Это конец старой наступательной стратегии, адмирал. И нам стоит привлекать русских и украинцев к борьбе с большевиками.

– Украинцев? Вы ведь говорили про армию Власова?

– Я, после реализации плана по армии Власова, хотел предложить нечто подобное и для Украинской повстанческой армии, что начала действовать на Западной Украине.

– Вы можете оставить мне свои наработки, Густав. Я их посмотрю. Но время для доклада фюреру об этом еще не пришло, Густав.

Глава 1

Разведшкола Абвера

Абвершкола в Брайтенфурт.

Сентябрь, 1943 год.

Инструктор Лавров.

Роман Лавров сентябрь 1943 года встретил в небольшом городке Брайтенфурт в Австрии, которая на тот момент называлась Альпийские и дунайские рейхсгау⁸.

Когда Лавров вернулся в разведшколу из Харькова, его начальник майор Лайдеюсер дал ему разрешение выходить за ворота и бывать в городе. Но настроения населения после поражения немцев под Сталинградом изменились. В Брайтенфурт было много семей тех, кто сражался в армии Паулюса. Они погибли, выполняя приказ Гитлера держаться в окружении любой ценой.

Один пожилой австриец сказал Лаврову сидя за кружкой пива в баре.

– Вы, я вижу, нездешний?

– Нет.

– Солдат?

---

⁸ Альпийские и дунайские рейхсгау или рейхсгау Восточной марки – общее название семи рейхсгау, созданных на территории аннексированной рейхом Австрии.

– Был солдатом, – уклончиво ответил Лавров.

– И мой Пауль был. Но вы вот здесь, а его нет. Я даже не знаю где его могила.

Лавров ничего на это не ответил. Но немец ответа и не требовал. Он продолжил:

– Я тогда, в марте 1938 года, был среди толпы и приветствовал приход вермахта в Австрию. Как же! В скором времени каждый немец будет жить в новом счастливом мире, который даст нам фюрер. Гений фюрера!

Старик отпил из своего бокала.

– И теперь моего сына больше нет. И это я убедил его воевать за счастье германской нации. Долг крови. Долг настоящего арийца. И что теперь? Его больше нет. И погиб он в снегах далекого русского города.

И таких разговоров тогда было много. Люди говорили, что немцы совсем не ценят своих австрийских братьев и даже считают их арийцами второго сорта, которых можно не беречь. После присоединения Австрии к рейху в 1938 году 6 австрийских дивизий влились в состав вермахта. И получалось что руководство вермахта совсем не жалело австрийскую кровь. А после августа 1943 года, когда начались бомбардировки Австрии американцами, положение и вовсе осложнилось.

4-го сентября Лайдеюсер запретил Роману покидать территорию школы.

– С сегодняшнего дня, герр Лавров, вам категорически за-

прещено покидать территорию разведшколы.

– Запрещено?

– Больше того, само перемещение по территории разведшколы для вас также отныне ограничено.

– Но почему? – спросил Лавров.

– Сейчас этот приказ коснулся не только вас, герр Лавров. Он касается всех курсантов школы и сотрудников из русского контингента.

– Снова проверка?

– Нет. Дело не в проверке, а в изменении обстановки, герр Лавров.

– А мое офицерское звание, герр Лайдеюсер? Вы обещали, что мне будет присвоено офицерское звание наряду с другими русским сотрудниками школы. Они все офицеры. А я только инструктор. И меня не допускают до работы с курсантами.

– Все это временно, герр Лавров. Но вопрос о присвоении вам офицерского звания вермахта отложен.

– Я буду просто так сидеть без работы, герр майор?

– Нет. Вы будете читать, герр Лавров.

– Читать?

– Именно. Я прикажу принести вам газеты и книги. Но главное – газеты!

– Местные?

– Нет. Это газеты, выпускаемые в Западной Украине. В подавляющем большинстве газеты из Ровно.

– На украинском языке?

– Вы же хорошо читаете на украинском, герр Лавров?

– Да. Но какова цель?

– Получайте информацию. Из газет можно почерпнуть многое. Вам, как разведчику, это хорошо известно. И еще принесут советские газеты.

– Советские? Вы дадите мне советскую прессу? – удивился Лавров.

– А что в этом такого? Читайте и сравнивайте. А то наши инструкторы даже не знают, как сказать курсантам о положении дел на фронтах.

И Лавров стал читать...

* * *

Роман вспомнил сентябрь 1941-го года в Харькове и подумал, как непредсказуема жизнь человека. С тех пор для него прошла целая вечность, а не два года. Тогда Лавров служил в органах госбезопасности СССР, а сейчас он состоит инструктором в немецкой разведшколе Брайтенфурт.

В Харькове в ноябре 1941 года он «перешел» к немцам. У Романа было задание внедриться в Абвер. Но старший майор НКГБ⁹ Нольман¹⁰, который дал ему это задание, не спешил

---

⁹ НКГБ СССР – Народный комиссариат государственной безопасности. Затем МГБ (Министерство государственной безопасности). Затем КГБ СССР. Ныне ФСБ РФ.

использовать Лаврова, и он на долгий срок оказался в глубоком тылу у немцев без связи.

Инструктор Абвершколы Брайтенфурт¹¹ Роман Лавров работал с русскими курсантами из групп: «Технише-люфт», «Люфт», Geheimdienst¹². Курсанты под его руководством изучали тактику Красной Армии, топографию и методы составления разведывательных донесений.

В 1942 году Лаврову доверили выполнение важного задания, и он отправился в город Харьков, на тот момент оккупированный немцами, в расположение Абверкоманды 202 Зюд, которая работала против советских войск Южного и Юго-Западного фронтов. Агентуру они вербовали в лагерях для военнопленных. При команде функционировали школы по подготовке агентов для заброски в советский тыл.

Лаврову удалось связаться с агентом НКГБ, работавшим в городе под прикрытием и передать важную информацию по Абверкоманде 202 Зюд: списки командного состава, сообщить количество курсантов, направление подготовки.

Но куратор Лаврова от НКГБ старший майор госбезопасности Нольман привлек Романа к операции по поимке аген-

---

¹⁰ Нольман – герой серии романов «Сотрудник Абвера»: «Вдова»: Метроном смерти», «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

¹¹ Брайтенфурт – городок недалеко от Вены.

¹² В Брайтенфурте обучалось четыре группы курсантов: «Технише-люфт» – техническая авиационная, «Люфт» – авиационная, Geheimdienst – разведки и Funkaufklärung – женская радиоразведки.

та Абвера под псевдонимом «Вдова». Агента захватили, но Лавров попал под подозрение и ничего серьезного ему в Абвере больше не доверяли. Из Харькова снова перевели в Брайтенфурт и теперь он сидел без связи.

Заместитель начальника разведшколы майор Альфред Лайдеюсер вдруг приказал «отгородить» русского инструктора от курсантов школы. Лавров сидел и читал газеты. Затем составлял отчеты для Лайдеюсера, которые тот, скорее всего, даже не читал. Роман перестал понимать, зачем его здесь держат. Но у Лайдеюсера, бывшего начальника отдела СОН¹³ в штабе Валли¹⁴, были на него планы.

Лавров трижды пытался поговорить с Лайдеюсером, но тот не принимал его. Роману оставалось только ждать. Никаких контактов у него не было. Выход за ворота разведшколы ему был запрещен.

И вот, после того как пришло сообщение об оставлении немцами города Харьков, майор Лайдеюсер сам вызвал к себе инструктора Лаврова.

Лайдеюсер понял, что время Лаврова пришло. Майор Абвера больше не верил в возможность победы вермахта. Некоторые надежды он возлагал на широко разрекламированные немецкой пропагандой новые танки «Тигр» и «Пантера», но

---

¹³ СОН – Саботаж-Ост-Норд.

¹⁴ Валли -1 – Штаб Валли создан перед нападением на СССР. Основная задача «Валли» организация разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельности.

и они не смогли выправить положение. Битва под Курском была проиграна. Время стратегического превосходства кончилось. Рейх переходил к обороне...

* * *

Берлин.

Сентябрь, 1943 год.

Майор Альфред Лайдеюсер.

Альфред Лайдеюсер получил срочный приказ. Из штаб-квартиры Абвера ему было предписано срочно прибыть в Берлин. В столице рейха майора принял полковник Густав Штольце, новый начальник структуры «Абвер 3 Ост». Все-го месяц назад Штольце работал на западном направлении, но его талантыгодились на Востоке. И полковник сразу вспомнил про своего бывшего подчиненного Альфреда Лайдеюсера...

* * *

Полковник Штольце понимал, что его собственное положение было шатким. Шеф Абвера адмирал Вильгельм Канарис часто вызывал гнев фюрера. После провала миссии Абвера в Италии и нападения английской диверсионной группы на немецкую базу Д'Антифер близ порта Кале, когда ан-

гличане перебили немецкий гарнизон и захватили важные детали установки системы противовоздушной обороны, Гитлер был в бешенстве.

Фюрер вызвал к себе адмирала Канариса.

– Мне нужно знать, что вашему ведомству удалось выяснить в отношении радиолокационной разведки Англии и США. Вы давно разрабатываете эту линию, Вильгельм.

– Да, мой фюрер!

– И мне нужен результат вашей работы. Или его снова нет?

– Я подготовлю отчет, мой фюрер!

– Вы обманули меня, Вильгельм, когда составляли ваш отчет по Италии! Тогда ваши люди провалили дело! Что вы доложили мне? «Италия самый верный союзник Германии». Вот ваш вывод! И после этого заявления Муссолини арестован, и маршал Бадольо заключает союз с Англией и США! Какого труда стоило хоть немного выровнять положение! И сейчас вы снова хотите состряпать отчет.

– Мой фюрер...

– Я жду вашего отчета через три дня, Канарис! Идите!

Но в итоге адмирал был не в состоянии представить Гитлеру требуемую информацию. И это окончательно подорвало его репутацию.

Канарис тогда собрал экстренное совещание, куда был приглашен и Штольце.

– Господа, – сказал адмирал, – фюрер требует доклада о

технических достижениях западных держав в области радиолокационной разведки. И фюрер выразил недовольство нашей работой. Что у вас, Густав?

Штольце доложил:

– Техническое управление разведки люфтваффе представило доклад фюреру.

Адмирал ответил:

– Фюрер не будет удовлетворен докладом, Густав. Это простая отписка, а не сведения! Требуется сведения разведки о реальных технических достижениях Англии в этом вопросе. Но мы такую информацию предоставить не в состоянии.

После того как адмирал отпустил всех, он попросил Штольце остаться.

– Над нами сгустились тучи, Густав. И над вашей головой готов разразится гром. Вашей работой в управлении Абвер-Вест недовольны. Впрочем, это касается всего Абвера.

– Но у нас есть и успехи, адмирал.

– Густав! Я хочу говорить с вами откровенно. Фюрер спросил Гиммлера неделю назад готово ли его управление разведки предоставлять более качественную информацию, чем Абвер. Вы понимаете, о чем я? Фюрер нам больше не верит.

Штольце смело ответил адмиралу:

– Но разве мы не предупреждали, что дела будут развиваться не так, как представлял себе фюрер и его доверенные

советники? Они не желают слышать голос истины, а виноваты мы!

– Руководству Абвера даже высказали подозрение в измене, Густав. И связано это с вашей работой в Италии, полковник.

Штольце и сам понимал, почему им недовольны. Он работал с начальником итальянской секретной службы генералом Аме. И он просмотрел как маршал Бадольо начал секретные переговоры с Англией и США. Тогда Канарис скрыл этот факт от фельдмаршала Кейтеля и доложил, что обстановка удовлетворительная.

– Я окажу вам услугу, Густав, – сказал адмирал. – Я снова переведу вас на Восток. Вы хорошо работали против русских. Соберите свою старую команду и работайте!

– Как прикажете, герр адмирал!

– Теперь вы сотрудник Абвер-Ост! И постарайтесь вернуть свою репутацию, герр Штольце! Входите в курс дел и начинайте работать!

Канарис отпустил Штольце...

* * *

Штольце встретил майора Лайдеюсера не слишком любезно.

– Я должен вам выразить недовольство адмирала, Лайдеюсер, – Штольце начал с «горькой пилюли». – Успехи вашей

школы весьма сомнительны. Из групп, которые вами забрасываются в красный тыл, около 80 процентов сразу проваливаются!

– Не я возглавляю абвершколу, герр полковник.

– Но вы заместитель, майор.

– Герр Штольце, я не считаю ни себя, ни начальника школы полковника Аренберга виновными в провалах агентов! Я трижды подавал докладные записки в Берлин! Трижды! И никакого ответа из штаба адмирала не получил! А в записках я указывал...

– Я все это знаю, майор, – полковник перебил Лайдеюсера. – Но адмиралу нужен результат! А большинство ваших групп проваливаются. И это факт! Факт, с которым нельзя спорить. У вас есть специалисты по отбору агентов! Русские специалисты!

– В последнее время работа этих специалистов крайне неэффективна.

– Причина?

– Положение на фронтах, – смело заявил Лайдеюсер.

– Положение! А сейчас это положение только осложнилось, Лайдеюсер. Я работал в отделе Абвер-Вест.

Лайдеюсер догадался:

– Второй фронт?

– Именно. Адмирал готов снять с поста полковника Кнохена, который отвечает за данное направление.

– Но, когда они планируют удар, герр полковник?

– Вначале 1944 года с Британских островов. Нашими агентами зафиксировано активное движение американских военно-транспортных судов. Они перевозят войска в Англию. Но ваше направление Восток, Лайдеюсер. И это направление главное! Большевики производят массовые заброски агентов в наши тылы.

– Мы делаем это, герр полковник. Но по приказу сверху нам сократили сроки подготовки. А посылаемые через фронт плохо обученные агенты, это не более чем «пушечное мясо», герр полковник. Красные научились работать.

Штольце заявил:

– По данным разведцентра Абвер-Ост количество разведшкол у красных уже больше 800. Принимая во внимание, что в каждой школе обучается около 50 курсантов и срок подготовки в 3 месяца, можно подсчитать, что в советскую разведку каждый квартал вливаются до 10 000 агентов.

– Мы можем нарастить количество, герр оберст. Но не качество.

– Еще больше адмирала и другие структуры рейха волнуют партизаны. Их количество резко возросло. Особенно это регионы Западной Украины. И поэтому у меня для вас, Лайдеюсер, есть работа.

– Я готов, герр полковник.

– Вы ведь знакомы с Абверштелле-Украина?

– В общих чертах, герр полковник. Цель Абверштелле борьба с советской агентурой и партизанами. И начальником

у них полковник Науман.

– Вот я и принял решение направить вас к нему. Возвращайтесь на агентурную работу, Лайдеюсер. Я не могу больше разбрасываться специалистами вашего уровня. В составе Абверштелле-Украина есть подразделение Абверштелле-Ровно.

– Я поеду в Ровно? – догадался Лайдеюсер.

– Да. Там сидит наш резидент капитан Паульзен. И там же находится лагерь для военнопленных № 1 Ровно. Начальник лагеря зондерфюрер Шмидт.

– Мое основное задание – контрразведка?

– И это тоже. Но главное эффективная борьба с партизанами! Они должны прекратить представлять опасность для наших частей.

– У меня уже есть мысли по этому поводу, герр полковник.

– Вот как? Интересно!

– Я подготовил ряд мероприятий именно по партизанам. Дело в том, что в Западной Украине, и в том числе в лесах под Ровно, множество партизанских сил. И не все они советского толка.

– Вы говорите про украинских националистов?

– Именно.

– Но и они представляют угрозу для наших тылов. Хоть и не такую как советские партизаны.

– Дело в том, герр полковник, что в нашей абвершколе

работает инструктором по радиоделу Ганс Корнер.

– Корнер?

– Вы не помните его?

– Нет.

– Он был советником по восточным народам. В 1940 году укреплял связи с антисоветски настроенными людьми на Украине.

Штольце вспомнил про какого Корнера говорит Лайдеюсер. Этого человека отстранили от работы в 1941 году из-за его высказываний по поводу «мягкой оккупации».

Лайдеюсер догадался:

– Вы его вспомнили, герр полковник.

– Вспомнил. Но этот человек не вызывает доверия ни у Абвера, ни у СД.

– Однако он может помочь в нашем деле. И мой план построен на использовании его связей и его знаний.

– Снова ваши штучки, Альфред!

– Я готов поставить...

– На кон свою голову? Не нужно ничего ставить, Лайдеюсер! Мне нужен результат!

– Он будет, герр полковник. Но мне нужно прикрытие.

– Прикрытие? Вы про что, Лайдеюсер?

– Никто не должен знать о моем задании.

– Что это значит «никто»?

– Моя официальная миссия – борьба с партизанами. Но я не сразу отправлюсь в Ровно. Сначала туда отправятся ин-

структор Лавров и инструктор Корнер. И отправятся они под чужими фамилиями как тайные агенты.

Штольце подумал и нашел это приемлемым. Он сам не хотел афишировать свои связи с «опальным» Корнером. Мало ли как дело повернется. А так всегда можно будет уйти в «тень».

– Хорошо, майор. Я полностью полагаюсь на вас.

– Вы не пожалеете об этом, герр полковник...

* * *

Абвершкола в Брайтенфурт.

Сентябрь, 1943 год.

Инструктор Лавров.

Майор Лайдеюсер пригласил Лаврова:

– Прошу вас, господин Лавров. Простите, что долго не принимал. Много дел.

– Я понимаю, герр майор.

– Вы уже знаете?

– О поражении ваших войск под Курском и о взятии Харькова? Я это слышал. Мне подключили радиоточку.

– Это по моему приказу, герр Лавров.

– Вы хотели, чтобы я это знал?

– Да. Я не намерен скрывать от вас правду о положении на фронтах.

– Значит, вы намерены меня использовать дальше?

– Я всегда был за вас, герр Лавров. Но многие здесь в Брайтенфурт желают отправить вас в лагерь для военнопленных. А там условия много хуже, чем здесь.

– Но это означает, что вы мне поверили, герр майор?

– Нет. Я не верю никому из русских в Брайтенфурт. Особенно после того, как русская контрразведка захватила фрау Марту¹⁵!

Лайдеюсер вспомнил уникального агента Абвера под псевдонимом «Вдова», которая осенью 1942 года все же угодила в ловушку красной контрразведки.

– Разведчик не может все время побеждать, герр майор. И я говорил вам о том, что старший майор НКГБ Нольман¹⁶ – опасный противник для вас.

– Что теперь рассуждать, кто виноват и кто допустил ошибку? Вдова у русских. И этим все сказано. Но у меня к вам вопрос, Лавров.

– Готов дать ответ.

– Вопрос по школе Брайтенфурт.

– Я давно не в курсе дел абвершколы, герр Лайдеюсер.

---

¹⁵ Фрау Марта – агент «Вдова» пресонаж серии романов «Сотрудник Абвера» («Вдова»: Метроном смерти»; «Вдова»: архив царского профессора»; «Вдова»: полковник из Аненербе»). Агент СД, затем с осени 1941 года агент Абвера.

¹⁶ Нольман Иван Артурович – старший майор госбезопасности. С 1918 года сотрудник Особого отдела ВЧК. Затем сотрудник Иностранного отдела ОГПУ в группе «Дугласа». В 1939 году преподаватель в Школе особого назначения НКВД СССР. С 1941 года сотрудник 4-го управления НКГБ СССР. Нольман один из центральных персонажей цикла романов «Сотрудник Абвера».

– Вопрос не конкретный, а общий. Скажите, почему наши группы постоянно проваливаются? По-вашему мнению.

– Эффективность того человеческого материала, что вы отбираете в лагерях ничтожна. И много ошибок делает ваша команда, что готовит заброску.

– Например?

– Абвер так и не отошел от шаблона финансирования своих групп. С учетом звания каждый диверсант получал сумму от 3 до 7 тысяч советских рублей.

– И что?

– Если у солдата при проверке находят такую сумму, его берут под подозрение.

– А у советского солдата не может быть такой суммы денег?

– Крайне редко, герр майор. Но деньги – это не главное. Продукты иностранного производства, которыми вы снабжаете агентов. Они выдают их больше денег.

– Но ведь нельзя забрасывать агентов без запаса продовольствия. Многим приходится несколько дней жить в лесу. А где нам здесь взять ваши русские продукты?

– Ошибок при заброске агентов слишком много, герр майор. А красная контрразведка научилась работать. Уже 1943 год. Да и что за людей вы отбираете? Многие из них просто хотят выжить и потому соглашаются на сотрудничество. Так они могут покинуть лагерь.

– Вы хотите сказать, что курсанты не верят в победу вер-

махта?

– Нет, – честно признался Лавров. – Конечно, открыто вам этого никто не скажет. Но ваша пропаганда проигрывает свою войну, герр майор.

– Вы говорите слишком смело, герр Лавров. Не боитесь?

– Герр майор! Вы вызвали меня для разговора или для того чтобы запугивать?

– Капитан Абвера Раковский дал вам нелестную рекомендацию. Считает, что допускать вас до работы большая ошибка.

– Я давно знаю мнение Раковского о моей особе, герр майор.

– Но я думаю, что вас можно использовать.

– Вот как?

– Но не в советском тылу разумеется.

– А где же?

– В нашем тылу, в Ровно, например.

– В Ровно?

– Это столица Рейхскомиссариата Украина¹⁷.

– И что мне делать в вашем тылу?

– Это только одно название, что тыл, герр Лавров. Западная Украина – это клубок противоречий. Кого там только нет. В лесах партизаны. Советские, польские, украинские. А

---

¹⁷ Во время Второй мировой войны Рейхскомиссариат Украина был гражданским оккупационным режимом большей части оккупированной нацистами Украины.

протяженность лесных массивов такова, что у нас нет никакой возможности все это контролировать, герр Лавров.

– Но что я могу сделать в обстановке, которую совершенно не знаю?

– Вы же читали газеты, которые я приказал вам передавать?

– Да. Но это старые газеты, герр майор.

– Именно. Они и должны познакомить вас с обстановкой. До нападения на СССР украинские националисты западных областей считали нас союзниками. Они были злы на Сталина.

Лавров сказал:

– Но потом и вы не поддержали их идеи возрождения Украинской государственности.

– Именно в 1941 году мало кто верил, что эта война продлится долго. Немцы были очарованы гением фюрера. Но сейчас все изменилось, герр Лавров.

– Немцы уже не верят в гений вождя?

– Не стоит вам так шутить, герр Лавров. Никто не ставит под сомнение гений фюрера. Но, возможно, нам придется оставить земли Украины. И что произойдет, если будет именно так?

– Националисты не принимают вас, но они не примут и русских.

– Именно так, герр Лавров. А говорите, что не понимаете. И вот с этим вы и отправитесь в земли Рейхскомиссариата.

– А моя задача?

– Налаживать контакты с националистическим подпольем.

– Подолье? Это ОУН?

– Да. Организация украинских националистов. Сокращенно ОУН. Ныне они возглавляют не только подполье, но и армию, ими созданную. Эта организация носит название УПА – Украинская повстанческая армия.

– И я буду представлять вас?

Лайдеюсер покачал головой:

– Я не могу действовать официально. Не могу отправить туда полномочного резидента из Абвера. А вот вы подходите, Лавров.

– В случае чего от меня легко откреститься?

– Именно так, – признался Лайдеюсер. – Но не подумайте, что я не стану вас поддерживать. Стану по мере своих сил. Но официально вас отправить я не могу.

– Значит ваш план не получил одобрения высшего руководства?

– Вы все поняли правильно, Лавров. Мое начальство не даст санкции на союз с ОУН.

– Тогда зачем это вам, герр майор?

– Ради Германии.

– Вот как?

– Германия испытывает острую нужду в ресурсах! И скоро нам понадобится любая помощь. И в будущем мои усилия

смогут пригодиться Германии. Но я не могу ждать, когда мое начальство это поймет. Тогда уже будет поздно.

– Моя основная задача?

– Мне нужно узнать, что представляет собой Украинская повстанческая армия. Какими ресурсами она располагает. И насколько эффективна она будет в будущей войне с большевиками.

– Для того, чтобы добыть такие сведения мне нужно сойтись с видными представителями украинских националистов.

– У вас будет такая возможность.

– С какими документами я поеду?

– Я знаю, что ваша мать родом из Ровно, Лавров.

– Нет. Это моя бабушка со стороны матери родилась в Ровно. Но моя мать никогда там не была, как и я.

– Вот и будет шанс посетить родину бабушки. Вы представитесь дезертиром из Красной армии. Фамилия вашей матери – Коваленко?

– Девичья фамилия.

– Вот и вы станете Коваленко Владиславом Ивановичем.

Вашим напарником будет наш преподаватель радиодела.

– Ганс Корнер?

– Он. Это хороший специалист и давний агент Абвера. Вам стоит с ним подружиться. Совместная работа этого требует...

Абвершкола в Брайтенфурт.

Сентябрь, 1943 год.

Инструктор Ганс Корнер.

Майор Лайдеюсер вызвал к себе Ганса Корнера, который состоял в Брайтенфурт в должности инструктора по радиоделу. Уже два года он выполнял эту скромную работу и в разведшколе никто кроме Лайдеюсера не помнил о прошлом Корнера. Ранее он работал в министерстве восточных территорий у Альфреда Розенберга специалистом по восточным народам.

Корнер был сторонником «мягкой оккупации» и советовал придать походу против СССР видимость освободительного, а не завоевательного. Мол немцы идут спасать славянские народы от жидо-большевизма. И если в 1940 году его еще слушали, то после нападения на СССР и первых успехов вермахта, от услуг Корнера отказались.

– Герр майор! Инструктор Корнер!

– Прошу вас, герр Корнер. Прошу. Располагайтесь вот здесь.

– Как прикажете, герр майор.

– Не стоит столь официально, герр Корнер. Я пригласил вас не для отчета. Я хочу поручить вам работу, которая вам ближе.

– Я не понимаю вас, герр майор. Я инструктор по радиоделу.

– Но в прошлом вы были специалистом по восточным вопросам, герр Корнер.

– Был. Но мои мысли, и мои проекты были признаны вредными для рейха. Меня отстранили от работы и отправили сюда. Неужели у начальства поменялось мнение?

– Пока только у меня, герр Корнер. Те, кто стоят выше, ничего про наш разговор не знают.

– Вот как? Тогда зачем его начинать?

– Затем, что в скором времени они скажут нам с вами спасибо.

– Мне уже сказали «спасибо» в 1941 году, герр майор. Я тогда составил докладную записку об использовании местных националистов против большевиков. Поначалу мои идеи нашли отклик у командования. Но что потом? Вмешались партийные чиновники и меня выставили как мальчишку. «Зачем фюреру союз со славянами?» «Я не верю в величие немецкой нации?»

– Это было давно, герр Корнер.

– Они тогда в 1941 году обещали нам победу. Но уже осень 1943 года, герр майор. А где победа? Наступление под Курском, «которое приведет к краху большевиков», провалилось. Ныне Геббельс твердит по радио, что «Восточный вал непреодолим для большевиков»! Но так ли это?

Лайдеюсер полностью разделял мнение Корнера.

– Потому я и вызвал вас, герр Корнер. Мне нужны ваши связи с националистами.

– Вы готовы пойти на союз? Это слишком серьезный вопрос.

– Я это понимаю. Но Игра того стоит.

– Но после того как командование вермахта и руководство рейха поступило с лидерами национального украинского движения, захотят ли они пойти на контакт с нами?

– Вы сможете восстановить свои связи с лидерами ОУН?

– Возможно всё, герр майор. Но ведь у вас нет полномочий.

– Несмотря на то, что полномочий нет, я смогу оказать вам поддержку. Я получу для вас разрешение отправиться в Ровно.

– А какое задание я получу для прикрытия?

– Борьба с советскими партизанами. Люди гаулейтера¹⁸ давно просят нашей помощи в этом деле. Здесь никаких затруднений не будет. С вами пойдет наш инструктор Лавров.

– Лавров? Но он отстранен от работы.

– От работы инструктора в разведшколе. Но для вашего дела он подойдет.

– Но можно ли ему верить?

– Нет. В полной мере ему верить нельзя. Я даже думаю, что он связан с советской разведкой.

---

¹⁸ Гайлейтер – губернатор, начальник Гау, провинции на которые был разделен рейх. Здесь автор имеет в виду гаулейтера Украины Эриха Коха.

– Что?

– Именно так.

– И вы пошлете его со мной?

– В этом деле он может быть полезен. Красных также интересуют украинские националисты. И здесь он станет работать не за страх, а за совесть, как говорят русские. Просто говорить всего мы ему не станем.

– Что в итоге нужно сделать? – спросил Корнер.

– Мне нужны крепкие связи с лидерами ОУН. Я должен знать о них всё. И на основании этого мы разработаем план борьбы с большевиками на случай нашего отступления из пределов Украины.

– Значит, вы не верите в силу вермахта, герр майор?

– Я реалист, герр Корнер. А в этой войне победить смогут только реалисты.

– Верно! Нам твердили, что государство большевиков подобно Австро-Венгрии и состоит из многих «лоскутов», сшитых «гнилыми нитками советской пропаганды». Это государство сразу развалится на части, ибо никто за большевиков воевать не станет. Но что вышло? Теоретики Геббельса ошиблись.

– Вот мы с вами и станем опираться на реальное положение, герр Корнер. Но его нужно знать!

– Я могу вам сказать, герр Лайдеюсер, что основной целью ОУН было и есть создание Украинского государства. Они считают, что СССР и Германия истощат друг друга в вой-

не и будет создан благоприятный момент для возрождения Украины.

– Сейчас они создали УПА, и эта организация весьма активизировалась в Галиции и на Волыни. В октябре 1942 года прошла конференция ОУН, где они приняли решение считать немцев врагами наряду с другими оккупантами украинских земель.

Корнер ничего не знал об этом.

– Вот как? Тогда дело плохо, герр Лайдеюсер.

– Но разве это помешает вам наладить тайные контакты?

– Если руководство ОУН приняло такое решение, то мы с ними враги! И моя миссия сильно осложнится. На чью поддержку я могу рассчитывать?

– В деле борьбы с партизанами вам помогут все структуры и Абвера, и СД, и управления гаулейтера. Но в деле тайного задания, вы можете рассчитывать на себя и на меня, пока мы не получим одобрения наших планов свыше.

– Получим ли?

– Обязательно получим!

* * *

Абвершкола в Брайтенфурт.

Сентябрь, 1943 год.

Ганс Корнер и Роман Лавров.

Роман Лавров встретился с преподавателем радиодола.

Сам Ганс Корнер зашел к нему в комнату, получив право доступа от майора Лайдеюсера. Лавров и не знал до этого дня, что тот не просто преподаватель радиодела, но старый агент, который в свое время работал в Чехословакии, Венгрии, Польше, а также в пограничной полосе СССР накануне 22 июня 1941 года.

– Нам с вами, герр Лавров отныне предстоит много работать вместе, – сказал Корнер.

– Герр Корнер, вы, очевидно, имеете вопросы?

– Да, герр Лавров, и прошу понять меня правильно. Я предан делу и хочу работать с теми, кто также предан, как и я. Иначе все это пустая трата времени.

– Вы мне не верите?

– Я не сказал этого, герр Лавров. Да что такое вопросы веры? Сегодня вы один, а завтра, под воздействием обстоятельств, станете иным. Все меняется в этом мире.

– Я вас понимаю, герр Корнер. Я в прошлом офицер советской контрразведки.

– Этот факт мне известен.

– И мы с вами ведем борьбу против советов. В данный момент.

– Это все мне известно, герр Лавров.

– Дело в том, что я русский?

– Совсем нет. Другие русские не верят вам, герр Лавров. Например, капитан Глазепап или капитан Раковский. Они также русские. И иногда русские большие враги большевиз-

ма, чем немцы.

– Глазенап¹⁹ давно меня не любит. Он еще в прошлом году утверждал, что меня нельзя отправлять в Харьков! Он говорил, что я сразу перебегу на сторону большевиков. Но у меня нет такой возможности, герр Корнер. Даже если бы я этого хотел.

– Значит, вы не преданы делу, герр Лавров?

– Я предан самому себе, герр Корнер. А моя жизнь сейчас зависит от успехов вермахта. И мне обидно, что мы с вами просто теряем время на пустые разговоры о преданности. Я выполнил задание в Харькове в 1942 году. Вы ведь видели меня в качестве преподавателя, герр Корнер? Разве я не приношу пользу?

– Должен сказать, что ваши занятия были весьма полезны.

– Тогда что вас волнует?

– Капитан Глазенап утверждает, что недавние провалы наших разведгрупп связаны с вами. Простите. Но ведь у нас откровенный разговор, герр Лавров.

– Я знаю, что Глазенап, как и часть русских преподавателей школы, желает найти виноватого в моем лице. Как же! Я ведь служил в контрразведке красных.

– Но провалы действительно есть!

– Я подсчитал статистику провалов, герр Корнер. У меня

---

¹⁹ Глазенап Игорь Леонидович – кличка «Глама», один из героев романа «Вдова»: Архив профессора Пильчикова». Реальное историческое лицо. Занимал пост коменданта абершколы в Брайтенфурт.

было на это время. Желаете взглянуть?

– Да.

– Вот провалы наших групп в сентябре 1942 года. Из заброшенных 34 групп провалились 26. А вот статистика за декабрь 1942 года и март 1943 года. Из заброшенных 30 групп провалились 16. По этим цифрам видно, что провалов в сентябре 1942 года было больше. Но я тогда был на задании в Харькове. В школе меня не было, и агентов к заброске я не готовил. Чем капитан Глазенап объясняет эти потери?

– Всё это так, но сейчас дело не в словах Глазенапа. Оставим его подозрения. Сейчас нам с вами доверено важное дело. Это работа на перспективу! И важность такой работы трудно переоценить.

– Насколько я понял, наше задание – западная Украина.

– Именно так, господин Лавров.

– И вы не готовы меня посвятить в дело, ибо мне не верите, герр Корнер? Я все верно понял?

– Скажу, что у меня есть некоторые сомнения. И вам не стоит обижаться. Я действую в интересах дела. Вы ведь не девушка. Не так ли?

– Я не обижен, но если вы не можете мне доверять, то к чему наш разговор?

– Но я хотел бы поговорить с вами, Лавров. И составить свое мнение о вас, а не опираться на мнение капитана Глазенапа.

– Я готов к разговору, герр Корнер.

– Что вы знаете об ОУН, господин Лавров?

– Это Организация украинских националистов, герр Корнер. Но с ними я не работал. Ни с той, ни с этой стороны.

– Но что вы скажете об организации?

– У них были большие успехи в сороковых годах в деле террора. Организация была хорошо законспирирована, её руководители отлично организовали внутреннюю структуру.

– Именно так. Я с ними работал 1940–1941 годах. Прямо перед началом войны с СССР. Тогда мы с ними были союзниками. Они помогали Абверу. Но потом, после попытки лидеров ОУН установить свое государство во Львове в 1941 году, отношения испортились.

– Я плохо знаю об этой попытке, герр Корнер.

– Все довольно просто. Националисты желали освободиться от большевиков. Им нужна была сила, которая в этом поможет. И эта сила Рейх! И после того как части вермахта взяли Львов у большевиков, они решили провозгласить во Львове возрожденную Украинскую державу.

– Не согласовав это с лидерами рейха?

– Именно так, герр Лавров.

– Но этот шаг безумцев, герр Корнер.

– Не сказал бы, что этот шаг лишен логики. Лидеры ОУН не стали согласовывать с Германией этот шаг, ибо думали, что в обстановке борьбы с СССР фюрер примет Украинскую державу как свершившийся факт!

– Но фюрер не принял?

– Нет. Хотя в высшем командовании у этой идеи нашлись свои сторонники. Но это был 1941 год, герр Лавров! Армии фюрера шли к победе, и никто не сомневался в том, что эта победа близка. И зачем нам нужна Украинская держава в таком случае? Но сейчас положение изменилось.

Лавров понимал, о чем говорит Корнер. После поражения под Курском и освобождения Харькова немцы перестали быть атакующей стороной. Теперь красные навязывали им сражения.

– Неужели там наверху одобряют план союза с украинскими националистами? – спросил Лавров.

– Смотря как пойдут дела, – ответил Корнер. – Возможно, что скоро они станут нашими верными союзниками. Это как дело повернуть. Много не слишком умных людей в нашем руководстве упорно держатся доктрин, которые были актуальны в 1940 году. Но ныне они безнадежно устарели, и от них следует отказаться.

– Вы можете положиться на меня, герр Корнер! Задание сложное, а значит работа интересная.

– Именно так, герр Лавров. Но для вас это задание весьма опасно. Вашей головой пожертвуют в первую очередь в случае чего.

– Я готов рисковать, герр Корнер. Но вы можете сказать мне откровенно, если я спрошу вас.

– О чем?

– Вы думаете, что вермахт оставит Украину?

– А что вы сами думаете?

– В немецких газетах говорится, что большевистские орды разобьются о стену нашего Восточного вала. Днепр большевикам не перейти.

– Герр Лавров, вы ведь разведчик? Или я ошибаюсь?

– Могу считать себя таковым.

– Тогда вы знаете ответ на вопрос. Днепр преградой не станет. И красные перейдут его уже в этом году. А иначе какой смысл в той работе, что мы с вами станем вести.

– Значит, вы лично готовы взять меня в команду?

– Да, герр Лавров. И потому вы получите задание в Ровно.

– В Ровно?

– Именно там.

– И что мне там делать?

– Найти одного человека. Он, как и вы, бывший офицер Красной Армии. Его настоящая фамилия Карпенко. Но в Ровно его знают как Ястреба.

– Ястреба?

– В Украинской повстанческой армии, которую сформировали ОУН, так принято, не называть своих имен и фамилий. Они получают псевдонимы. Так вот Карпенко – это Ястреб, или «друзе Ястреб» как они себя именуют.

– Он агент Абвера, как и я?

– Нет. Он в розыске и за его голову немецкими властями назначена награда.

– Большая?

– Десять тысяч рейхсмарок!

– Ого! И за что же так много?

– Карпенко был среди тех, кто возглавлял отряд УПА «Перша варта» в мае 1943 года.

– Простите мое невежество, герр Корнер, но я не знаю, что такого случилось в мае 1943 года, и никогда не слышал о боевой единице под названием «Перша варта».

– Я и сам совсем недавно это узнал. Это держится в тайне, и никто этой информации не афишировал, герр Лавров.

– Но я могу узнать, что там произошло?

– Я вам расскажу. Отряд УПА «Перша Варта» в мае 1943 года на шоссе Ковель-Брест устроил засаду для немецкой колонны. В ходе этой операции погиб обергруппенфюрер СС Виктор Лютце²⁰. А звание обергруппенфюрера соответствует генерал-лейтенанту.

– И каковы же были ответные действия немецкого командования?

– Сам рейхсфюрер СС Гиммлер отправил в Украину не кого-нибудь, а самого Эриха Бах-Залевски. Главного по борьбе с партизанами!

– И что?

– Ничего. Ястреб как был в Сарненских лесах так там и остался.

---

²⁰ В реальности это был отряд УПА «Месть Полесья», который в мае 1943 года на шоссе Ковель-Брест устроил засаду для немецкой колонны. В ходе этой операции погиб обергруппенфюрер СС Виктор Лютце.

– А Бах-Залевски? Ведь говорят, что он всегда достигает результата!

– Бах-Залевски мастер не только по операциям против партизан. Он мастер составлять отчеты. И он составил отчет о проделанной работе, который понравился рейхсфюреру.

– А на деле?

– Я уже вам сказал: «Перша варта» все еще сила и Ястреб ей командует.

– Но моя задача не сдать Ястреба, я надеюсь, герр Корнер?

– Нет. Ваша задача его найти. И присоединиться к нему. А это не так просто. Ястреб еще более недоверчив, чем я.

– Допустим, что я его нашел. Что дальше?

– Это не так просто, герр Лавров. И потому я пока этим ограничу ваше задание.

– Дело в том, что я не знаю города Ровно.

– Мы с вами перед заброской досконально все изучим, герр Лавров.

Глава 2

Гаулейтер Украины

Ровно.

Генеральный округ Ровно²¹.

Generalbezirk Wolhynien-Podolien

Резиденция гаулейтера.

Сентябрь, 1943 год.

Гаулейтер²² Украины Эрих Кох редко бывал в своей резиденции Ровно. На этот раз он прибыл по срочному вызову Генерального комиссара округа Ровно Эриха Шёне.

Кох был гаулейтером не только Украины, но и Восточной Пруссии и потому торопился обратно из-за неотложных дел. В резиденции его снова ждали «неприятности». На этот раз начальник службы СД оберфюрер Танцман сообщил о новой диверсии на станции Здолбуново.

– Я лично способствовал вашему назначению, Танцман. И

---

²¹ Генеральный округ Ровно – Рейхскомиссариат Украина с 1 сентября 1942 формально состоял из 13 округов, семь из которых никогда не были созданы. Реально существовали генеральные округа Днепропетровск, Киев, Симферополь, Николаев, Житомир, Ровно. Несозданные округа – Чернигов, Харьков, Донецк, Воронеж, Ростов.

²² Гаулейтер или Гауляйтер НСДАП (нем. Gauleiter der NSDAP) – высшая партийная должность национал-социалистической немецкой рабочей партии областного уровня. Немецкое слово Leiter означает вожатый, руководитель, а Gau – наименование партийных округов.

вы, как и ваш предшественник, не можете обеспечить порядок. Здолбуново – стратегический объект. Станция связывает Германию с Восточным фронтом.

– Я это хорошо понимаю, герр гаулейтер. И знаю, что в Здолбуново работает красная диверсионная сеть.

Кох нервно засмеялся.

– Эти же слова говорил и ваш предшественник! Любому идиоту ясно, учитывая стратегическое значение Здолбуново, что там работает красная сеть. Мне нужны аресты среди этой сети, а не простая констатация факта, что она существует!

Танцман обиделся на слова Коха.

– Пока мне не удалось выйти на сеть. Но я выяснил, как произведена диверсия.

– И что они на этот раз придумали?

– Ранее они для диверсий на железной дороге применяли простые приемы: резали шланги тормозов у вагонов и паровозов, развинчивали рельсы. Таких диверсантов много было поймано службой СД в Здолбунове. Но на центральную сеть они нас не вывели.

– Вы что, тоже не умеете работать, Танцман?

– Дело не в том, герр гаулейтер. Это простые исполнители и они не могут сказать того, чего не знают. И дело здесь совсем не в методах допроса. Для нынешней диверсии они применили довольно хитрый прием. Кусок тола с взрывателем покрыли клеем и обваляли его в угольно пыли. И эту «мину» невозможно отличить от куска угля. Затем такое

нехитрое устройство попадает в паровозный тендер с углем. А потом и в топку паровоза.

– Но кто изготавливает эти устройства?

– Сотрудники СД Здолбуново работают.

– Как надоело мне слышать эту фразу, Танцман! Результата нет!

– Вы ошибаетесь, герр гаулейтер. Результат у службы СД есть. Два дня назад сотрудники СД Здолбуново изъяли пять портативных магнитных мин замедленного действия. Мины эти легко переносить, и «прилипают» они к любой железной вещи. Мины были доставлены в Ровно и с ними работают наши специалисты. В каждой такой мине взрыватель с часовым механизмом, рассчитанный на шесть или двенадцать часов. Если такую мину установить под котлом паровоза, то взрыв произойдет за триста километров от станции.

– А что говорят люди, у которых эти мины изъяли?

– К сожалению, они были убиты при задержании, герр гаулейтер.

– Черт знает что!

– Партизанам пришлось использовать примитивные мины в угле, герр гаулейтер, из-за того, что магнитные мины были изъяты у них. Это уже успех службы СД.

– Но диверсия все равно произведена! Какая разница какими минами, Танцман! А ваша задача не допускать диверсий!

– Я приложу все силы, герр гаулейтер!

– Идите, Танцман!

Шеф гестапо ушел. Но гаулейтеру сообщили, что прибыл генеральный комиссар округа Ровно Шёне.

Кох сразу «набросился» на него:

– Я снова недоволен, герр Шёне! Сменили начальника гестапо! И каков результат?

– Но что может сделать начальник гестапо в таких условиях, герр гаулейтер? Оберфюрер Танцман только входит в курс дела. И, как говорят, он отличный специалист.

– Слишком долго он раскачивается. Время военное и обстановка требует быстрых решений. Снова диверсия на железной дороге в Здолбуново. Снова проклятые партизаны!

– Именно обстановка на фронте плодит партизан, герр гаулейтер. Не хочу показаться вам грубым, но мы проигрываем войну.

– Шёне! Если сам Генеральный комиссар Украины так говорит, то чего ждать от других?

– Я сказал это только вам, герр гаулейтер. Но вы сами требуете действий. И сейчас нужно учитывать реальные обстоятельства. А они таковы, что наши войска потерпели сокрушительное поражение под Курском. И местные это знают.

– Я давно говорил, что нужно пресечь распространение листовок.

– Это сделать не так просто, если вообще возможно. А лучше всего иметь хорошие новости с театра военных действий. Это лучшая агитация в нашу пользу.

Кох сел в кресло. Нужно успокоится. Шёне говорил дело.

– У вас есть какой-то план, Шёне?

– Да.

– И что это за план?

– Учитывать реалии и действовать в соответствии с ними.

– О каких реалиях вы говорите, Шёне?

– Вермахту придется оставить Украину.

– Шёне! – Кох снова вскочил на ноги. – Эти слова граничат с изменой фюреру и рейху!

– Нет, герр гаулейтер! Я совсем не изменник. Изменники те, кто не видит очевидного! А очевидное в том, что никакого Восточного вала нет. Частей что держат правый берег Днепра недостаточно, чтобы остановить большевиков.

– И что предлагаете вы, Эрих?

– Использовать украинское подполье против большевиков!

– Я уже много раз вам повторял, Шёне, что мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец при встрече с поляком убивал поляка. Нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны эти земли!

– Так было, герр гаулейтер в 1941 году. Но сейчас уже сентябрь 1943 года. Изменилась обстановка. Украинцы готовы за идею Украинской Державы зарезать даже свою фрау! Они идеальные бойцы против Красной Армии.

– Пусть так. Но как вы видите это использование нацио-

налистов?

– В северной части уже сформированы отряды Украинской повстанческой армии, герр гаулейтер.

– Это мне известно.

– Возглавляет эти части генерал Боровец. Силы его растут, и число солдат постоянно увеличивается. Боровцу нужно оружие. Много оружия и боеприпасов.

– И вы предлагаете вооружать их? Вы представляете, что скажут в Берлине на подобное?

– Обстановка того требует. В феврале 1943 года большое партизанское соединение совершило рейд по нашим тылам. Рейд охватил Винницкую и Житомирскую области. В марте другое соединение большевиков совершило рейд в Черниговской области. А летом этого года большой отряд (если это можно назвать отрядом, а не дивизией) с артиллерией и минометами двинулся к Карпатам. Они обошли Ровно с запада и повернули на юг. В июне партизаны формировали Днестр севернее Галича и ушли в горы.

– Мне это известно. Это соединение Ковпака.

– Рейд партизанского соединения Ковпака вызвал тревогу среди украинских националистов. Они боятся утратить влияние на местное население. И потому сейчас идеальное время для переговоров.

– Переговоров? С кем?

– Герр гаулейтер, вам нужно принять полковника Драгульца.

– Кто это такой? – спросил Кох.

– Полковник Иван Драгулец, начальник штаба УПА-Север²³. Он имеет полномочия от генерала Боровца²⁴ и связанных с Боровцом лидеров ОУН²⁵. Я уже имел с ним беседу, но лидеры центрального провода хотят говорить с вами.

– Вы генеральный комиссар Ровно, Эрих. Им мало такого чиновника?

– Они хотят, чтобы вы поговорили с полковником. Вам это ничего стоить не будет, герр Гаулейтер.

– Хорошо! Я готов с ним встретиться...

* * *

Генеральный округ Ровно.

Резиденция гаулейтера.

Сентябрь, 1943 год.

Полковник Драгулец.

Эрих Кох принял в резиденции представителя штаба УПА полковника Ивана Драгульца. Полковник в целях секретности прибыл в рейхскомиссариат в штатском костюме. В приемной его записали под другим именем, дабы никто не

---

²³ УПА – Украинская повстанческая армия.

²⁴ Тарас (Бульба) Бровец – руководитель Полесской сечи – вооруженной организации украинских националистов, существовавшей на территории Полесья и Волыни с августа 1941 по 1944 год.

²⁵ ОУН – Организация Украинских Националистов.

смог узнать об их встрече.

Эрих Шёне записал Драгульца румынским коммерсантом Иванеску, который прибыл к рейхскомиссару по поводу военных поставок.

– Вы полковник Драгулец?

– Да, герр гаулейтер. Полковник Иван Драгулец, начальник штаба армии УПА-Север.

– Вы считаете это армией?

– Это и есть армия, герр гаулейтер.

– Но вы вели активные боевые действия против немецкой администрации на территории рейхскомиссариата Украина, герр полковник. А это военное преступление!

– Возможно, что это именно так, герр гаулейтер. Мы действительно вели военные действия с частями германской армии.

– И вы имели наглость прийти ко мне?

– Я добивался встречи с вами, герр гаулейтер, по приказу моего командования. Но если вы хотите спросить за убитых немецких солдат и офицеров, за взятое нами трофейное оружие, то я готов отвечать, как представитель УПА-Север!

– Вот как? Но вы знаете, какой будет приговор?

– Знаю, меня повесят, как и наших людей, которые были казнены в Ровно несколько дней назад.

– Вы готовы умереть, герр полковник?

– Готов. Я готов отдать жизнь за дело возрождения Украинской Державы.

Коху не нравился этот офицер. И потому он решил его поторопить:

– Чего вы хотите от меня?

– Совместных действий.

– Вот как?

– Пришло время. Когда мы с вами можем быть союзниками, герр гаулейтер. Вас волнуют советские партизаны, которых стало слишком много в последнее время. Это волнует и центральный провод ОУН и штаб УПА. Мы можем помочь.

– Ваш командир господин Боровец? Не так ли? – спросил Кох.

– Да. Тарас Боровец, генерал-хорунжий УПА.

– В 1942 году ваш генерал вел переговоры с большевиками на хуторе Старая Гута. Как видите, полковник, нам это известно.

Драгулец хорошо знал про эти переговоры, ибо сам был участником встречи с представителями советских партизан. Тогда в составе делегации прибыли Боровец, Пилипчук, Рыбачок и он Драгулец. Советскую делегацию возглавлял полковник Одинцов...

* * *

Одинцов высказался первым:

– Все мы слышали об успешных действиях господина Боровца против гитлеровцев. Но действия ваших отрядов мо-

гут быть более эффективными если бы мы объединили наши усилия в борьбе против общего врага.

– Что пан полковник предлагает конкретно? – спросил Боровец.

– Вы можете перейти в подчинение Центрального штаба партизанского движения.

– В подчинение вам?

– Не мне. А центрального штаба.

– Но здесь этот центральный штаб, представляете вы, пан полковник?

– Сейчас я веду переговоры от имени Центрального штаба. Я полковник НКГБ Одинцов.

– А что конкретно вы можете предложить?

– Амнистию всем участникам украинских формирований, которые возглавляете лично вы, господин Боровец.

– Амнистию?

– Именно так. Естественно, при условии полного прекращения наших взаимных столкновений и совместных действиях против немцев.

– Я не против прекращения военных действий между нами, пан полковник. С этим мы сюда и прибыли. Мы можем заключить союз и скоординировать наши действия для более успешного противостояния гитлеровцам.

– Но скоординировать наши действия нужно со Ставкой в Москве.

– Мы предлагаем союз против немцев. И мы готовы за-

ключить с СССР мир и военный союз против Германии. Но для этого СССР должен признать суверенность УНР.

– Такие серьезные вопросы я решать не уполномочен.

– Я и не требую того, пан полковник. До момента окончания политических переговоров мы готовы заключить перемирие с вооруженными силами СССР и придерживаться нейтралитета.

– Я сообщу своему руководству о ваших требованиях. Но вы готовы пойти на совместное с нами вооруженное восстание против немцев, господин Боровец?

– При условии, что мы продолжим решать политически вопросы на дальнейших переговорах, пан полковник...

* * *

Драгулец ответил Коху:

– Такие переговоры действительно велись летом 1942 года. Я не стану этого отрицать. Но никаких серьезных соглашений между нами и СССР достигнуто не было.

– Но вы договаривались воевать с немцами!

– Однако, герр гаулейтер, очевидно, не знает, что в феврале 1943 года мой предшественник на посту начальника штаба УПА-Север полковник Щербатюк был захвачен советскими партизанами и расстрелян. И через неделю после этого события УПА официально вступила в открытую борьбу на два фронта, против СССР и Германии.

– Но заявление это пока не имеет почти никаких реальных подтверждений действием! – сказал Кох.

– Пока серьезных стычек с советами у нас было мало. Но мы способны активизировать эту борьбу. И наша помощь может оказаться существенной в этих условиях, герр гаулейтер...

Глава 3

Краевой командир УПА

Группа УПА-Север²⁶.

Сентябрь, 1943 год.

Генерал-хорунжий Боровец.

Генерал-хорунжий Боровец, краевой²⁷ командир УПА, выслушал доклад куренного²⁸ Ждана. Тот требовал расстрела для сотенного²⁹ Ястреба за нарушение приказа и многократное неповиновение старшему начальству.

Боровец хорошо знал, что Ждан и Ястреб терпеть друг друга не могли и он уже не раз разбираал жалобы Ждана на сотенного. Но генерал-хорунжий ценил Ястреба за смелость и военные таланты.

– И каковы основания для столь сурового наказания?

– Я уже представил достаточно снований, друже краевой.

– А с кем воевать станем, друже куреной? – спросил Бо-

---

²⁶ В группу УПА-Север входило 4 военных округа – «Туров», «Заграва», «Богун» и «Тютюнник». Они охватывали территорию Волынской, Ровненской, Житомирской и западную часть Киевской областей. УПА-Север также оказывала влияние на южные районы Брестской и Пинской областей Белоруссии, где проживала значительная часть украинского населения.

²⁷ Краевой в УПА – командир бригады. Генерал-лейтенант.

²⁸ Куренной в УПА – командир полка. Полковник.

²⁹ Сотенный в УПА – командир роты. Капитан.

ровец Ждана.

Ждан не понял вопроса.

– Я спросил, кто воевать станет? У вас много офицеров с опытом, друже Ждан?

– Але друже крайовий ...

– После нашей победы станем разбирать, кто и что сделал и кто в чем был виноват. А пока нужно решать боевые задачи. И Сотенный Ястреб такие задачи решать может. Да и разве это главное? К нему люди тянутся. У кого лучшая сотня? У Ястреба. Кто имеет лучшее вооружение? Ястреб. И заметь, Ждан, он меня не просит что-то ему дать! Все сам достает! Сам! А вот ты лично постоянно просишь. Дай то, дай сё! Кто первым обеспечил свое подразделение униформой? Ястреб. А вот у тебя даже штаб не обмундирован как положено!

– Но где взять столько формы, друже краевой?

– А ты у Ястреба спроси. Арестовать его ты сумел. А кого поставишь на его место?

– Уже назначен новый сотенный Ковтун.

– Ковтун? Это из твоего штаба? Низкорослый такой?

– Дело не в росте, друже краевой.

– Это ты верно сказал, друже куренной. Дело не в росте. Сотня «Перша Варта»³⁰, которую возглавляет Ястреб, лучшее подразделение у меня. Лучшее. И ко мне уже прибыла делегация от сотни. Требуют освободить командира.

---

³⁰ «Перша варта» – Первая стража.

– Делегация? Но как могут они обращаться к вам, друже краевой, через мою голову?

– Ныне идет война, Ждан. И на войне бывает всякое. Но мне нужна «Варта», друже куренной. Да разве только мне? Она нужна Украине!

– Но чего стоит дисциплина, друже краевой? Тогда её совсем не будет.

– Буде, друже курной. Я лично стану говорить с Ястребом.

– Говорить? С ним говорено много раз. Мой референт пропаганды сказал мне, что Ястреба не перевоспитать!

– Ваш референт пропаганды? Но разве он солдат? Кто командовать будет? Ковтун? Сотня «Перша варта» отказалась подчиняться Ковтуну.

– Как отказалась? – удивился куренной Ждан. – Но это бунт.

– И что? Прикажешь разоружить лучшую сотню УПА-Север? Иди, Ждан. Я сделаю все, что в моих силах.

Боровец отпустил куренного и положил его рапорт в папку. Затем приказал привести к нему арестованного сотенного.

Ястреба привели. В прошлом он был офицером Красной Армии, и звали его Дмитро Карпенко. Молодой человек не старше 25 лет в военном френче с накладными карманами, в таком же как и у самого генерал-хорунжего. Три прямоугольные полоски на рукаве – знак воинского звания сотенный. У самого Боровца на рукаве тризуб и дубовый лист –

знак генеральского звания.

– Сидай, друже Ястреб.

Сотенный сел на стул.

– Жалуется на тебя твой куренной атаман, друже сотенный. И то есть вредно для дисциплины, Ястреб. Дуже вредно. И мне того в моей армии не нужно!

– А воевать нужно, друже краевой? – смело спросил сотенный.

Боровец строго посмотрел на молодого офицера. Он был много старше Ястреба и повидал на своем веку людей.

– Ты кем себя возомнил, сотенный? Или, правда, думаешь, что нам без тебя не обойтись?

– Я солдат, друже краевой.

– Так и будь солдатом, а не скандальной бабой, друже сотенный. Почему поступаешь так, как тебе заблагорассудится?

– Я выполняю свой долг. Я сражаюсь за Украину с немцами.

– Сражаешься? Это верно. Твой отряд «Перша Варта» совершил подвиг в мае этого года. Но это не дает тебе права нарушать приказы!

– Друже краевой, но вы разве вникли в дело? Мой поручик не просто нарушил приказ, он спас наших людей от банды АКовцев³¹. Простых украинских людей спас. Женщин и

---

³¹ АК или АКовцы – подразделения польской Армии Крайовой. Славились зверствами в отношении украинского мирного населения.

детей, которых те хотели вырезать.

– И ты считаешь это основанием для срыва нашей операции?

– Там была семья моего поручика. И все люди что участвовали в уничтожении банды АКовцев были из того села, друже краевой. Я считаю, что они правы. И сам поступил бы так.

Боровец немного помолчал, а затем сказал:

– А знаешь, почему большевики побеждают немцев, сотенный?

– Они сражаются за свободу своей родины.

– Не только поэтому. Они не считаются с жертвами во имя этой свободы. Ты сам служил в их армии. Скажи, что было бы, если бы ты там нарушил приказ командира?

– Я потому и не служу больше в Красной Армии, друже краевой.

– Они бы тебя сразу к стенке поставили, не смотря на все твои заслуги, друже сотенный. А вот я уже папку жалоб на тебя имею, Ястреб. Желаешь посмотреть? На тебя жалуются все и куренной и люди из эс-бэ³². А я все еще не приказал тебя расстрелять!

– Я разве прошу вас сохранить мне жизнь, друже краевой? Делайте то, что должны!

– Я уважаю тебя за храбрость, Ястреб. Но не заставляй

---

³² СБ – служба безопасности у украинских националистов в годы Второй мировой.

меня думать, что ты глупец. Скажи, ради чего мы воюем?

– Ради Украины, – ответил сотенный.

– Верно. Ради Украины. Но ты разве не видишь, какие силы сошлись здесь в смертельной схватке? Вся мощь вермахта и вся мощь СССР. Два колосса! И колоссы эти совсем не глиняные ноги имеют. Военные заводы, ресурсы, научные центры, что изобретают им оружие, военные школы и академии, что дают им офицеров. А что есть у нас?

Ястреб не ответил генерал-хорунжему.

Боровец сказал сам:

– А у нас нет ничего. Вот у меня лично для обеспечения моей армии УПА-Север нет ни одного военного завода! Вопрос – где мне брать оружие? Вот ты смог захватить трофейное у немцев. А другие мои сотники не смогли этого сделать. Не всем везет как тебе, Ястреб. Армия не может зависеть от трофеев, друже. Ей нужно регулярное снабжение оружием и боеприпасами! И снова вопрос – где это взять?

– Где?

– Нужно искать союзников по борьбе. В 1941 году я вел переговоры с немецким гебиткомиссаром. В 1942 году с советами. Да с советами. И мне удалось договориться о нейтралитете с партизанами, которые здесь подчиняются Москве. Это был компромисс, который продиктовала мне текущая обстановка! А сейчас операция, которую сорвали твои люди, была также компромиссом. У нас еще нет настоящей армии, Ястреб. Есть партизанские отряды, разбросанные на боль-

шой территории. И нам еще только предстоит создать из них армию. А возродить Украину без армии никак невозможно, друже сотенный. И плохо, что даже ты, в прошлом офицер кадровой армии, этого не желаешь понять. Я не хочу запугивать ни тебя, ни твоих офицеров, сотенный Ястреб. Знаю, что смерти вы не боитесь. Но подумай о моих словах.

– Друже краевой...

– Я уже приказал вернуть тебе оружие. Получишь в другой комнате у моего адъютанта. Но если еще раз приказ нарушишь, лучше переходи к советам. Не помилую. В моей армии места для тебя больше не будет, сотенный.

– Понял вас, друже краевой!

– Вот и хорошо, что понял. Иди, Ястреб. Хотя, постой. Сколько у тебя человек ныне?

– В сотне 277 вояк из записанных. И еще идут. Тех пока записать и как надо оформить не успели.

– Так много?

– Почти батальон, друже краевой. И все сами пришли. Сами. Без принуждения. У сотников, назначенных Жданом, в соседнем районе нет и 80 вояк, друже краевой. Да и тех иногда силой заманивают.

– Силой?

– Сотник Довбня, к примеру, был назначен куренным Жданом, и выделено ему было 10 вояк. Довбня должен был сам остальных в свою сотню набрать. Клич кинули, но явились на тот клич всего 5 крестьян из молодежи. Смех полу-

чался, а не сотня.

– И что сделал Довбня? Насколько я знаю в его сотне уже 120 вояк. Так выходит по спискам, которые неделю назад подал мне сам куренной Ждан.

– По спискам може и выходит, друже краевой. Но на деле нет у Довбни и сотни людей. Нахватал заложников с трех сел и заставил молодых хлопцев идти к нему в сотню, дабы тех заложников не повесили.

– Как заложников?

– А так. Составили люди из эс-бе списки. Вроде как коммунистов местных или сочувствующих. Нахватали стариков да баб. И сказал им Довбня, что коли не придут их сыновья да братья в его сотню, то повесит он всех заложников как чуждый Украине элемент!

– Может ли такое быть?

– Да все у нас может быть, друже краевой, коли таких как этот Довбня назначать офицерами.

Боровец задумался. Насколько он помнил, сам Довбня военный опыт имел и немалый. У немцев службу начинал. Основы пехотной тактики знал, и обучать людей мог.

– Довбня начинал в батальоне «Роланд». Был унтер-офицером. Знаешь про это, сотенный?

– Знаю.

– А у нас людей с военным опытом почти нет. Офицерские школы только формируются. Да и то курс у них какой? Два месяца! Смешно! Воспитать из крестьянского парня офице-

ра за два месяца! Не могу я сейчас знающими военное дело людьми разбрасываться.

– Значит, пусть берут заложников?

– Не ободряю этого, сотенный. Но сейчас вмешиваться не могу. Пойми и ты меня. Не ко времени. Армия только формируется. Нельзя скандала допустить в такой момент. Иди, сотенный. С нами Бог и Украина!

* * *

Генерал-хорунжий Боровец вызвал к себе начальника своего штаба. Полковник Иван Драгулец явился сразу. Он давно ждал в приемной.

– Как все прошло, друже? Понял ли тебя Ястреб на этот раз?

– Не знаю, Иван. Но что я могу? Поставить Ястреба к стенке нельзя. Его ударный отряд «Перша Варта» практически наше боевое знамя. Его имя знают и к нему идут люди.

– Я не о том, друже краевой. Кто говорит о расстреле? Я сам за Ястреба головой поручусь. Но в том, что он делает, есть и наша с тобой вина.

– Наша? – спросил Боровец.

– Я про то, что надо как то объяснить людям нашу политику. Многие среди вояк вчерашние крестьяне. Мы позвали их биться с немцами. Они пришли.

– Но ведь не только немцы враги Украины, Иван! Они тер-

пят поражения на фронтах. И скоро сами отсюда уйдут. И кто придет на их место? Большевики!

– Но людям это нужно объяснить, командир. А наши референты пропаганды и сами всего не понимают. Вот у большевиков пропаганда поставлена!

Боровец знал, что полковник Драгулец прибыл из Ровно, и его интересовало – начались ли переговоры.

– Погоди, Иван. Про это мы с тобой потом говорить станем. Дело прежде всего.

– Можно и про дело поговорить. И новости не самые хорошие, командир. В Ровно три дня назад были повешены пять наших парней из центрального провода ОУН.

– Как повешены?

– А ты не знаешь, как вешают? Или не знаешь за что?

– Это из-за казни двух гестаповцев?

– Да. Сотрудников СД казнили люди из ОУН. И двое их них были арестованы и признались в содеянном.

Боровец понимал, что все это совсем не ко времени. Но его интересовали переговоры.

– Что у тебя с немцами? – спросил генерал-хорунжий. – Ты смог добиться встречи с Кохом³³?

– Да. Наши в Ровно вышли на гаулейтера Украины Коха. И он принял меня.

– Что же ты сразу не сказал, полковник?

– А что говорить? Я не привез тебе оружия.

---

³³ Эрих Кох – гаулейтер рейхскомиссариата Украина.

– Но как он тебя принял?

– Холодно. Этот немец все еще верит в гений Адольфа Гитлера. Говорил о торжестве арийской идеи и окончательной победе. Словно и не слышал ничего про Курск³⁴.

– Но ты рассказал ему о наших планах?

– Да. Я рассказал ему о возможности создания в лесах полноценной украинской армии.

– И что он?

– Поначалу высказался отрицательно. «Только немецкие руки могут держать оружие. Или те, кто служит немцам»!

– Иными словами желает и далее обострять конфликт? Но это создаст мощный антинемецкий фронт у него в тылу!

– Потом Кох несколько смягчился в оценках, друже. Сказал, что будет думать и советоваться. Но не уверен, что из этого хоть что-то выйдет, друже краевой. Да и союз с немцами...

– Иван! Хоть ты не начинай! У нас нет боеприпасов! А у советов их сколько хочешь. Большинство наших людей имеют советское вооружение. Я в 1942-ом только ради этого вел с ними переговоры! Знаешь, сколько грязи на меня вылили люди из ОУН (Б). Как только не называли. А сейчас я пробую получить оружие у немцев.

– Советы с нами после Курска разговаривать не станут.

– Верно! Но немцы должны понять, что создание украин-

---

³⁴ Битва на Курской Дуге летом 1943 года, результатом которой стал разгром немцев и освобождение городов Орел, Белгород, Харьков.

ской армии и её вооружение в их собственных интересах.

– Но говорить нужно не с Кохом. Этот человек на контакт не пойдет, друже. Фанатик!

– У нас нет иных выходов, Иван. А у меня растет численность боевых отрядов. Вот только что был куренной Ждан. У его полка половина с деревяшками вместо винтовок! Он требует оружия. А боеприпасы? Даже у «Першой варты» их по сто патронов на винтовку. Гранат почти нет. Боеприпасов для советских ручных пулеметов ДП³⁵ по два диска. Для захваченного немецкого МГ 42 ничего нет. Снарядов для пушек нет.

– Но наши ведут переговоры с венграми. Они готовы обменять на продовольствие и винтовки, и пулеметы, и боеприпасы к ним.

– Слишком дорого просят венгры. Иван. Да и то количество, что они нам предоставят – это слишком мало. А вот немцы могут нам дать все. Знаешь, сколько они потеряли в курском наступлении? Да тысячной части хватило бы нам для войны в течение года! А ныне все это в трофеях у красных. Неужели они ничего не понимают?

– Я пробовал объяснить, друже краевой. Немцы хотят, чтобы мы активизировали борьбу с красными партизанами.

– Мы это сделаем!

Полковник достал из принесенной папки лист бумаги.

---

³⁵ ДП (Дегтярёва пехотный) – ручной пулемет, разработанный В. А. Дегтярёвым. ДП стал одним из первых образцов стрелкового оружия, созданных в СССР.

Боровец взял его и прочитал:

«Бий кацапа-маскаля, гони його звідсіля!»

– Что это?

– Листовка. Кох желает, чтобы мы распространили это как можно шире.

– Это совсем не ко времени, Иван. Где сейчас эти кацапы-москали? Мы призываем людей в наши ряды для борьбы с немцами! А мы им кацапов сунем.

– Но ты сам понимаешь, что Кох если и даст нам оружие, то только для борьбы с красными. Наша акция против АКовцев, что провели люди сотенного Ястреба, вызвала недовольство у Коха.

– А какое ему дело до АКовцев?

– В том все и дело, друже краевой. Этот отряд АКовцев действовал по согласованию с немцами. С ведома канцелярии рейхскомиссара Коха.

– Как? Такое возможно?

– А почему нет, друже краевой?

– Но Кох ненавидит поляков.

– Ненавидит. И АКовцев он публично объявил врагами рейха. Это все так. Но то всё политика. А на деле он поддерживает контакты с лидерами АК. Ему нужно чтобы украинцы резали поляков и наоборот.

– И он не слишком доволен, что наши ликвидировали отряд АК?

– Так. И еще, он требует выдать убийцу обергруппенфю-

пера СС Виктора Лютце.

– Выдать им Ястреба?

– Да. Кох настаивает.

– Но мы давно сообщили, что убийца Лютце погиб в бою.

– Кох в это не верит, друже.

– Неужели он такой дурак? Выдача и казнь Ястреба, только обозлит наших вояк против самих немцев.

– Я пытался ему это объяснить. Но я тебе говорил, что Кох убежденный нацист!

– Хорошо. Я организую «спектакль» для Эриха Коха, дру- же.

– Спектакль?

– Да. Мы «согласимся» выдать Ястреба немцам. Но путь его люди сами придут и возьмут его. Ястреб окажет «сопротивление» и «погибнет» в бою с немцами. Таким образом, Кох будет удовлетворен.

– И как это сделать?

– План у меня имеется.

– И кто сыграет роль Ястреба? Ведь конец пьесы будет плачевный.

– У меня есть подходящая кандидатура...

* * *

Москва.

Управление НКГБ СССР.

4 октября, 1943 год.

14 апреля 1943 года решением Политбюро ЦК ВКП (б) в связи с изменившейся внешней обстановкой снова создано отдельное Министерство государственной безопасности СССР, путем выделения из структуры НКВД. Возглавил его комиссар госбезопасности 1-го ранга Меркулов Всеволод Николаевич.

Старший майор Иван Артурович Нольман, в сентябре 1943 года, оставался в своей должности. Повышения он не получил, да и не стремился к нему. Его вполне устраивала та работа, которую он мог делать. Правда в 1943 году после удачной совместной операции по дезинформации противника у него забрали лучших людей в новую структуру, которая создавалась для борьбы с немецкими шпионами.

Капитана госбезопасности Кравцова и его группу перевели сразу. А Нольман возлагал именно на них большие надежды. Но спорить с начальством смысла не имело. Тем более что начальник военной контрразведки Абакумов ныне взлетел высоко. Теперь он был практически независим от Берии и имел прямой выход на Сталина.

Совсем недавно именно Абакумов отдал приказ арестовать комиссара госбезопасности Ильина. И санкция Берии ему не понадобилась. А Ильина Нольман знал давно и был с ним в приятельских отношениях. В 1938 году они оба были арестованы и смогли избежать расстрела. Правда Нольмана спас лично Берия, а Ильина вытащил Сталин. Но в нынеш-

нем году Ильин вошел в конфликт с Абакумовым.

Нольман говорил ему:

– Ты зря идешь на обострение.

– Иван, я тебя не узнаю. Неужели ты стал бояться?

– Опасаться, – поправил его Нольман. – Зачем играть с огнем?

– Это Абакумов огонь? – усмехнулся Ильин. – Он уже пожаловался на меня Берии.

– Он требовал твоего ареста.

– Пусть требует. Мое дело поручили Меркулову, и тот ограничился выговором.

– Но Абакумов этого не забудет. А ныне он шагает широко.

В итоге старший майор оказался прав. Комиссар госбезопасности Ильин был арестован! И если Абакумов его дело «раскрутит» то в камере рядом окажется и сам Нольман. Но пока никаких признательных показаний против себя Ильин не дал.

Нольман в последние недели сентября 1943 года занимался разведшколами, число которых резко возросло. Обстановка требовала большого количества разведчиков ибо задачи перед ними ставились масштабные.

И вот вызов от комиссара госбезопасности 2-го ранга Максимова.

«Что-то случилось, – подумал Нольман. – Или по делу Ильина, или новое задание».

– Это срочно? – спросил он у секретаря Марии Фроловой.

– Так точно, Иван Артурович. Адьютант комиссара просил вас быть как можно скорее.

– Хорошо.

Нольман вышел из кабинета. Он посмотрел на молодую девушку, что печатала на машинке новый приказ.

– Я скоро вернусь, – сказал он. – В синей папке новые документы.

– Я уже перепечатала, Иван Артурович.

– Да? – рассеянно сказал он. – Хорошо, Мария. Вы молодец.

– Вам нездоровится, Иван Артурович?

– Нет. Все в порядке. Немного устал...

* * *

Нольман вошел в кабинет своего непосредственного начальника комиссара государственной безопасности 2-го ранга Максимова.

– Вызывали, Владимир Иванович?

– Проходи, Иван Артурович. Садись. У меня серьезный разговор!

– Начало настораживает.

– Ты про Ильина? Можешь не волноваться.

– Его освободили? Берия? – обрадовался Нольман.

– Никто никого не освободил, Иван. Ильин засел крепко.

Но и держится он хорошо. Хотя люди Абакумова «стараятся». Можешь мне поверить.

– Но что Лаврентий Павлович? Он-то разве не может помочь?

– Абакумов ныне в большой силе и Берия уже трижды пожалел, что сам рекомендовал его. Теперь Абакумов сам входит к Хозяину и сам ведет Игру. С руки у Берии он больше не ест.

– Кто мог подумать, Владимир Иванович.

– Тебя к делу Ильина никто не притянет.

– Как знать.

– Ты для Абакумова фигура слишком мелкая, Иван Артурович, и в этом твоя сила. Да и здесь ты слишком нужен. Для тебя есть важное и ответственное задание, старший майор.

– А когда было по-другому, Владимир Иванович? Но у меня лучших людей забрали в СМЕРШ³⁶. Проверенных и мною подготовленных людей.

– Прошу тебя не нуди, Иван Артурович. И так тошно.

---

³⁶ СМЕРШ – «Смерть шпионам» – военная контрразведка. Днем рождения военной контрразведки «СМЕРШ» принято считать 19 апреля 1943 года, именно тогда Иосиф Сталин подписал приказ о ее создании. «СМЕРШ» было его создание, как говорят, что название организации он придумал сам лично. Дело было в Сталинском кабинете в Кремле, где как раз обсуждался вопрос о цели и структуре контрразведки. Кроме Сталина в кабинете был будущий начальник «СМЕРШ», Виктор Абакумов, который предлагал Сталину дать название в нескольких вариантах. Но Иосиф Сталин сурово ответил: надо так назвать чтобы стало страшно, что бы тебя боялись, и предложил назвать «СМЕРШ» от сокращенного – смерть шпионам.

– Дак станет тошно, если людей нет. А задания все сложнее и сложнее.

– Но ты сам знаешь, кто стоит за созданием СМЕРША, Иван. Это ЕГО детище. И туда взяли лучших. Но ведь у тебя осталась лейтенант Костина. А её ты ценишь особенно.

– Костина осталась, но её внедрение в Абвер не удалось. А капитана Кравцова забрали. И его группу, что так хорошо работала в Харькове в 1942 году, забрали.

– Кравцов сотрудник СМЕРШ. Он ныне на фронте на самом опасном направлении. Но у нас новая задача. Вернее у тебя, Иван Артурович.

– И что это за задача?

– Украинская повстанческая армия. Сокращенно УПА.

– А я говорил, что ОУН на достигнутом не остановится.

– Вот и станешь теперь этим заниматься. Иван Артурович.

Вот почитай.

Нольман взял лист из рук комиссара и прочитал:

«Совершенно секретно!

Начальнику центрального штаба партизанского движения тов. Пономаренко.

Разведывательная сводка Украинского штаба партизанского движения по состоянию на 5 сентября 1943 года.

По донесению командира объединенных партизанских отрядов тов. Сабурова в Сарненских лесах действуют большие группы украинских националистов Тараса Боровца именуемого себя генерал-хорунжим. Они нападают на парти-

занские группы, разоружают и избивают, а также устраивают засады против немцев. Этими группами распространяются листовки следующего содержания «Бий кацапа-маскаля, гони його звідсіля!». В результате этого в районах Западной Украины партизаны заняты в основном борьбой с отрядами украинских националистов. Националисты ведут активную агитацию среди местных жителей против советской власти. Немцы такими положением весьма довольны.

Полковник госбезопасности Одинцов».

– Одинцов? Этот тот самый, что хотел расстрелять лейтенанта Костину?

– Не расстрелять, а отдать под трибунал, Иван Артурович. Ныне Одинцов работает в Ровенской области. Сарненские леса это просто лесное море. Наши группы в городках Сарны и Ракитное. Это люди полковника Одинцова. В районе Ровно отряд полковника Медведева. В районе Здолбуново отряд полковника Стерненко.

– И самое плохое положение у Одинцова? – спросил Нольман.

– У него в Сарнах слишком много провалов. И сам Одинцов едва успел уйти из города Сарны к партизанам. Лучше обстоят дела у полковника Медведева под Ровно и у Стерненко под Здолбуново. Там провалов почти нет, и работают наши эффективно.

– Медведев это отряд «Победители»?

– Да.

– Медведев контролирует все в Ровно? И партизанский отряд и сеть агентов в городе?

– Есть отельная группа в Здолбунове. И есть отряд полковника НКВД Стерненко.

– Стерненко я хорошо знаю, как и его комиссара майора Лурье. Это отряд «Молот». С ними связана группа «Антиквара», которую я курирую.

– Одинцов в последнее время желает подчинить «Молот» себе.

– Сарненской группе? – спросил Нольман. – Я категорически против.

– Нашего с тобой мнения никто спрашивать не станет.

– Я могу обратиться к Берии.

– Да ты не кипятись, Иван Артурович. Одинцов довольно далеко и большого влияния на «Молот» не окажет.

– И мне работать с ним?

– Да.

– Но почему именно с ним?

Максимов объяснил:

– Одинцов некогда вел переговоры с Боровцом.

– Я это помню. Летом 1942 года. И что с того? Никакого успеха тогда он не достиг.

– Одинцов передал важную информацию. Его люди видели твоего человека в Ровно, в столице рейхскомиссариата Украина, Иван Артурович.

– Моего человека?

– Лаврова, – ответил Максимов.

– Роман Лавров в Ровно? – удивился Нольман.

– Одинцов утверждает, что это так.

– Его люди не могли ошибиться?

– Нет. Он приказал все проверить. Это Роман Лавров. И отправили его туда явно из Абвера. Мы давно не трогали Лаврова, дабы немцы не смогли его ни в чем заподозрить. Но, похоже, что он в Ровно именно по нашему делу.

– Лавров в Ровно. А что выяснили о том, где он был до Ровно? У нас давно с ним не было никакой связи.

– Очевидно, Лавров прибыл из Брайтенфурт.

Нольман ответил на это:

– Но агенты немцев, нами захваченные, утверждают, что такого инструктора в абвершколе Брайтенфурт уже нет.

– Сроки подготовки агентов там невелики, Иван Артурович. Возможно, что Лавров пока не занимается преподаванием. Может у него была иная задача. Да чего гадать? Скоро всё узнаешь сам.

– Нужно готовить агента для Ровно?

– Группу, – сказал комиссар.

– Группу?

– Из трех-пяти человек, Иван Артурович.

– Но в Ровно есть наши люди.

– Из ведомства Судоплатова есть. Отряд Медведева «Победители» с нами работать не будет.

– Почему же? У них такие возможности.

– У нас иная задача, Иван Артурович. Ты не будешь работать по немцам. А только по УПА.

– А что же полковник Одинцов? Это его специализация. Он ведь большой специалист по Украине.

– Его попытки внедриться в подполье ОУН-УПА провалились. Теперь твоя очередь, Иван Артурович.

– А Одинцов?

– У него пока хватает работы по сотрудничеству с поляками из Армии Людовой. Если он и станет вмешиваться в твою работу, то не сразу. Так что подбирай людей и готовь группу.

– Елена Костина?

– Именно, Иван Артурович.

– Роман Лавров знает её лично, товарищ комиссар.

– Разве это плохо?

– Я пока не знаю, Владимир Иванович.

– Обмозгуй все, старший майор. Составь список группы.

Подбери лучших людей.

– Лучших у меня забрали, – напомнил Нольман.

– А ты поищи хорошо, Иван Артурович. В разведшколах поищи. В одной Москве их сколько. Неужели нельзя найти толкового агента?

– Толкового агента нужно воспитать, Владимир Иванович.

– Вот и воспитай. Тебе и карты в руки Иван Артурович...

Нольман вызвал к себе Костину и приказал ей изучить все материалы, что имелись по ОУН в управлении. Лейтенант Елена Костина была готова на следующий день.

– Изучила?

– Я ведь в 1942 году занималась ОУН. Правда неудачно.

– Докладывай.

– Организация Украинских националистов создана на базе УВО – Украинской военной организации – в 1929 году в Вене. В 1941 году ОУН разделась на две части ОУН (М) и ОУН (Б). ОУН (М) возглавил Андрей Мельник из старого крыла националистов. В 1914 году добровольцем вступил в Легион Украинских Сечевых стрельцов. Воевал на стороне Австро-Венгрии против Царской России в империалистической войне. Затем в 1918 году служил на командных должностях в армии УНР. ОУН (Б) возглавил лидер молодого крыла националистов Степан Бандера. Это именно он вместе с Ярославом Стецко 30 июня 1941 года провозгласил Акт о возрождении Украинской Державы во Львове. После этого арестован немцами и ныне содержится в концентрационном лагере «Заксенхаузен».

– Все это так, но это только общие сведения.

– Лидеры из руководства ОУН (М) и ОУН (Б) недолюбливают друг друга. Между ними существует жёсткое соперни-

чество. Мельниковцы более гибкие политики и дипломаты. А вот Бандеровцы идут напролом. Для нас в будущем именно они будут представлять главную угрозу.

– Верно. Что еще?

– Сейчас немцы после поражения под Курском станут думать о восстановлении связей с ОУН. Не просто так ОУН активно формирует свою армию УПА. И по численности в ней уже больше 40 тысяч человек.

– А вот это сведения неточные и требуют тщательной проверки.

– Мне доверят миссию в Ровно? – спросила Костина.

– Да. Там уже находится твой хороший знакомый, Лена.

– Лавров?

– Он самый. Роман Романович Лавров. Наши агенты доложили, что Лавров прибыл в Ровно.

– Что он сообщает?

– Лавров? Ничего. У наших людей нет выходов на него. Они могут лишь наблюдать.

– Вы говорите о группе «Антиквара» в Ровно?

– Антиквар с Лавровым работать не будет. Его сеть разделена на две группы. Группа в Ровно поставляет нам информацию по передвижению войск. Группа в Здолуново также дает информацию и отлично работает по диверсиям на железной дороге. А ты знаешь как это сейчас важно, Лена. В паровозном депо на станции Здолбуново люди Антиквара в течении трех месяцев не выпустили на линию семьдесят па-

ровозов.

– Но моя задача другая.

– Твоя задача ОУН и УПА.

– Но предполагается моя встреча с Лавровым?

– Нет. Лично с ним ты встречаться не будешь. Только в самом крайнем случае.

– А могу я задать вам вопрос по поводу полковника Одинцова, который стоит во главе Сарненской группы?

– Ты о своем давнем конфликте с Одинцовым? Не бери в голову.

– Он хотел отдать меня под суд в 1942 году. Только ваше личное заступничество тогда спасло меня от ареста. Не думаю, что наше с ним сотрудничество, будет эффективным.

– С Одницовым напрямую ты работать не станешь.

– Уже хорошо.

– У меня есть план, Лена. И работать нужно будет не просто осторожно, но ювелирно. Всё по моей инструкции и никакой самодеятельности!

– Сколько людей мне готовить для группы?

– Три человека. Это у тебя. Затем высадятся еще две группы. Но ты о них знать не будешь. Как и они не будут знать о тебе. И все три группы возглавят женщины.

– Вот как? Так задумано?

– Да.

– И каков состав моей группы?

– У тебя есть предпочтения?

– Вы смогли вернуть капитана Кравцова? – спросила Костина.

– Нет. Кравцов теперь в СМЕРШЕ. Нам никто его не отдаст. Особенно после того как Кравцова отметил САМ.

Костина поняла, о чем говорил Нольман. Речь шла об участии в операции против Абвера, которая проводилась в начале 1943 года. Немецкий генштаб и Абвер планировали грандиозную дезинформацию, в которой принял участие даже сам Адольф Гитлер. Канарис убедил его лично поставить свою подпись под фальшивыми картами, которые должны были убедить советский генштаб, что вермахт нанесет удар не под Курском, а на ином направлении. Дезинформация не прошла благодаря агентуре, в числе которой находился и капитан Кравцов.

– Значит все из молодых?

– Я отберу лучших из курсантов наших разведшкол, Лена. И я дам тебе выход на одного агента. Мне с трудом удалось уговорить комиссара госбезопасности Максимова.

– Это его агент?

– Да. Псевдоним «Тарас». Но к нему обращаться только в самом крайнем случае. Завалить такого агента мы права не имеем.

– Мое основное задание?

– Во-первых, сведения про УПА. Нам нужно знать все об этой организации. Они хорошо законспирированы и никогда не выступают под настоящими фамилиями.

– Нужно знать их лидеров?

– Это крайне важно, Лена. Во-вторых, уровень оснащения, социальную базу, связи. И, в-третьих, политические мотивы.

– Политические? – спросила Костина.

– Именно политические! Местное население сейчас по нашим сведениям их поддерживает. Пока это не так плохо для нас. Но скоро мы возвратим те земли под наш контроль. И тогда УПА станет не немецкой, но нашей головной болью, Лена. Мне нужны их журналисты и пропагандисты. Я должен знать, кто они и как они мыслят.

– Моя легенда? – спросила Костина.

– Над легендой я работаю. Но твой псевдоним – «Красная вдова».

– «Вдова»?

– В Ровно в службе СД работает наш старый «знакомец» по Харькову гауптштурмфюрер Фридрих Вильке.

– Куратор немецкой «Вдовы», которая попала к нам в 1942-ом году?

– Он заставил нас погоняться за его «Вдовой»³⁷ пусть теперь поищет нашу.

---

³⁷ Серия романов «Сотрудник Абвера: «Вдова» предшествует серии романов «Красная вдова». Серия «Вдова» состоит из романов: «Вдова»: Хроника адской машины», «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

Глава 4

Сотня Ястреба

Группа УПА-Север.

Сарненский лес.

Октябрь, 1943 год.

Сотенный Ястреб.

Дмитро Карпенко известный среди украинского национального подполья как сотник Ястреб вооружил свою сотню трофейным немецким оружием и ныне его подразделение «Перша варта» было лучшим отрядом у генерала Боровца.

Ястреб даже смог наладить для своих бойцов пошив униформы. И 150 бойцов были экипированы как настоящие солдаты. Но люди к Ястребу постоянно прибывали и потому проблема обмундирования все равно оставалась. Сейчас на лесном хуторе, где они имели постоянную дислокацию, пребывало уже 287 человек.

В помощниках у Ястреба ходили молодые парни, не имевшие специального военного образования – поручик Грицай и хорунжий Сом. Сотенный проверил этих парней на прочность в бою. Такие не подведут.

Ястреб собрал их в штабном домике.

– Ныне наша сотня всем обеспечена и может выполнять задания центрального провода, – сказал сотник. – Но наш

командир полка Ждан недоволен нашими действиями.

– Ждан меня арестовал, когда я жену навестил, – напомнил Грицай. – Хорошо вы меня отстояли, а то поставил бы меня полковник лицом к оврагу.

Ястреб хорошо помнил этот инцидент. Ему тогда стоило большого труда все замять. Дело в том, что Грицай с десятком солдат своего взвода отправился охранять свое село. Они получили информацию, что АКовцы задумали «акцию возмездия» и приготовились напасть на жителей

Грицай взял с собой только односельчан, и они устроили отличную засаду для поляков. Разгромили АКовский отряд и захватили большие трофеи. Полковник Ждан был возмущен тем, что отряд Грицай выдвинулся без приказа и без согласования.

Он тогда сам прибыл на место и допросил Грицай:

– Почему вы здесь, поручик?

– Потому что так нужно! – нагло ответил Грицай. – Это мое село. У меня здесь жена и дети.

– Я задал вопрос, кто отдал приказ, господин поручик?

– Я отдал приказ. Я, поручик Грицай.

– А что сотенный Ястреб?

– Сотенный ничего про то не знал.

– Я полковник Ждан, и я командую полком. Вы сорвали важное задание, которое полк должен был выполнить по приказу самого генерал-хорунжего. Это был только передовой отряд. А наше задание – разбить всё подразделение АК

этом районе! Не жалкий отряд, который разбили вы, но всех!

– Я защитил свой дом! – сказал Грицай. – Я и мои люди.

Они все из этого села!

– Мне нет дела до того откуда вы, поручик! Вы сорвали задание!

– Да плевать я хотел на ваше задание, полковник. Я защитил свою семью и мирных жителей от убийц.

– Что?! Арестовать его! Немедленно!

Но у Ждана тогда было совсем мало людей, и арест был скоро «отменен» Ястребом. Ждан решил действовать хитростью и смог заманить офицеров «Варты» в расположение краевой эс-бе. Грицай и Ястреб были арестованы и отправлены в штаб генерал-хорунжего.

Ждан требовал сурового наказания для ослушников, но командующий УПА-Север принял иное решение. Ястреб и Грицай были освобождены...

* * *

Хорунжий Сом прибыл из Ровно, куда ездил по служебным делам. И он привез важные новости.

Сотенный собрал их в своей землянке.

– Я привез новости, братья. И новости касаются до тебя, друже.

Ястреб спросил:

– И что снова не так? Немцы все еще увеличивают награду

за мою голову? Не верят в историю, что я погиб?

– На этот раз ниточка идет не от гестапо.

– А от кого? – спросил Грицай.

– Появился в Ровно некий Коваленко Владислав Иванович.

– Кто?

– Коваленко Владислав Иванович, – повторил хорунжий. – Кто такой доподлинно неизвестно. Но мой человек в Ровно сказал, что его интересует сотенный Ястреб.

– Что? Я? – спросил Ястреб.

– Сказал, что имеет до пана Ястреба важный разговор!

– Снова провокатор, – сказал Грицай. – Как и в прошлый раз.

Ястреб покачал головой.

– Нет. Не станут они повторяться. Не дураки же там сидят.

Чего надо этому господину Коваленко?

– Мой человек сказал, что ищет Коваленко истинных патриотов Украины. А Ястреба почитает он таковым. Кто ныне не слышал про твои дела, друже.

– Про наши дела, братья. Не один я там был, а вместе с вами. Чего одного меня величать? А человека этого надобно проверить.

– Как?

– А сюда его притащи, друже Сом. И поговорим с ним по душам. Там посмотрим, что за птица.

Ровно.

Друже «Лесник».

Октябрь 1943 года.

Коваленко Владислав Иванович, он же Роман Лавров, уже больше недели жил в Ровно. Связи Ганса Корнера в среде украинских националистов ему помогли. Некогда Корнер как специалист по восточному вопросу работал с украинцами недовольными советской властью в 1940 году. Он отлично говорил по-украински и по-русски. Местные дали ему прозвище Waldwärter (Лесник).

Waldwärter хорошо работал в 1941 году и поначалу к его словам прислушивались. Но после нападения на СССР он впал в немилость. Произошло это после попытки возродить Украинскую Державу.

Националисты Степана Бандеры и Ярослава Стецко, после того как немцы заняли Львов, решили действовать решительно. 30 июня 1941 года от имени спешно собранного Законодательного собрания был провозглашен «Акт провозглашения Украинского государства».

Сам Бандера тогда находился в Кракове и Корнер посетил его. О плане лидера ОУН(б) он уже знал:

– Вы затеяли рискованную игру, Степан Андреевич. Действия не согласованы!

– Я уверен, что момент подходящий. Потом такого не будет. Я как лидер ОУН должен принять решение. Мы единственная организация, которая ведет борьбу за Украину и мы должны попробовать.

Корнер сказал:

– Меморандум Розенберга³⁸, министра оккупированных восточных территорий, содержит строки о том, что Украина должна стать государством в союзе с Германией.

– Вы работали в ведомстве Розенберга.

– Розенберг вынашивает идею создания кордона вокруг России из буферных государств. Но какотреагируют на это у фюрера?

– Они должны признать Украинскую державу. И я хотел бы быть там среди моих соратников. И только ваше слово задержало меня здесь, господин Корнер.

– Вы нужны здесь, Степан Андреевич. Именно здесь в Кракове будет обсуждаться ваш вопрос. Обсуждаться с представителями оккупационной администрации. Но мне уже звонил из канцелярии генерал-губернаторства Эрнест Кундт.

– И что?

– Кундт недоволен планами возрождения Украинской державы. И «недоволен» это мягко сказано.

– Они могут отказать нам в признании? – спросил Банде-

---

³⁸ Меморандум Альфреда Розенберга «Общие инструкции всем представителям Рейха на оккупированных восточных территориях».

ра.

– Я опирался на Розенберга. Он такие планы ободрял, но сейчас к словам Розенберга могут и не прислушаться. Со своей стороны я сделал все, чтобы их убедить. Моя собственная карьера поставлена на карту.

– Я благодарю вас, герр Корнер. Но действовать мы будем, не смотря ни на что.

Руководство рейха не пожелало слушать сторонников идеи «мягкой оккупации», лидеры самопровозглашенной Державы были арестованы гестапо, Корнера от его работы отстранили...

* * *

И вот Лесник снова в деле. Пришло время налаживать контакты с ОУН. Корнер быстро вышел на ОУНовское подполье на группу «Кармелюка». «Проводник» был его давним знакомым.

– Я хочу личной встречи с проводником, – сказал он людям на конспиративной квартире.

– А ты кто такой?

– Друзья мои, я не желаю вам зла. Если бы желал, то вместо меня здесь было бы гестапо. Но я пришел один.

– И кто сказал тебе, что ты выйдешь отсюда живым? – спросил с усмешкой высокий мужчина и оспинами на лице.

– Я хочу встречи с проводником.

– Но проводник захочет ли?

– А ты передай, друже, ему мою просьбу и там посмотрим, – сказал Waldwärter. – Скажи проводнику, что здесь Лесник.

– Кто?

– Лесник. Проводник всё поймет...

* * *

Павло Басюк представитель Центрального провода ОУН в Ровно срочно прибыл на явку. Там старшим сидел молодой человек по прозвищу Топорец. Ни имени, ни фамилии проводника он не знал. Но видел его лично еще в 1941 году и знал, что он сторонник жесткой дисциплины.

– Друже проводник! Слава Украине!

– Героям слава, друже Топорец.

– Рад, друже проводник, что ты с нами в такой час.

– Зачем вызвал, друже Топорец?

– Друже проводник, мы захватили соглядатая. Явно человек из гестапо.

– С чего взял что из гестапо, друже Топорец?

– Сказал, что ему нужен проводник.

– И с того ты решил что он из гестапо?

– Дак откуда тогда знает про тебя, друже проводник?

– Как представился? – спросил проводник.

– Лесник.

- Лесник?! Он так назвался?
- Да, друже проводник.
- Неужели он снова здесь? Время пришло! Где он?
- Да здесь у нас.
- Веди.

* * *

Лесник встретился с «проводником».

– Друже! Слава Украине!

– Героям слава!

– Рад видеть вас снова, друже Лесник. Признаюсь, не ждал.

– И я рад, друже проводник. Сколько мы не виделись?

– С осени 1941 года. Но сейчас вы к нам прибыли как официальное лицо?

– Можно сказать и так, друже проводник.

– В прошлом вы были настоящим другом Украины.

– Я им и остался, друже проводник. Совсем не моя вина в том, что случилось тогда в 1941 году.

– Никогда на вас зла не держал, друже Лесник.

– Я маленький человек в Германии, друже проводник. Что я могу? У меня есть задание, но официально я не могу выходить с вами на связь. Наши контакты не одобрены, друже проводник. Но я желаю вам помочь.

– Значит, наша встреча останется секретом?

– Да, друже проводник, если вы не хотите потерять друга в моем лице.

– Что вы, друже Лесник. Но вы сами захотели говорить со мной.

– Это так, друже проводник. Иного выбора нет. Сюда прибыл наш человек. Коваленко Владислав Иванович. И я хочу его вам представить. А то у него самого слишком много времени уйдет на поиски контактов.

– И кто он?

– Человек из Абвера.

– Из Абвера?

– Так получилось, что он служит в этой структуре, друже проводник. Но я также сотрудник Абвера. После того как меня отстранили от работы в министерстве восточных территорий, я был переведен именно в военную разведку. Начальство решило, что именно там пригодятся мои знания.

– И за вами с Коваленко стоит Абвер? – спросил Павло Басюк.

– Можно сказать и так.

– А кто конкретно, друже Лесник?

– Я не могу вам всего сказать, друже проводник. Но скажу, что серьезные люди намерены помогать вашей армии.

– А вы знаете, друже Лесник, что мы воюем с немцами?

– Да.

– И наших товарищей в Ровно недавно казнили немцы.

– И про это я знаю, друже проводник. Но вы сами знаете

положение на фронтах?

– В общих чертах, друже Лесник.

– А я знаю его хорошо. И очень скоро здесь будут русские, друже проводник. Сюда вернутся большевики.

– Допустим.

– Не допустим, друже проводник. Именно так и будет.

– Вы хотите сказать, друже Лесник, что немцы проиграют войну?

– После Курска лично у меня нет никаких сомнений в этом. Все дело во времени, друже проводник. Немцы могут стать заслоном Европы от большевиков. А затем надежда наша только на Западные державы.

– На Англию, друже Лесник?

– Англию и США. Им не нужно распространение большевизма в Европе. И самое удачное решение вопроса – это сепаратный мир с западными державами. Но пока у власти в Германии фюрер, такого мира не будет.

– Вы говорите такие смелые вещи, друже Лесник.

– Я говорю их только вам, друже проводник. И больше нигде повторять не стану. Своя голова мне дорога. И, тем более что эта голова может еще пригодиться Германии. Той Германии, что будет без Гитлера.

– И пока вы рекомендуете нам господина Коваленко? Для контактов?

– Да.

– Я могу ему верить, как вам, друже Лесник?

– Нет.

Проводник удивленно посмотрел на Корнера.

– Вы сказали «нет»?

– Дело в том, что этот человек ране служил у большевиков.

– Что?

– Затем перешел к нам и ныне он сотрудник Абвера. Я не могу сказать о нем ничего плохого, но я не могу ему полностью довериться.

– Тогда зачем использовать именно его?

– На этот вопрос ответить просто, друже проводник. Мое руководство в Абвере желает обезопасить себя в случае чего. И потому господин Коваленко подходит больше всего.

– Значит все мои контакты через Коваленко?

– Я с вами связываться пока не смогу. Но очень скоро, я надеюсь на это, там наверху поймут правильность нашей позиции. События на фронте убедят их в этом.

– Но вы останетесь в Ровно, друже Лесник?

– Да.

– И каково основание для вашего пребывания здесь?

– Борьба с партизанами, – ответил Корнер, но сразу добавил, – с советскими партизанами. Именно это направление приоритетное.

– Но немцы все еще держат награду за поимку или сведения о нашем сотнике Ястребе.

– Сотник Ястреб погиб, насколько я знаю? Именно это

официальная версия? – спросил Корнер.

– Начальник гестапо не верит в это, друже Лесник.

– Я сделаю все, чтобы Ястреб не пострадал. Но Коваленко имеет задание встретиться с Ястребом.

– Вы можете поручиться, что Коваленко не работает на гестапо?

– Да. За это могу.

– А может Коваленко оказаться большевистским агентом?

– Не думаю, но такой возможности исключить не могу.

Однако прямой связи с большевиками у него здесь нет. Пока ничего подозрительного. За ним внимательно наблюдают наши люди из Абвера.

– Могу я сам его проверить?

– Как?

– Есть у меня одна дивчина.

– Дивчина? Лавров хоть и молод, но себя в руках держать умеет. На проститутку его не поймать.

– Та дивчина совсем не проститутка, друже Лесник...

* * *

Ровно.

Олена Музыка.

Октябрь 1943 года.

Лавров посетил место жительства Корнера и тот сказал ему:

– Ко мне больше не ходите, г-н Коваленко.

– Но я неделю торчу здесь без дела.

– С вами свяжутся.

– Кто?

– Люди, которых вы ищете. Я уже всё сделал.

– Но когда?

– Они присмотрятся к вам и выйдут на контакт.

– Как я узнаю этого человека?

– Он скажет фразу: «С нами Бог и Украина». Вам нужно только ждать. И это ожидание совсем не тягостное, господин Коваленко. Вас Лайдеюсер снабдил значительной суммой денег и апартаменты, вами снятые, вполне достойные.

– Но мне нельзя их покидать без крайней надобности.

– А зачем вам их покидать? Вас всем снабжают. Чего вам не хватает, господин Коваленко?

– Всего хватает. Но я сижу без дела. И время идет.

– Скоро, господин Коваленко. И помните, что вы именно Коваленко Владислав, а не Роман Лавров. Свое имя вам стоит на время забыть. У вас все, Владислав Иванович?

– Да.

– Тогда сразу отсюда возвращайтесь к себе домой и ждите...

* * *

Прошло еще три дня.

Лавров никуда не выходил из своей квартиры. Продукты ему доставляли регулярно, и он ни в чем не нуждался. Даже предложили барышню из местного офицерского борделя. Но Лавров отказался от интимных услуг.

И вот утром в его двери постучали. Он открыл и увидел молодую красивую девушку с темными, волосами, заплетенными в косу. Поначалу он подумал, что ему все же прислали проститутку, но при внимательном взгляде на девушку он понял, что первое впечатление ошибочно. Эта женщина не могла быть сотрудницей борделя.

– Здравствуйте, – сказала она. – Вы господин Коваленко?

– Я самый. А вы кто будете, панночка?

– Я та, кого вы ждали.

– Я не могу понять панночку. Я только прибыл в Ровно и возможно, панночка ошибается и принимает меня за кого-то другого.

– С нами Бог и Украина! Елена, – представилась она. – И пусть пан Коваленко не переживает. Я пришла к вам от группы «Кармелюка».

– Прошу вас, панночка, – Лавров пропустил её в квартиру.

– Я бы просила звать меня Еленой. Никаких панночек.

– Как прикажете, Елена.

Он закрыл двери.

– Прошу вас, Елена.

Она вошла в просторную гостиную и осмотрелась.

– А вы устроились совсем неплохо. Сразу видно, что про-

блем с деньгами у вас нет.

Она села на кожаный диван.

– Вы искали связи с нами, господин Коваленко?

– Владислав.

– А по отчеству?

– Владислав Иванович.

– Так вы искали связи с группой нашей организации. Я представляю группу «Кармелюка». Я Елена Музыка.

– И вы представляете группу?

– А что вам не нравится?

– Вы слишком молоды, Елена. Вам сколько лет?

– А это имеет значение?

– Я бы хотел вести серьезный разговор.

– Я Елена Музыка. Вам ничего не говорит мое имя?

– Признаюсь, что нет, пани Елена.

– Я журналист. Работаю в местной газете «Волынь». И я официально представляю мою группу. Мне поручено поговорить с вами и выяснить кто вы такой.

– Но ведь с моими «рекомендациями» вас уже познакомили. Не так ли?

– Это так, – ответила она. – Но вы ведь совет? Не так ли?

– С чего вы взяли? Здесь я представляю совсем иную организацию.

– Я не то имела в виду, господин Коваленко. Вы бывший совет. Я могу определюсь совета, и вы были среди них.

– Это дело прошлое. Теперь я по другую сторону.

– По убеждению? – спросила она.

– По обстоятельствам. А обстоятельства гораздо сильнее убеждений.

– Не согласна, – ответила красавица. – Все мои товарищи по борьбе верят в Украину и готовы за неё умереть. И я лично готова отдать жизнь за мой народ и свою страну.

– Это только пафос, пани Елена. А я пришел сюда говорить о делах. Я реалист и хочу говорить о деле.

– Как мне сказали, вы желаете видеть Ястреба?

– Именно так.

– А почему именно Ястреб?

– Его отряд «Перша варта» оставил по себе память.

– Только поэтому? Командиром «Варты» интересуется и гестапо.

– Но вы ведь видите, что я не имею отношения к гестапо, Елена. Мне нужно видеть боевое подразделение вашей армии.

– Вас интересует именно армия? Так, пан Коваленко?

– Так, пани Елена. Я хочу оказать помощь вашей армии. Той армии, которая еще только формируется. И люди, что стоят за мной, готовы оказать существенную помощь в деле вооружения и оснащения этой армии.

– Это слишком серьезное заявление, пан Коваленко. Но я сама мало знаю об этом вопросе. Моя работа – идеология.

– Я это хорошо понимаю, пани Елена. Но вас прислали на меня посмотреть. И я понимаю, чего вы опасаетесь.

– Вот как?

– Я не причиню вреда Ястребу.

– Мы не стали бы с вами говорить, но вас рекомендовал надежный человек, господин Коваленко.

– Так вы мне поможете увидеть Ястреба?

– А вы не боитесь?

– Пани Елена! Я офицер.

– Бывший как вы сами сказали.

– В одной армии бывший, в другой самый настоящий. В конце концов, и сам Ястреб бывший офицер той армии, в которой служил я...

* * *

Группа УПА-Север.

Сарненский лес.

Стоянка сотни «Перша варта».

Октябрь, 1943 год.

Елена Музыка помогла Лаврову-Коваленко добраться до расположения отряда «Варта» в сарненских лесах.

– Вот то, что вы хотели видеть, пан Коваленко. Это лагерь славы украинской сотни «Варта».

– Впечатляет. Но людей здесь гораздо больше чем сотня.

– Это сотня только по названию. Надеюсь увидеть как она станет полноценным полком.

– И вы представите меня Ястребу?

– Да. Но пока подождите здесь, пан Коваленко.

Музыка увидела хорунжего Сом:

– Слава Украине!

– Героям слава! Где сотенный?

– Ждет вас, пани, в дальней землянке.

Она поняла, о каком месте говорит хорунжий.

– Я привела его. Вон он сидит на стволе поваленного дерева.

– Этот? – Сом посмотрел на Лаврова и сказал. – По фигуре настоящий солдат.

– Он и не скрывает этого, друже Сом. Нужно сообщить Ястребу...

* * *

Ястреб увидел Лаврова и сразу его узнал.

«Вот так встреча, – подумал он. – Мир тесен и человек с человеком обязательно сойдутся. Но вот только имя, которое назвала Олена, совсем не его имя. Тогда он звался совсем не Владислав Коваленко. Лейтенант госбезопасности Лавров. Так он тогда сам отрекомендовался. Но впрочем пока в эти подробности никого посвящать не стоит».

– Пригласи его сюда, Олена.

– Ты уже готов с ним говорить?

– Да.

– Ты внимательно меня слушал, Дмитро?

– Я тебя понял, Олена. Пригласи пана Коваленко сюда.
Музыка привела Лаврова.

– Друже Ястреб, пан Коваленко. Пан Коваленко, сотенный командир «Варты» Ястреб.

Сотенный жестом приказал ей удалиться. Она пожала плечами и вышла.

Ястреб дождался, когда они останутся в землянке одни.

– Итак, друже, ты хотел меня видеть? – спросил Ястреб.

– Да.

– Настойчиво искал со мной встречи.

– Мне дали такой приказ, – сказал Лавров.

– А кто тебе его дал, друже?

– Мой начальник.

– Неужели советы вспомнили про меня? Я давно думал, что позабыли давно. А они вот своего человека прислали. Да еще в такую даль.

– Советы? – удивился словам сотенного Лавров. – Ты друже с чего решил, что прислали меня советы?

– А это не так?

– Нет.

– Да я тебя помню, друже.

– Помнишь? А разве мы встречались? – спросил Лавров.

– Давно. Летом 1941 года. Ты, видать, позабыл. Но я помню. Тогда ты был офицером НКГБ и представился нам как лейтенант Лавров.

Лавров отреагировал на слова сотенного спокойно. Яст-

реб ожидал совсем не такой реакции.

– Было, друже Ястреб.

– Так ты признаешь, что ты офицер красной разведки?

– Был в 1941 году. Но тебе не стоит проводить и дальше свои эксперименты, друже Ястреб. Мой начальник в Абвере знает и мое имя, и звание в НКГБ. Осенью 1941-го года, немцы взяли меня в плен. С тех пор я сотрудник Абвера.

– И немцы тебе верят?

– Не думаю, что доверяют полностью.

– Ты русский?

– Наполовину.

– Это как?

– Моя мать украинка, а отец русский. Бабушка по материнской линии родом из Ровно.

– И ты служишь немцам?

– Так повернулись обстоятельства, друже Ястреб. Ведь и ты был офицером Красной Армии. А ныне служишь на другой стороне.

– Я украинец, друже.

– Но присягу давал в Красной Армии?

– Да.

– Как и я. Стало быть, мы с тобой этой присяге изменили.

Не так ли, друже?

– То не предательство, ибо я стал служить своему народу.

– Это с какой стороны посмотреть, – ответил Лавров.

– Ты или с народом, или против него.

– Друзе Ястреб, ты ведь не станешь отрицать, что в Красной Армии много украинцев?

– Не стану.

– И они скоро будут здесь. Что станешь делать? – спросил Лавров.

– Сражаться за Украину.

– Значит против своих? Да ты не хмурься, друже. Я ведь не в поперек тебе сказал. Я о том, что этак друг другу мы ничего не докажем. Потому оставим громкие слова. Мы с тобой здесь вдвоем.

– Да.

– И говорить можем откровенно?

– Можем.

– Большие люди на той стороне, среди немцев уже понимают, что ваша армия может стать средством борьбы с большевиками.

– Мы сражаемся со всеми врагами Украины, друже Коваленко.

– Оно так. Но кто главный враг Украины сейчас, друже? Тот, кто сильнее. А получается, что сейчас сильнее большевики.

– Допустим. Что я с этим согласен.

– Потому вам выгодно принять руку помощи от того, кто готов её протянуть.

– Иными словами принять руку другого врага?

– Враг моего врага – мой друг, – сказал Лавров.

– А почему ты решил говорить со мной, друже Коваленко? Я всего лишь сотенный.

– Но именно за твою голову назначена награда в 10 тысяч марок. И здесь я могу узнать, что такое эта ваша армия и на что она способна.

– Так ты желаешь остаться с нами, друже?

– Если мне будет позволено.

– И в качестве кого ты желаешь остаться?

– В качестве рядового бойца. Никаких привилегий мне не требуется, друже сотенный.

– Я не должен ставить в известность свое начальство?

– А зачем это сейчас, друже сотенный? Испытай меня.

– И я могу тебе верить?

– Испытай меня, друже сотенный.

– В бою?

– Это было бы лучше всего.

– И с кем ты желаешь воевать, друже Коваленко?

– Да с кем прикажешь, друже сотенный. Я ведь буду рядовым бойцом. Или, как у вас говорят, шеренговым.

– Хорошо. Мой поручик Грицай сегодня выдвигается к хутору Зеленый бор. Его неделю назад заняли АКовцы. Не нужно говорить кто такие?

– Это поляки из Армии Крайовой.

– Они самые. Там их что-то около сотни человек. Задача поручика Грицай уничтожить это подразделение.

– Уничтожить? Но АКовцы также воюют с немцами, дру-

же сотенный. Хотя кто я такой, чтобы обсуждать приказы. Я готов.

– Какое псевдо выберешь, друже Коваленко. У нас тут все выбирают себе новое имя.

– Не знаю, друже сотенный. Может сам меня назовешь?

– А в бою покажешь себя, и все станет на свои места, друже. Там и прозвище само тебя найдет.

Так Роман Лавров стал рядовым в отряде «Перша варта»...

Глава 5

Устранение кригсхельферин Евы Шрат

Москва.

Управление НКГБ СССР.

Октябрь, 1943 год.

Старший майор государственной безопасности Иван Артурович Нольман сообщил детали операции «Красная вдова» начальнику 2-го отдела НКГБ (контрразведка и агентурная работа) комиссару госбезопасности 2-го ранга Максимо-ву.

– В целом операция «Красная вдова» готова к реализации, Владимир Иванович. Мы посылаем трех агентов. И при каждом будет группа. В этом случае Абверу будет сложно вычислить кто из них «Красная вдова».

Максимову не нравился «вызов», который Нольман бросил Абверу и СД. Сташий майор настаивал на том, чтобы немцы узнали о прибытии в Ровно «Красной вдовы».

– Я принял ваш план, Иван Артурович. Но не кажется ли вам, что стоит действовать проще?

– Нет, Владимир Иванович.

– И это не повредит основной операции «Крыса в норе»?

Вы ведь помните что именно она главная.

– Это поможет операции «Крыса в норе». И мы выполним поставленную задачу, товарищ комиссар.

– Хорошо, Иван Артурович. Но в плане, который вы дали мне для изучения, только две легенды, а агентов будет три. Где третья?

– Третьей еще нет, Владимир Иванович. С этим я к вам и пришел. Первая женщина в нашем списке Гелена Вакульска.

– Она полька?

– Чистокровная полька. Её отец был польским коммунистом. Расстрелян еще при Пилсудском. Фамилию для неё я выбрал иную – Вакульска. Но имя её собственное – Гелена.

– Вторая?

– Агент «Панночка». По легенде Анна Гончаренко. Едет в Ровно как племянница Антиквара. А вот с третьей задержка.

– Вы уже подобрали агента?

– Да. Она должна быть «немкой». Агента я подобрал прекрасно знающую язык. Но легенда нужна настоящая.

– Чего вы хотите?

– Мне нужна помощь начальника 1-го отдела НКГБ генерала Фитина.

– Ты снова все усложняешь, Иван! – Максимов перешел на «ты», а значит начал волноваться.

– Это для пользы дела, Владимир Иванович.

– Хорошо. Я позвоню Фитину сегодня. Завтра он тебя примет!

– Спасибо, Владимир Иванович.

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР (разведка) комиссар госбезопасности 2-го ранга Павел Михайлович Фитин согласился помочь Максимову и принял старшего майора Нольмана в своем кабинете.

Фитин знал Нольмана еще с тех времен, когда тот работал под началом Шпигельгласса. И завидовал его удаче. Но с тех пор прошло 15 лет, и Фитин заметно обогнал Нольмана в чинах и должности.

И вон Нольман пришел к нему просителем.

– Разрешите, товарищ комиссар госбезопасности?

– Проходи, садись, Иван Артурович.

Нольман сел за стол рядом с комиссаром.

– Иван Артурович, мне звонил генерал Максимов и просил оказать тебе помощь.

– Для вас моя просьба это сущий пустяк, Павел Михайлович.

Фитин усмехнулся и сказал:

– Насколько мне известно, ты не занимаешься пустяками, Иван Артурович.

– Я и не сказал что моя работа пустяк, Павел Михайлович. Я сказал, что мне нужна простая услуга от вашего ведомства.

– И что тебе нужно, старший майор?

– Мне нужно внедрить своего агента в одну из немецких

контор в Ровно.

– В Ровно? Куда именно?

– В управлении рейхскомиссара Коха.

– И это простая услуга? Ты шутишь, Иван Артурович?

– Внедрение это моя работа, Павел Михайлович. От вашего отдела мне нужна только «легенда».

– Легенда для агента? И я тебе зачем? У вас с Максимовым и своих возможностей предостаточно.

– Я отправляю в Ровно нашего агента, Павел Михайлович. Это операция «Красная вдова». В рамках прикрытия вместе с Вдовой в Ровно придут еще две женщины. Каждая возглавит свою группу. Две легенды у меня разработаны. А дело к вам касается третьей. Мне нужна «немка».

– Немка?

– Молодая женщина, которая придет в Ровно с территории Германии. Мой агент прекрасно владеет немецким. Но ей нужна надежная легенда.

– Ты хочешь задействовать моих людей, дабы они подобрали тебе кандидатуру?

– Именно так. Павел Михайлович. Немцы отправляют ныне много женщин из свиты СС для работы в канцеляриях рейхскомиссариата. Мне нужно чтобы ваши люди там подобрали подходящую кандидатуру.

– И это ты назвал легким делом, Иван Артурович? Заменить женщину из Свиты СС твоим агентом? Но ведь нужно будет «почистить» все её контакты.

– Мне для выполнения поставленной задачи это просто необходимо, Павел Михайлович.

– Кто твой агент?

Нольман положил перед Фитиным папку с личным делом.

– Здесь есть все о ней, Павел Михайлович. Все до мельчайших подробностей.

Фитин пролистал дело.

– И она действительно так хороша в немецком?

– Да. Может одинаково хорошо выдать себя и за уроженку Берлина, и за уроженку Баварии. Вы знаете, что я и сам много работал в Германии в начале 30-х. Язык мне знаком хорошо. И она настоящий феномен.

– А первые две? Что ты придумал для них, старший майор?

– Агенты отправятся в Ровно под именами Гелена Вакульска и Анна Гончаренко. Эти уже готовы к отправке. Их легенды тщательно проработаны. Но мне нужна третья – немка. Немка с той стороны.

– Она и будет «Красной вдовой»?

– Я не могу сказать кто из троих Красная вдова, Павел Михайлович. Эта информация известна ограниченному кругу лиц.

– Я спросил совсем не из любопытства, старший майор. Мне нужно знать, какого уровня тебе нужна фигура?

– Ничего такого, Павел Михайлович. Обычная молодая девушка из состава Свиты СС. Переводчик, связистка, сек-

ретарь. Кто угодно. Мне нужна немка, прибывшая из Германии. Сейчас в Берлине много готовят женщин для вспомогательных подразделений.

– Что будет после того как кандидатуру тебе подберут?

– Немка должна сесть в поезд и отправиться в Ровно по месту службы, Павел Михайлович. Остальное моя работа.

– Устранят «оригинал» твои люди?

– Да, Павел Михайлович. С этим мы справимся сами. Мне нужно только подробное досье на молодую немку из Свиты СС. До Ровно она не доедет.

– Хорошо, старший майор. Я помогу тебе.

* * *

И Фитин быстро справился с делом. Его агент в Берлине нашел подходящие кандидатуры. Это были четыре молодые женщины из Свиты СС. Все они добровольно вступили во вспомогательное подразделение СС и несли службу как сотрудницы связи – СС хельферин, или как сотрудницы вспомогательного подразделения военного времени – СС кригсхельферин.

Сотрудниц этих немцы набирали из женщин возрастом от 17 до 30 лет, и они работали радиоператорами, телефонистками, машинистками, наборщицами, операторами связи, операторами прожекторов противовоздушной обороны.

Все четверо отобранных кандидаток направлялись в Ров-

но для службы во вспомогательных подразделениях при управлении генерального комиссара Ровно.

Нольман просмотрел дела и сразу выделил кригсхельферин Еву Шрат.

«Шрат Ева. Родилась в городе Швейнбург в Баварии. Училась в университете Фридриха Вильгельма. Владеет в совершенстве славянскими языками: польским, украинским, русским. Состоит в национал-социалистической немецкой лиге. В конце 1942 года добровольно согласилась пройти обучение и её зачислили в Свиту СС.

Отец профессор философии. Погиб при налете американской авиации в январе 1943 года вместе с женой, матерью Евы».

– Мне подходит вот эта.

– Только одна, Иван Артурович? – спросил Фитин.

– Да. Именно вот эта.

– Твое решение, старший майор. Пусть будет Ева Шрат. Тебе передадут все сведения о её продвижениях за последний год.

– Благодарю вас, Павел Михайлович...

* * *

Нольман вызвал к себе капитана госбезопасности Андрея Седокова, мастера тайных операций по устранению и похищению людей.

– Товарищ старший майор, капитан Седоков явился по вашему приказу.

– Садись, Андрей.

Седоков сел.

– Для тебя есть важное дело, капитан.

– Я готов, Иван Артурович.

– На первый взгляд ничего сложного. В сравнении с предыдущей твоей операцией это может показаться детской игрой. Но это лишь на первый взгляд, Седоков.

– Что нужно сделать, Иван Артурович?

Нольман положил перед ним фото девушки в форме кригсхельферин.

– Кто это?

– Ева Шрат. Девушка из Свиты СС.

– Она еще так молода. Что она могла натворить?

– А с чего ты взял, что она что-то натворила, Седоков?

– Но если по её душу посылается целая группа, то она в чем-то виновна.

– Не в этот раз. Эта девица всего лишь делопроизводитель. Владеет славянскими языками и будет работать в канцелярии генерального комиссара Ровно. Но нам нужна на её месте не она, а вот эта девушка.

Нольман положил перед Седоковым еще одно фото. На этот раз, на него смотрела девушка в военной форме курсанта разведшколы НКГБ.

– Они не совсем похожи.

– Над образом станут работать наши люди, Седоков. Про это не думай. Вот она, – Нольман показал на фото, – должна попасть в Ровно вместо Евы Шрат и занять её место. Потому устранение настоящей Шрат должно пройти тихо. Работа ювелирная, капитан.

– Мне следует доставить настоящую Еву Шрат в Москву или...

– Это по обстоятельствам. Седоков. Лучше всего доставить в Москву. Но если это окажется трудным делом, то она должна просто исчезнуть. Её тело не должны найти и опознать.

– Я понял задачу, Иван Артурович.

– Тебя познакомят с деталями операции, Седоков. Новая Ева Шрат отправится вместе с твоей группой. Говорить она будет только по-немецки. Никто из твоих людей не должен догадаться, что она русская. Пусть думают, что из немецких антифашистов.

– Я вас понял, Иван Артурович...

* * *

Москва.

Управление НКГБ СССР.

Группа Седокова.

Октябрь, 1943 год.

Андрей Седоков давно знал Нольмана. Иван Артурович

был его учителем в школе специального назначения НКГБ в 1938 году. Именно тогда Нольман выделил Седокова из состава других курсантов.

Начиная с 1941 года капитан много раз бывал за линией фронта. Он и его группа выполнили больше 30 операций и только дважды не добились успеха. Остальные дела были выполнены блестяще.

Нынешнее дело сложным Седокову не показалось. Немку тащить в Москву особой необходимости не было. Стало быть, это простая ликвидация.

Он сказал своему помощнику лейтенанту Дронову:

– На этот раз операция нам предстоит простая. Убираем эту немку и садим на её место вот эту кралю.

Дронов посмотрел на фото.

– А кто она? Лицо у крали не совсем русское.

– Она тоже немка. Но из антифашистов.

– Важная птица?

– Она займет место секретаря в канцелярии генерального комиссара Ровно. Но сработать нужно чисто, Дронов.

– Не в первый раз, капитан. Мы в последнем задании полковника из штаба армии похитили. А уже простого секретаря сделаем без шума и пыли.

– На сей раз тащить её к нам в тыл нет большой необходимости. Но настоящая Ева Шрат скоро выедет в Ровно. И доехать до места службы должна не она, а вот эта девушка.

– Будем работать в поезде?

– Думаю, что это самое лучшее. Поэтому нам нужен Фёдор Пантелеев. Он мастер по поездам.

– Федор уже два месяца работает инструктором в разведшколе под Москвой.

– Я попрошу старшего майора Нольмана, и он этот вопрос решит. Пантелееву нужно будет попасть в вагон, где едет Шрат сразу как поезд пересечёт нашу бывшую границу. А мы встретим его вот здесь, – палец Седокова указал место на карте. – Здесь станция и поезд стоит около получаса. Фёдор познакомит нас с обстановкой и объяснит диспозицию. Работаем быстро и исчезаем. В итоге на место прибывает новая Ева Шрат. На этом всё. Наша миссия исчерпана.

– Прогулка, капитан. Я думал нам настоящее дело дали. А это работа для новичков.

– Не говори гоп, лейтенант. В нашей работе бывает всякое...

* * *

Станция Н.

Граница рейхскомиссариата Украина.

Лейтенант Федор Пантелеев.

Октябрь, 1943 год.

Лейтенант Федор Пантелеев хоть и был молод, уже имел за плечами десяток боевых операций. Он был худошав и не производил впечатления сильного человека. Но внешний

вид парня в очках был обманчив. В операциях группы Седокова он часто отвлекал внимание на себя. Изображал штабных адъютантов, офицеров тыловой охраны, курьеров. Нольман недавно направил его на преподавательскую работу в спецшколу НКГБ. Пусть делится опытом с курсантами. Но молодой лейтенант НКГБ не слишком полюбил работу с новичками. Он рвался в разведку и хотел вернуться в группу, которая ходит за линию фронта.

И Нольману пришлось уступить. Хотя старший майор не хотел отпускать Пантелеева.

– И охота тебе, Седоков, рисковать мальчишкой?

– Он уже не мальчишка, а мужчина, товарищ старший майор. Да и кого я в поезд подсажу? Дронова? Сашку Кутузова? Так втереться в доверие как Пантелеев они не смогут. Да и риска парню никакого почти.

– То-то что «почти», Седоков.

– Так дадите Пантелеева?

– Да. Но головой мне за него отвечаешь!

– Все будет в порядке, товарищ старший майор!

* * *

Ныне Фёдор Пантелеев был в немецкой форме лейтенанта связи. На станции он появился из ниоткуда. Так подумал местный комендант из фельдполиции капитан Мольтке.

Его удивил этот несуразный парень в очках в мешковатом

мундире.

– Вы кто такой? – строго спросил он.

– Лейтенант Густав Шварц, герр капитан! – лихо щелкнул каблуками Пантелеев.

– Документы!

– Прошу!

Мольтке проверил офицерскую книжку Шварца.

«Лейтенант Густав Шварц.

Управление связи 6-го механизированного корпуса».

– Вы из штаба корпуса? Но как вы здесь оказались, лейтенант?

– У меня предписание, герр капитан, – лейтенант вручил Мольтке второй документ. – Я направлен в Ровно в распоряжение канцелярии генерального комиссара.

– Но как вы оказались здесь?

– Мы выехали из штаба вчера, герр капитан.

– Мы?

– Я был в машине полковника Людвиг Кнехта.

– Черт! Мы ждем машину полковника с самого утра. Где она?

– На нас напали партизаны, герр капитан.

– Какие партизаны?

– Я не знаю, но машину полковника остановил патруль, и это оказались партизаны.

– Я ничего не понимаю, лейтенант. Говорите толком.

– Машина полковника Кнехта в сопровождении трех мо-

тоциклов ехала по вот этой дороге, – лейтенант подошел к большой стенной карте.

– И что?

– Шофер полковника остановился. Но это оказались партизаны. Полковник приказал ехать, и машина рванула с места.

– А почему полковник решил, что это партизаны?

– Я не знаю, герр капитан. Я только услышал его крик: «Партизаны!» и приказ шоферу ехать.

– И что потом?

– По нам начали стрелять. Но мы вырвались.

– И где сейчас полковник?

– На станции Р в пяти километрах отсюда.

– Но почему вы поехали не сюда? Зачем делать крюк на станцию Р?

– Это был приказ полковник Кнехта, герр капитан. Вам будет лучше спросить его самого. Он срочно потребовал связь со штабом именно на станции Р. А меня отправили вместе с мотоциклистами к вам на станцию Н.

Капитан приказал связать его со станцией.

Связь дали сразу.

– Карл? Это Мольтке!

– Здравствуй Вилли. Рад тебя слышать. Что-то случилось?

– К вам прибыл полковник Кнехт?

– Да, но уже прошло больше часа.

– Дай мне поговорить с полковником.

– Он уже убыл, Вилли.

– Убыл? – удивился Мольтке.

– Сказал, что планы поменялись. Мне он докладывать не стал.

– Но куда он уехал? Я ведь имею приказ его встретить.

– Можешь его не ждать, Вилли. Кнехт к тебе не поедет.

– Но он объяснил почему?

– Сказал только то, что его планы изменились. Убыл в штаб войсковой группы генерал-полковника Граппе. Это все, что я знаю.

– А лейтенант с ним был?

– Был какой-то молодой офицер. Но его отправили прямо с перрона. Я не видел.

– Отправили куда?

– К тебе на станцию, Вилли. Полковник приказал ему ехать с отрядом мотоциклистов. Так передал мне мой фельдфебель, который встретил полковника.

– А как звали того лейтенанта, Карл?

– Я этого не знаю, Вилли. Но что случилось?

– Все в порядке, Карл. Спасибо!

Мольтке положил трубку.

– Кнехт не прибудет к нам. Он отбыл в штаб войсковой группы.

– Но вам подтвердили мои слова? – спросил лейтенант связи.

– Да.

– И я могу рассчитывать на вашу помощь, герр капитан? Мне предписано срочно прибыть в Ровно.

– Я помогу вам получить место в ближайшем поезде. Он как раз следует из Берлина. И доставит вас к новому месту службы.

Лейтенант Шварц обрадовался:

– И как скоро прибует поезд?

– Через полчаса. Вам повезло вы прибыли вовремя, герр лейтенант.

– Я в первый раз в жизни попал под обстрел, герр капитан.

– Вы ни разу не были на передовой?

– Нет, герр капитан.

– Герр лейтенант постоянно воюет в тылу? – презрительно спросил капитан, прикоснувшись к железному кресту за храбрость на своем мундире.

– Я связист, герр капитан. Служил при штабе корпуса.

– Вы свободны, герр лейтенант. Больше вас не задерживаю...

* * *

В поезде.

Лейтенант Густав Шварц.

Октябрь, 1943 год.

В Берлинском поезде в двух комфортабельных вагонах располагались высшие офицеры, штабные работники и дру-

гие влиятельные лица. В первом ехали высокие чины: генерал-майор из танковой дивизии СС «Тотенкопф», оберфюрер СС, штурмбаннфюрер из гестапо, два полковника из штаба тыла, пять армейских подполковников, семь майоров, экономические советники, несколько коммерсантов из Берлина.

Второй вагон был занят младшими офицерами и женщинами из Свиты СС, которые следовали к новому месту службы. Лейтенант Шварц получил место именно в этом вагоне. Ему повезло, он оказался рядом с купе, где находилась кригсхельферин Ева Шрат.

– Вот ваше купе, герр лейтенант, – сказал проводник.

– Я буду один вот здесь?

Шварц заглянул в роскошное купе.

– Нет, герр лейтенант. Вы меня не поняли. Это купе майора Рипке, который сопровождает женщин из Свиты СС к месту службы. Он сейчас вышел. Постоянно посещает приятелей в соседнем вагоне. Они ему и по чину ближе и по возрасту. Ваше купе вот это. По соседству с тем, где вы видите девушку.

– Я вас понял. Но я буду не один?

– Пока попутчика у вас нет, герр лейтенант. И как долго будет так, я не знаю.

Девушка смотрела на него. Шварц также задержал на ней взгляд.

«А ведь это та самая девка с фотографии! – подумал он. –

Неужели она? Она! Вот свезло, так свезло! Такая удача выпадает редко. Сразу точное попадание. Но не стоит терять время. Нужно идти в «атаку».

– Герр лейтенант! – проводник вернул его к действительности.

– Что такое?

– Вам еще что-то нужно?

– Нет спасибо.

Шварц подошел к своей двери и открыл её. Купе было много скромнее чем у майора, но вполне достойное. Девушка все еще наблюдала за ним. Он бросил свой портфель на сидение и вернулся к ней.

– Здравствуйте, фройлен! – сказал он девушке.

– Здравствуйте, герр лейтенант.

– Разрешите представиться. Лейтенант Густав Шварц!

– Ева Шрат, – отрекомендовалась она.

«Точно она» – подумал лейтенант и добавил вслух:.

– Рад знакомству, фройлен. Мне сегодня везёт.

– Везёт?

– Я смог живым уйти от партизан и встретил вас, фройлен.

Вы очень красивы. Но вам ведь подобное говорят часто.

Девушка покраснела.

– Вы будете ехать здесь, герр лейтенант?

– Рядом с вами. Вот это купе пока в моем распоряжении.

Заходите в гости, фройлен.

– Вы меня приглашаете? – девушка обрадовалась.

– Если вы не сочтёте мою просьбу слишком дерзкой, фройлен.

– Что вы, герр лейтенант. Я ведь в моем купе не одна и мне там не совсем комфортно, – сказала она тихо, чтобы мог слышать только сам лейтенант.

– Прошу вас.

Лейтенант пропустил девушку в свое купе.

Она вошла.

– Садитесь, Ева. У меня в портфеле имеются не только бумаги, но и бутылка хорошего вина, фляга с коньяком и шоколад. А коньяк, смею вас уверить, совсем неплохой.

– Я рада, что мне хоть на час можно избавиться от гауптхельферин Мильце.

– Если она так же молода и привлекательна как вы, Ева...

– Она в летах и не совсем привлекательна. Хотя я не мужчина и мне трудно судить о женской красоте. Но благодаря фрау Мильце в нашем купе жуткая скука. И я уже думала, что мне придется выносить её общество до самого места назначения.

– А куда фройлен едет, если это не военная тайна?

– Мы выйдем на станции Здолбуново и поедem в Ровно машиной.

– Мы? Вы и фрау Мильце?

– Гауптхельферин Мильце поедет дальше. Она не из нашей команды.

– А у вас здесь команда?

Девушка объяснила:

– Нас в этом вагоне девять девушек вспомогательно-го подразделения военного времени – СС кригсхельферин, герр лейтенант. Но они в той части вагона. А вот меня поселили с фрау Мильце.

– О! Я попал на праздник.

– Вам никто не позволит пригласить их к себе герр лейтенант. Они связистки. И за нами следит майор Рипке.

– Это тот самый из соседнего купе? Но его нет в вагоне. Майор предпочитает другое общество, насколько я понял. Но мне достаточно вашего общества, фройлен Ева. И вам не стоит обращаться ко мне «герр лейтенант». Я Густав. И я хочу предложить вам выпить за знакомство. Коньяк?

– Вино. Вы сказали, что у вас есть вино.

– Отличное красное вино, фройлен.

Лейтенант достал из большого портфеля бутылку вина и поставил на столик. Следом из портфеля показалась плитка шоколада и армейская фляга, в которой, по всей видимости, был коньяк. Затем он осторожно вынул сверток и развернул бумагу, в которую тот был завернут. Перед Евой предстал красивый бокал с короной.

– Какая прелесть, – сказала она. – Откуда это чудо?

– Это Мозер, фройлен Ева. Настоящий Мозер.

– Мозер?

– А вы не слышали про фирму Мозер? «Мозер – стекло для королей. Мозер – король стекла». Это бокал из знамени-

того набора. Он принадлежал королеве Матильде. Есть интересная легенда, связанная с этим набором. И возможно сама королева пила из этого бокала, фройлен!

Шварц наполнил бокал вином, а сам взял в руки флягу и открыл крышку.

– За наше знакомство, фройлен!

Ева взяла в руку бокал.

Он выпил. Ева тоже сделала глоток, и снова поставила бокал на столик.

– Я сегодня чудом избежал смерти, фройлен! Вы не поверите. По дороге на машину, в которой я ехал, напали партизаны. Нас обстреляли из автоматов.

– Вы видели партизан? Я только слышала про них. Густав. Нам говорили, что в здешних местах их много.

– И это правда, Ева. Хотя лично я встретился с ними в первый раз. Да и разглядеть как следует не успел.

– Вы давно в армии, Густав?

– Почти год.

– И вы только раз видели партизан?

– Я связист из штаба корпуса. И это моя первая командировка на большое расстояние. До этого я никуда не выезжал. И вот мое первое путешествие по диким землям. А вы, Ева?

– Я окончила курсы в Берлине и еду к первому месту службы.

– Вы будете служить в Ровно?

– Да, в канцелярии генерального комиссара Шёне. А вы?

– Я тоже командирован в Ровно, Ева. И возможно, что это не последняя наша встреча. Мы наверняка пересечемся с вами. Вы тоже из службы связи?

– Нет. Я стану секретарем в канцелярии генерального комиссара...

* * *

Ночью в двери купе постучали. Шварц вскочил с места и быстро отпер двери. В коридоре стоял фельдфебель из фельджандармерии. Это было видно по бляхе на его груди.

– Если не ошибаюсь, герр лейтенант Шварц?

– Это я. Что вам угодно?

– Ваш старый приятель капитан Отто передает вам привет.

– Прошу вас войти, фельдфебель. Я давно не имел вестей от капитана. Что он по-прежнему на передовой?

Шварц запер двери купе.

Теперь можно говорить спокойно.

– Как дела, Федя?

– Мне в этом предприятии невероятно везет, – ответил Шварц. – Все складывается удачно.

– Где Ева Шрат?

– В соседнем купе. Она совсем рядом с нами. Наши готовы?

– Да на следующей станции будем работать.

– С ней в купе еще одна женщина. Гауптхельферин Мильце. Давно служит в составе Свиты СС. Едет на фронт.

– Баба из вспомогательной службы? На фронт? – удивился фельдфебель (старший лейтенант Александр Кутузов).

– Так мне сказала Ева, пока гостила здесь.

Кутузов удивился.

– Шрат была у тебя?

– Я приглашал её в гости.

– Но почему же она сейчас не здесь?

– Сейчас ночь, Саша. И она ушла.

– Ты что хватку потерял, Федя?

– Ничего я не потерял. И я предлагал Еве остаться. Но она отказалась. Не все девушки одинаковы. Не все сразу запрыгивают в постель.

– А как было бы удобно дело делать, Федя. Но раз так получилось, то будем работать под проверку документов.

– Нас уже проверяли трижды, – сказал Пантелеев.

– Заменить Шрат на нашу девку нужно на станции.

– Наша немка уже в поезде?

– Пока нет. Седоков приказал не рисковать.

– А он сам здесь, Саша?

– Здесь. Только не начинай ныть, что нужно сохранить жизнь немке.

– Это обычная девушка, Саша.

– Федя! Она немка и она наш враг.

Кутузов – мощный мужчина и руками мог легко свернуть

шею кому угодно. Так он работал уже не один раз. Жертвы не успевали даже вскрикнуть.

– Но ведь есть приказ доставить девушку в Москву. Она может пригодиться для внедрения нашей немки.

– Так и Седоков сказал, но я бы сработал быстро. Если тащить девку живой, на станции может произойти что угодно. Риск большой. Я бы убрал её за секунду.

– Но такого приказа у тебя нет?

– У меня приказ сработать быстро и чисто. Посмотрим по обстоятельствам, Федя. Но хватит болтать. Пора дело делать. И присутствие второй бабы может помешать. Ты сиди здесь и жди меня.

– А может...

– Сиди в купе, лейтенант. Я фельдполиция. Проверяю документы. А ты жди условного сигнала я постучу тебе.

Но чисто сделать работу не получилось. Вмешался случай...

* * *

Старший лейтенант Кутузов постучал в двери вагона. Но никто не отозвался. Он постучал ещё раз. Тот же результат. Тогда Кутузов дернул ручку, и двери открылись.

Он проникли в купе. Там находилась только одна женщина. Это была фройлен Ева Шрат, которая уже была мертва. Ей свернули шею.

Саша постучал в стенку вагона. Через несколько секунд в купе вошел Федор.

– Что такое? – спросил он. – Где Ева?

И тут Федор увидел девушку, с которой недавно пил вино.

– Ты убил? – он посмотрел на Кутузова.

– Никого я не убивал, – ответил Саша. – Я только вошел, Федя. И шею девице некто свернул до меня. Она еще теплая.

– А где вторая?

– В купе был только труп. Дело, Федя, сделали за нас.

– Кто? – не понял Шварц.

– Хотел бы я это знать. А кто с ней ехал? Как ты ту бабу назвал?

– Гауптхельферин Мильце.

– Думаешь, она?

– Кто знает, Федя. Но ты сам эту Мильце видел?

– Нет. Я видел только Еву Шрат. А про гауптхельферин Мильце знаю со слов самой Евы. И что нам теперь делать? Что запланировано на такой случай?

– Ничего, – ответил Кутузов. – Ничего подобного предусмотрено не было. А скоро станция и в вагоне будет наша девица.

– И что делать? – спросил Шварц.

– Действуем по первоначальному плану. Отменить операцию я не могу. Займемся трупом, Федя, пока темно.

– Ты прав. Но все это странно.

– Девке виртуозно свернули шею. И это сделали не мы. В

целом наша задача выполнена. Девушка мертва. И на её месте будет та, кого мы сопровождали.

– А если это ловушка? – спросил Пантелеев.

– Нет. Просто девушка могла мешать ещё кому-то. Но сейчас времени выяснять это у нас нет...

* * *

Но Пантелеев-Шварц все же решил начать проверку до того как фальшивая Ева появится в поезде. Под утро он обратился к проводнику.

– Скажите, а могу я нанести визит девушкам в соседнем купе? Это будет удобно?

– Девушкам? – с удивлением спросил проводник.

– Но ведь в соседнем купе едут девушки?

– Одна девушка, герр лейтенант. Соседнее купе, как и ваше, рассчитано на двоих. Но едет там только фройлен Шрат. А девушки в дальнем конце вагона занимают три других купе. Так получилось что связистки еду вместе. Но для фройлен Шрат выделили отдельное купе.

– А с чего так?

– Разве я могу это знать, герр лейтенант? У меня приказ майора Рипке и я его выполнил.

– Благодарю вас.

– Не стоит благодарности, герр лейтенант.

Шварц вернулся к себе. Он был обеспокоен. Что-то пошло

не так.

– Чего там? – спросил Кутузов.

– В купе Ева ехала одна.

– Как одна? Но ты сам сказал, что с ней была эта Мильце.

– Так сказала мне сама Ева. Но наш проводник утверждает, что Ева ехала одна. И я думаю, что фрау Мильце уже нет в поезде. Но вот кто она и зачем убила фройлен Шрат? Это вопрос.

– Доложим Седокову. Пусть решает сам...

* * *

Шварц проводил девушку в купе.

– Все прошло хорошо? – спросила она.

– Настоящая Ева устранена. Но вам не стоит без крайней нужды покидать купе.

– Я понимаю. Значит все по плану?

– Не совсем.

Ева удивилась:

– Что это значит? Вы же сказали, что все прошло хорошо?

– Я так не сказал, фройлен. Сказал, что настоящая Ева устранена. Труп её был на том самом месте, где вы сейчас сидите.

Ева отшатнулась.

– Она умерла без крови. Ей мастерски свернули шею. И мы не знаем, кто это сделал.

– Её устранили не вы? – удивилась девушка.

– В том все и дело. Мы пришли сюда и увидели её труп.

– Но кто мог это сделать?

– Я не знаю.

– Тогда стоит отменить операцию! Это приказ Общего Друга.

– Нет. Пусть решает командир нашей группы.

– Но если это провокация гестапо?

– Не думаю. С чего гестапо убирать Еву Шрат? Да никто не мог знать о готовящейся операции. Утечки не было. Это странное стечение обстоятельств.

– А если нет? – спросила она.

– Для этой цели вы не сразу отправитесь со станции Здолбуново в Ровно.

– Это как же?

– Вам придется задержаться.

– Но Ева Шрат всего лишь кригсхельферин! Она подчиняется приказам.

– Наш командир придумает для вас повод. Вы задержитесь, и мы проверим, есть ли за вами слежка. Если нет, то вас переправят в Ровно.

– Все это нужно сообщить Общему Другу.

– Это будет сделано в свое время.

Станция Здолбуново.

Командир группы Седоков узнал все об инциденте и сказал, что Кутузов и Пантелеев действовали правильно в сложившейся ситуации.

– Мы не имеем никаких инструкций на подобный случай. Я должен внедрить Еву Шрат и я это сделаю. Она в курсе?

– Да, – ответил Пантелеев. – Скоро выйдет из вагона. Я просил её не спешить.

– Всё верно. Пусть все остальные девушки из вспомогательной службы соберутся и уйдут на территорию вокзала. Еве не стоит с ними встречаться.

– Они друг друга знают мало, командир.

– Все равно. Ей вообще не стоит входить в здание вокзала.

– Но штаб-майор, что их сопровождает, будет ждать и Еву.

Он соберет всех по списку. Так не получится, командир.

– А здесь в дело вмешается ты, Федя.

– Я? А что я могу?

– Скажешь, что Ева Шрат споткнулась и упала на перроне.

Её отправили в местный фельдшерский пункт.

– Они все равно станут ждать.

– Остальное сделает Сашка Кутузов...

Майор Иоганн Рипке, который должен сопровождать девушек, был обеспокоен инцидентом с кригсхельферин Евой Шрат. Эта девушка была назначена для службы в самой канцелярии генерального комиссара.

– Черт знает что! Я должен сдать всех девушек офицеру из Ровно, стал жаловаться Рипке. – У меня нет времени ждать!

– Но ведь это вы сопровождаете девушек, герр майор? – спросил Шварц.

– Только до этой станции. А отсюда их повезет офицер, присланный из канцелярии генерального комиссара. А я должен убыть в штаб южной группы войск. У меня особое задание от начальника штаба ОКВ.

– Но я ведь также еду в Ровно, герр майор. Могу все объяснить. Если это нужно.

– Но я должен сдать всех по списку. Неужели с фройлен Шрат все столь плохо?

– Этого я не знаю. Она доставлена в фельдшерский пункт. К офицерам подошел человек средних лет, высокого роста.

– Я имею честь говорить с господином майором Рипке? – спросил он по-русски.

– Что он говорит? Вы его понимаете, лейтенант? – спросил майор Шварца.

– Я немного знаю русский. Он желает видеть вас.

– Меня? А кто он?

Шварц спросил по-русски:

– Кто вы есть?

– Фельдшер Нюнюкин. К нам доставили вашу девушку.

И доктор подозревает перелом ноги. Её следует отправить в военный госпиталь. Дело может оказаться серьезным.

Шварц перевел слова фельдшера.

– Черт знает что! – вскричал Рипке. – Только этого мне не хватало!

– Но я могу доставить фройлен Шрат в ближайший армейский госпиталь, герр майор.

– Правда? Вы сделаете это, герр лейтенант?

– Почту своим долгом. Если мне выделят транспорт, то я берусь доставить фройлен Шрат в госпиталь.

– Идемте к начальнику станции, лейтенант. Я выбью вам транспорт!

Майор Рипке был рад, что Шварц освободил его от хлопот...

* * *

Военный госпиталь.

Доктор Рихман.

Еву доставили в госпиталь, где фройлен Шрат осмотрел военный врач подполковник Рихман. Он же являлся и на-

чальником этого заведения.

– С вашей ногой все в порядке, фройлен. Небольшой ушиб. Какой идиот направил вас в госпиталь? Здесь достаточно простой повязки.

– Местный врач из стационарного медицинского пункта сказал, что дело серьезное, – ответила Ева.

– Понятно. Не захотел утруждать себя. Эти русские не хотят ничего делать, а только получают пайки.

– Я могу обратиться к вам с просьбой, доктор? – спросил лейтенант Шварц.

– Вы имеет отношение к этой девушке, лейтенант?

– Я её жених, – ответил Шварц. – И мне через неделю нужно убыть в свою часть на фронт.

– И вы хотите, чтобы я задержал фройлен в госпитале? – Рихман понял, зачем они все это придумали с травмой.

– Всего не несколько дней, доктор. Нам не нужен госпиталь, но нужен документ из госпиталя.

– То о чём вы просите, лейтенант, воинское преступление.

– Доктор, Ева будет работать в канцелярии генерального комиссара. И несколько дней они вполне могут обойтись без неё. А нам вы подарите несколько дней вместе.

– Один день, лейтенант. Только день. А затем фройлен убудет по месту службы в Ровно. И не просите меня о большем. Я и так нарушаю приказ. Выпишу вам справку о растяжении, фройлен.

– Спасибо вам, доктор.

Седоков все проверил. Никакой слежки за Евой не было. Он сказал Шварцу:

– Ева чиста. Никакой слежки нет. Она может отправляться в Ровно.

– Но что делать с доктором Рихманом? Ведь я представился ему как жених Евы.

– Я не забыл про это, Федор. Доктор слишком много знает и если у гестапо возникнут вопросы по Еве, они обязательно зададут их доктору Рихману. А Рихман не забудет про молодого лейтенанта – жениха фройлен, которого нет в её легенде. Да и самого лейтенанта связи Шварца в штабе нет, и никогда не было. Нужно чтобы про него никто и не вспомнил.

– Но капитан Мольтке из фельдполиции видел мои документы.

– Его устранение поручено «Ликвидатору». И судя по его характеристикам Мольке уже нет среди живых.

– Значит и Рихмана?

– А что такое?

– Мне жаль доктора. Он показался мне хорошим человеком.

– Твоего доктора я думаю похитить и через партизан переправить в наш тыл. Но если не получится и возникнут осложнения, то сам понимаешь, Федя, я его ликвидирую. И

моя рука не дрогнет. Не стоило хорошему человеку приходить сюда с армией Гитлера...

Глава 6

Штурмбаннфюрер Вильке

Ровно.

Октябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Пан Казамеж Войцех.

Штурмбаннфюрер³⁹ СС Фридрих Вильке только месяц назад был назначен на должность в службу СД города Ровно при генеральном комиссаре Эрихе Шёне.

Вильке имел отличные рекомендации от бригаденфюрера СС⁴⁰ Вальтера Кубицки и потому его приняли хорошо. Шеф гестапо оберфюрер⁴¹ Генрих Танцман возлагал на Вильке

---

³⁹ Штурмбаннфюрер СС – майор, звание использовалось в качестве звания заместителей руководителей территориальных подразделений СС – штурмбаннов (SS Sturmbann). В штурмбанн входили четыре небольших подразделения – штурме (SS Sturm), приблизительно равных по численному составу армейской роте (от 54 до 180 чел.)

⁴⁰ Бригаденфюрер СС – генерал-майор. введено в структуру СС в качестве звания руководителей основных территориальных подразделений СС Оберабшнит (SS-Oberabschnitt). Это наивысшее структурное подразделение организации СС. Их насчитывалось 17. Его можно приравнять к армейскому округу, тем более, что территориально границы каждого оберабшнита совпадали с границами армейских округов. С 1936 года в войсках СС звание бригадефюрер соответствовало званию генерал-майора и должности командира дивизии.

⁴¹ Оберфюрер СС – бригадный генерал. Звание бригадный генерал в армии СССР и современной армии РФ отсутствует. Но в царской России такое звание

большие надежды, связанные с ликвидацией подполья большевиков. Вильке слыл большим специалистом по розыскной работе и внедрению агентов к врагу.

За дело в Харькове осенью 1942 года⁴² Вильке отметил сам рейхсфюрер СС Гиммлер. Он получил железный крест и звание штурмбаннфюрера СС...

* * *

Вильке нашел ценного сотрудника, который уже год работал на СД.

Это был поляк Казимеж Войцех, в прошлом агент Дефензивы (польской секретной службы), который был опытным провокатором. Он больше десяти лет находился на нелегальном положении, и умело скрывался среди украинского правого крыла националистов. Он выдавал Дефензиве лидеров ОУН в конце 30-х годов, и один раз был на грани провала. Но сумел вывернуться, и служба безопасности ОУН не смогла его вывести на «чистую воду».

Войцех тогда ушел благодаря немецкой разведке, которая увидела в нем перспективы на будущее. Польша пала в

было. Бригадир (командир бригады) чин между полковником и генерал-майором.

⁴² Серия «Сотрудник Абвера»: Вдова» состоит из романов «Вдова»: Метроном смерти», «Вдова»: Архив царского профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

1939 году и была присоединена к рейху под названием генерал-губернаторства. Абвер «вспомнил» про бывшего агента Дефензивы и привлек его к работе. В 1941 году Войцех оказал немецкой разведке неоценимые услуги.

И вот теперь в 1944 году, после ликвидации Абвера, Войцех уже работал на СД и гестапо.

– Мне рекомендовали вас как опытного человека, пан Казимеж, – сказал Вильке.

– Говорите прямо, что вы хотите, герр Вильке. Я специалист по провокациям. А хорошая провокация в нынешних условиях сделает больше чем полк солдат, герр Вильке. Я тот, кто в прошлом году стравил поляков и украинцев. Они до сих пор режут друг друга. Я со своим отрядом спровоцировал эту резню в данном регионе.

– Именно это мне и нужно, пан Казимеж. Хорошая провокация.

– Вас волнуют советские партизаны? – спросил Войцех.

– Да. И мне нужно чтобы украинские формирования стали воевать с советами и забыли о немцах.

– Это можно сделать. Но для масштабной провокации, а вам нужна именно такая, моих людей будет мало, герр Вильке.

– Я помогу вам с людьми, пан Казимеж. В нашей тюрьме есть как раз то, что вам нужно.

– Уголовники? Это самый лучший контингент. Скольких вы можете мне выделить?

– Около ста человек.

– Хорошо. Но это должны быть люди владеющие оружием и не слишком разборчивые в средствах.

– Именно таких для вас и отберут, пан Казимеж. Но дело должно быть сделано чисто.

– Я не умею по-другому, герр Вильке.

– Вы слышали о сотне УПА «Перша варта»?

– Кто о ней не слышал.

– Мне нужно чтобы люди именно из этой сотни воспылали ненавистью к советам.

– Они и так не питают к советской власти большой любви, герр Вильке.

– Но мне нужно чтобы они ненавидели не просто советскую власть, но конкретно партизан из Сарненского отряда.

– Вы говорите об отряде советских партизан «Молот»? Я вас понял герр, Вильке. И я знаю села, где живут родственники сотни «Перша врата». Мы сработаем под советов.

– И сработаете чисто.

– Можете не сомневаться, герр Вильке. Если я берусь за дело, то достигаю результата.

– Это я понимаю, пан Казимеж, но нужно, чтобы и потом информация об акции нигде не всплыла.

– Вы говорите о том, что уголовников после дела стоит ликвидировать? Я это сделал бы и без вашего напоминания, герр Вильке. О них точно никто жалеть не станет. А за своих людей я отвечаю. Они будут молчать.

– Отлично, пан Казимеж. Вы уже собрали своих?

– Да. Мы готовы выдвинуться хоть завтра.

– Местом вашей дислокации определен Зеленый бор. Вот здесь, – Вильке показал точку на карте.

– Я хорошо знаю это место, герр Вильке.

– Вы с вашими людьми расположитесь здесь. И сюда к вам придут люди, освобожденные мною из тюрьмы.

– Чем их вооружать?

– Я уже распорядился отправить в Зеленый бор несколько ящиков с советским оружием.

– Автоматы ППШ?

– Автоматов ППШ и ППД мало, пан Казимеж. В большинстве это винтовки Мосина.

– Мне нужны автоматы, герр Вильке.

– Вы сможете взять их для ваших людей, пан Казимеж. И кроме всего я выделю для вас два новых пулемета МГ-42. Для ликвидации последствий акции.

– А вот за это отдельное спасибо, герр Вильке.

* * *

Вильке выполнил всё, что обещал Войцеху. Он прислал ему и оружие, и людей, и боеприпасы в достаточном количестве. Через две недели отряд пана Казимежа был готов выполнить задание штурмбаннфюрера СС.

Помощник Вильке оберштурмфюрер Зергель не верил в

успех акции, но разубеждать своего нового начальника не стал. Этот офицер прибыл из Харькова и там зарекомендовал себя с лучшей стороны. Его даже наградили железным крестом. Вот и пусть показывает, как нужно работать.

Вильке отдал Зергелю приказ принести ему все документы по убийству офицера Абвера капитана Паульзена. Дело было на контроле в Берлине.

– Вы принесли документы, Зергель?

– Здесь всё, герр штурмбаннфюрер.

Зергель положил на стол папку.

– Это все? Всё что вы сделали, Зергель?

– Герр штурмбаннфюрер, есть версия, что гранату в автомобиль Паульзена бросил украинский националист.

– Вот как? И кто он?

– Павел Иванюк. Он состоит в Организации украинских националистов.

– И зачем оуновцам нужен начальник Абверштелле в Ровно?

– Политического мотива убийства офицера Абвера у него не было.

– А какой был мотив? – спросил Вильке.

– Женщина.

– Женщина? – удивился Вильке.

– Иванюк был женихом девушки, что предпочла капитана Паульзена. Она провела с капитаном ночь, и Иванюк счел себя оскорбленным. И решил отомстить.

– В этой папке изложена данная версия, Зергель?

– Наши офицеры провели расследование. И данная версия подтвердилась, герр штурмбаннфюрер.

– А документы, которые были при капитане Паульзене?

– Документы сгорели. Нападавший бросил гранату в машину. Его целью был сам капитан Паульзен, но не его портфель.

Вильке сказал на это:

– Я не думаю, что все так просто, Зергель. И я понимаю, отчего кое-кому выгодно представить дело именно так. У вас слишком много провалов и еще один вам не нужен. Но я прибыл сюда не для того чтобы составлять отчеты! Я привык работать, герр Зергель! И завтра у меня доклад оберфюреру.

Зергель обиделся:

– Я жду ваших распоряжений, герр штурмбаннфюрер!

– Мне нужны действия, а не красивые отчеты. По вашим бумагам, Зергель, выходит, что подполья в Ровно давно нет! Но оно есть! И знаете почему?

Зергель молчал.

– Потому что арестованные и казненные вами люди не имеют к нему никакого отношения. Много отчетов и много бумаг! Но нет дела! И убийство капитана Паульзена это звено в цепи. И я не думаю. Что его совершили националисты. Это дело советских диверсантов!

Ровно.

Октябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Оберфюрер СС Танцман.

Генрих Танцман получил выговор от рейхсфюрера. В Ровно два дня назад произошел инцидент – диверсант бросил гранату в автомобиль начальника Абверштелле-Ровно капитана Паульзена. Офицер Абвера погиб и с ним были уничтожены важные документы. Адмирал Канарис пожаловался фюреру. Обвинил СД в бездействии и неумении обеспечить порядок. Гитлер устроил разнос рейхсфюреру СС и тот «отыгрался» на Танцмане.

– Вы неспособны обеспечить порядок, Танцман! Я уже начинаю жалеть о том, что назначил вас на эту должность!

– Следствие ведется. Рейхсфюрер, и я уверяю вас...

– Мне не нужны наспех сфабрикованные дела и отчет о казни преступников. Я знаю, как вы это делаете. Адмирал Канарис говорил о важных документах, что были у Паульзена.

– Они уничтожены, рейхсфюрер, – сказал Танцман.

– Вы уверены в этом?

– Да, рейхсфюрер. Расследование на месте преступления произведено со всем тщанием!

– Канарис же утверждает, что документы могли попасть к врагу.

– Нет, рейхсфюрер!

– Хорошо если так!

– Это так, рейхсфюрер!

– Что по расследованию? Кто стоит за этим преступлением?

– Красная разведка, рейхсфюрер!

– Вы уверены в этом?

– Так точно, рейхсфюрер! Мною привлечены к расследованию лучшие сотрудники. И среди них штурмбаннфюрер Вильке!

– Вильке? Этот офицер служил в Харькове? – спросил Гиммлер.

– Так точно, рейхсфюрер!

– Я его помню. Он награжден железным крестом. Дельный офицер.

– Ныне он работает под моим началом, рейхсфюрер.

– Все обстоятельства расследования докладывать лично мне, Танцман!

– Есть, рейхсфюрер!

– Хайль!

Гиммлер прервал разговор. Танцман положил трубку на рычаг и вытер пот со лба свежим платком...

И вот пришло время. Вильке представил отчет о расследовании.

– В городе действует хорошо законспирированная подпольная организация, герр оберфюрер, – начал доклад Вильке.

– Это мне известно и без вас, штурмбаннфюрер! Мы вышли на след этой организации и на её предполагаемого руководителя. Это некий человек по прозвищу Антиквар.

– Но мой предшественник не смог взять Антиквара.

– Ваш предшественник, герр Вильке, утверждал, что группа Антиквара раскрыта, а сам Антиквар скрылся у партизан.

– Я уверен, герр оберфюрер, что это не так. Подполье действует до сих пор. И убийство капитана Паульзена – звено в цепи. Также звенья цепи – диверсии на предприятии Тангольца и взрыв на перроне ровенского вокзала.

Недавно на вокзале немцы разгрузили несколько вагонов с бутылками с азотной кислотой. Партизаны заложили мины замедленного действия, и после первого взрыва, кислота из разбитых бутылей потекла по деревянному настилу перрона. Прибыли пожарные команды, но сделать ничего не смогли. Пламя охватило весь перрон.

– И что дало уже ваше расследование, герр Вильке?

– Организация Антиквара успешно работает у нас под боком, герр оберфюрер. Но ниточки я все же нашел.

– Ниточки? Говорите яснее, штурмбаннфюрер.

– Через агентов я узнал, что организация Антиквара снабжает партизан медикаментами, перевязочными материалами и хирургическими инструментами.

– И вам известен канал этого снабжения?

– Пока нет. В Ровно слишком много русских врачей, герр оберфюрер.

– И это все?

– Я планирую выйти на диверсантов именно благодаря этому каналу.

– Вот как?

– И мне в этом поможет отличный набор хирургического инструмента, который по моему приказу скоро доставят в Ровно.

Танцман ожидал большего.

– Герр штурмбаннфюрер, вы служите под моим началом уже месяц, – сказал он.

– Так точно, герр оберфюрер. Что-то не так?

– Скажу вам честно, я ждал большего за такой срок.

– Большого, герр оберфюрер? Но специфика моей работы в Харькове была иной. Там совершенно другие условия. Харьков это большой город. Восточная Украина лесами бедна. А здесь, на Западной Украине, есть база для широкого партизанского движения. И мне нужно время чтобы войти в

курс дела. Да и не это главное.

– А что же?

– В Харькове у меня были помощники.

– Но под вашим началом целый штат агентов! Я дал вам много больше, чем имеют другие, учитывая ваше личное знакомство с Кубицки.

– Мой помощник оберштурмфюрер⁴³ Зергель совсем не годится для своей работы.

– Зергель член НСДАП ещё с 1931 года!

– Но это не делает его профессионалом. Он исполнитель и не более того.

– Однако у Зергеля были успехи в борьбе с партизанами до вас, герр Вильке.

– Если вы говорите о том, что он почти каждый месяц ликвидирует диверсионные группы красных то это полная ерунда, герр оберфюрер

– Что? Вы отдаете себе отчет, штурмбаннфюрер...

– Отдаю. Я просмотрел все его дела. Это никакие не диверсанты. Я согласен, что это не были друзья рейха. Но к диверсантам этих людей, которых повесили по приказу Зергеля, отнести нельзя. Они не имеют отношения к советской разведке. А Ровно нашпигован советской агентурой. И настоящей агентурой, а не теми, кого подал вам Зергель.

– Пока ваши слова ничем не подтверждены, герр Вильке. А у Зергеля дела! И в них признание вины обвиняемых!

---

⁴³ Оберштурмфюрер СС – обер-лейтенант.

– Герр Танцман. Так мы с вами не поймем друг друга. Вы сами сказали мне, перед началом моей службы здесь, что ситуация тяжелая. Красные диверсанты убивают немецких офицеров среди бела дня. Партизаны совершают диверсии на железной дороге. В городе листовки и саботаж. И всё это, не смотря на победные рапорты Зергеля. Диверсий, меньше не становится. Разве это результат?

– Но где ваши усилия, герр Вильке? В конце концов Зергель ваш подчинённый.

– Я не хочу чернить оберштурмфюрера Зергеля, герр оберфюрер! Он по- своему радеет за дело. И не его вина, что он не слишком умен. Как исполнитель он мне пригодится.

– Я рад, что вы не просите его сменить, штурмбаннфюрер. Что конкретно вы предлагаете сейчас? Помимо набора медицинского инструмента, который еще не доставили в Ровно.

– У меня есть план мероприятий по борьбе с советскими партизанами, герр оберфюрер. Но для его реализации мне нужны полномочия.

– Мне только сегодня звонил генеральный комиссар Шёне. А он высказал мнение самого рейхскомиссара Коха. Они требуют обезопасить наши тылы и особенно железные дороги! Два дня назад на магистрали была новая диверсия!

– Готов начать приводить в исполнение мой план.

– В чем его суть, герр Вильке?

– Советские партизаны имеют базы в Сарненских лесах,

которые раскинулись на сотни километров.

– Мне это хорошо известно.

– Но судя по карте, в этих лесах есть много хуторов с постройками.

– Хуторов хватает, но добраться до них не так просто. Я уже ставил там заслоны из местных полицейских. Но партизаны легко громят их. Расстояния слишком велики, а сил в нашем распоряжении мало для обеспечения охраны такой территории.

– Я говорю не о заслонах, герр оберфюрер.

Вильке подошел к карте, висевшей на стене.

– Вот здесь стоит боевой отряд из УПА. А вот это – место дислокации крупного советского партизанского отряда.

– И что? Выяснить точное расположение советского отряда нам пока не удалось. Дело в том, что они быстро меняют место основной стоянки.

– А дислокация украинского отряда? – спросил Вильке.

– Такие сведения у меня есть. Я получил их от нашего агента.

– У вас есть агент? Внедренный?

– Да.

– Как долго он работает?

– После того как партизаны застрелили прямо у входа в рейхскомиссариат имперского советника финансов доктора Карла Геля и его адъютанта майора Винцеля. Мне нужно было знать, чья это работа, советов или ОУНовцев.

– И ваш агент среди ОУН?

– Внедрен в отряд «Первая стража», или как они сами называют себя «Перша варта».

– И кто же убил имперского советника?

– Советские партизаны, штурмбаннфюрер.

– Значит вот это место на карте – это дислокация «Варты»?

– Здесь стоит «Перша варта» – самое боеспособное подразделение УПА-Север. Но наша первоочередная цель – советские партизаны и подпольщики, герр Вильке.

– Я предлагаю натравить украинский отряд на советский. Все сделаем чужими руками.

– Думаете, мы не пытались этого сделать, Вильке? Пытались и не один раз.

– Но на этот раз за дело возьмусь я.

– Вы хотите сказать, что у вас есть план действий?

– Да, герр оберфюрер.

– Я готов вас выслушать, штурмбаннфюрер.

Вильке показал точку на карте:

– Вот в этом месте находится хутор Зеленый бор, герр оберфюрер.

На столе оберфюрера зазвонил телефон.

– Танцман у аппарата! Это вы Хартман? Я слушаю вас. Да не кричите так в трубку. Я ничего не могу понять. Что? Какое нападение? Зеленый бор?

Вильке поднял голову, когда услышал название. Танцман

спросил его:

– Что у вас было в Зеленом бору, штурмбаннфюрер?

– Отряд, собранный для важного задания.

– Нет больше вашего отряда.

– Как нет?

Танцман сказал еще несколько слов в трубку и прервал разговор. Он повернулся к Вильке и сказал:

– Черт знает что! Партизаны атаковали хутор Зеленый бор. Тот самый, про который вы мне говорили Вильке.

– И что наш отряд? – вскричал Вильке.

– Наш? Но, по словам майора Хартмана, там был какой-то сброд.

– Это были наши люди из поляков, герр оберфюрер. И этот отряд должен был выполнить важное задание. Я две недели его готовил!

– Что делать если партизаны вас опередили. Хартман из фельдгестапо⁴⁴ сказал, что они прибыли слишком поздно.

– Как много людей из отряда убито?

– Все.

– Как это все? – не понял Вильке.

– Хартман сказал, что партизаны не оставили никого.

Правда есть несколько раненых. Но сброд из поляков меня волнует мало. Главное, что не погиб ни один из наших сол-

---

⁴⁴ На немецком армейском сленге Гехайме фельдполицай называли «гестапо вермахта» (Gestapo der Wehrmacht), а также «полевое гестапо» или «фельдгестапо» (Feldgestapo). Команды Гехайме фельдполицай при местных комендатурах и охранных дивизиях действовали в тесном контакте со службой СД.

дат.

– Но вы сами требуете результатов, герр оберфюрер. Я подготовил людей. И это было не так легко.

– Соберете новый отряд, Вильке. Сброда в этих местах хватает. Смею вас уверить.

– Но кто напал на них?

– Этого Хартман выяснить не смог.

– Я должен сам выехать на место боя.

– Вы? Зачем? У вас достаточно офицеров для такой работы. Пошлите Зергеля. Хотя вы невысокого мнения о его способностях, но с таким простым делом он справится.

Оберфюрер вызвал своего адъютанта. Тот вошел в кабинет.

– Клаус!

– Герр оберфюрер!

– Срочно свяжитесь с оберштурмфюрером Зергелем! Передайте ему мой приказ срочно во главе оперативной команды отправляться в Зеленый бор! Его задача провести следствие на месте! Результаты доложить штурмбаннфюреру Вильке!

Вильке понял, что его план, столь тщательно продуманный, рухнул. Все придется начинать сначала.

– Генеральный комиссар требует от нас решительных действий! – продолжил Танцман. – И на каждую акцию партизан и террористов мы станем отвечать еще более жестко!

– Вы предлагаете казнить заложников?

– Мы подадим их не как заложников, но как виновников нападения. Да я почти уверен, что среди них есть коммунисты или те, кто работает на большевиков. Жаль, что приказом Генерального комиссара нам запретили казнить захваченных нами ОУНовцев.

– Запретили? – удивился Вильке. Он знал, что совсем недавно по приказу оберфюрера повесили нескольких националистов.

– Запретили. Генеральный комиссар Шёне сказал, что это распоряжение самого гаулейтера Коха. У них там наверху что-то поменялось. По моим сведениям сюда прибыл важный чин из Абвера.

– Кто?

– Я не знаю. Он прибыл тайно. Все время эти крысы Канариса портят нам игру. Но вы, как я слышал, работали с Абвером.

– Приходилось. В Харькове в 1941 году.

– И каковы были успехи такого сотрудничества?

– Тогда для меня это закончилось не совсем хорошо. В итоге в Харькове погиб генерал фон Браун.

– Вот как? А я слышал про это! Громкое было дело. Тогда партизаны обыграли Абвер как детей. Фон Браун со своим штабом взлетел на воздух и сам рейхсфюрер был в ярости.

– Эту ярость я ощутил на себе.

– Вы, Вильке? Но бригаденфюрер⁴⁵ Кубицки говорил, что

---

⁴⁵ Бригаденфюрер СС – генерал-майор.

вы удостоились личной благодарности рейхсфюрера.

– Это было позже. Уже в 1942 году...

* * *

Ровно.

Октябрь, 1943 год.

В тот же день.

Офицерское казино.

Город Ровно особенно красив в осеннее время. Это совсем не Харьков с его высокими домами и широкими проспектами. Дома в Ровно в основном одноэтажные и только на центральных улицах стояли двух и трехэтажные строения. Именно там располагались гестапо, фельджандармерия, управление полиции, казино и рестораны для офицеров вермахта.

Вечером Вильке посетил офицерское казино. Ему сразу по прибытии в Ровно посоветовали это место, но времени у штурмбаннфюрера постоянно не хватало.

И вот после разгрома отряда у Зеленого бора и провала столь тщательно подготовленной операции, Вильке понял, что ему необходимо выпить. Он слишком устал.

«Нужно посетить офицерское казино! Разгрести всё, что мне досталось от моего предшественника, не так просто. В городе действует довольно крупная подпольная организация. А я еще радовался, что мое новое место службы –

небольшой город. А проблемы здесь не меньше чем в Харькове».

В казино как обычно было много офицеров.

Вильке подошел к стойке и заказал коньяк.

– Два коньяка! – раздался знакомый голос у него за спиной.

Штурмбаннфюрер обернулся. Перед ним стоял в форме военного врача майор Абвера Альфред Лайдеюсер.

– Герр..., – Вильке понял, что произносить имя Лайдеюсера не стоит, – герр капитан.

– Капитан медицинской службы Вилли Гармер. А вас как величать?

– Я и здесь Фридрих Вильке, герр капитан.

– Вас можно поздравить, герр штурмбаннфюрер.

Лайдеюсер обратил внимание на петлицы, Вильке. Слева четыре кубика, справа – молнии СС.

– Уже два месяца. А вы?

– Я служу там где и служил, герр штурмбаннфюрер.

– И что привело вас в Ровно?

– Работа, герр Вильке. Что еще могло привести меня в эту глушь.

– Но все же странно видеть вас в форме военного врача. И я думаю, что вы знали, что я буду здесь.

– Я хожу сюда уже в четвертый раз, герр Вильке. И я надеюсь, что мы встретимся. И вот мы с вами говорим.

– У вас ко мне дело?

– Да.

– Но вы знаете, что отношения между Абвером и СД в последнее время еще более наряженные, чем были в 1941 году.

– Но и Абвер и СД служат Германии.

– Вы хотели сказать – служат фюреру и рейху?

– Пусть так. И мое дело здесь поможет делу фюрера и рейха. Да и вам я окажу содействие, в котором вы явно нуждаетесь.

– Нуждаюсь я? С чего вы взяли?

– А с того что происходит на улицах этого городка. Я имел возможность это наблюдать лично. Ваш шеф, оберфюрер Танцман, ничего здесь не контролирует. Красные диверсанты в Ровно как у себя дома.

– Могу я пригласить вас к себе домой, герр капитан?

– Домой?

– Мне кажется, что наш разговор нужно вести в ином месте.

– Согласен. Я заметил ваш «Опель-адмирал» у входа. Там вас ждет шофер?

– Нет. Я отпустил его в казарму. Я сам буду за рулем.

– Отлично. Я принимаю ваше предложение...

* * *

Ровно.

Октябрь, 1943 год.

Фридрих-штрассе.

В тот же день.

Квартира Вильке.

Квартира Вильке в Ровно была на Фридрих-штрассе недалеко от здания, где размещалось управление СД.

Вильке хоть и не показывал вида, но был рад встрече с Лайдеюсером. Он помнил этого офицера Абвера как умного человека. А такой был ему сейчас нужен.

– Прошу вас, герр Лайдеюсер. Здесь можно говорить. Кольняк?

– Спасибо, герр Вильке.

Они выпили и продолжили разговор.

– Итак, герр Лайдеюсер, вы здесь с заданием Абвера.

– Да.

– И это вы тот самый высокий чин Абвера, про которого говорил мой нынешний шеф Танцман?

– С высокими чином он явно перегнул. Вы ведь помните наш провал в 1941-ом году, герр Вильке?

– Мне не дают этого забыть, герр Лайдеюсер. Да и не назвал бы я этот провал нашим. Ни моей вины, ни вашей в тех взрывах не было. Нас просто сделали крайними. Вот и все.

– Но моя карьера с тех пор закатилась. С важной и интересной работы меня перевели в абвершколу в Брайтенфурт. Сунули как собаке кость в виде звания майора. И вместо настоящей работы пошла рутина.

– Но готовить агентов важная работа, герр Лайдеюсер.

– Их эффективность столь мала, что и говорить не хочется.

– Но сейчас у вас снова настоящее задание, герр Лайдеюсер.

– Я прибыл для координации действий наших структур в борьбе с партизанами.

– И я здесь именно для этой цели, – сказал Вильке. – Но не могу похвастать успехами. А вы?

– Я лишь навожу справки и наблюдаю, герр Вильке. И пришел к выводу, что вам будет сложно выполнить вашу задачу.

– С чего такое мнение?

– А с того, что база у красных партизан здесь отличная. Все мероприятия местного фельдгестапо малоэффективны. Партизанские отряды мобильные и быстро меняют место дислокации. Кроме того у них отличная агентура в городе. А в Ровно, где такое количество штабов и служб можно добывать полезные сведения для красных.

– В этом вы правы, герр Лайдеюсер.

– И каковы успехи вашей службы по поимке вражеской агентуры?

– А «успехи» местной абверкоманды, герр Лайдеюсер? Они больше чем «успехи» СД?

– Нет. Недавно в машину начальника Абверштелле-Ровно капитана Паульзена некто бросил гранату. Причем человека этого не поймали. В итоге погиб офицер Абвера и уничто-

жены все документы, что находились в его портфеле.

– Об этом инциденте я слышал, герр Лайдеюсер. И что там были за документы? – спросил Вильке.

– Данные о военнопленных, отобранных для абвершкол. Результат трехмесячной работы, герр Вильке. И я думаю, что это покушение не случайное.

– Я принимал участие в расследовании смерти капитана Паульзена. И есть версия, герр Лайдеюсер, что на этот раз дело совсем не касается разведки и политики.

Лайдеюсер усмехнулся. Он слышал версию местного гестапо, что убийство офицера произошло из-за женщины. Это выдавали за месть ревнивого поклонника из местных националистов.

– Им выгодно подать это в таком свете, – сказал Лайдеюсер.

– Согласен с вами. У местного начальника гестапо и так слишком много провалов. Недавно партизаны уложили начальника вспомогательной полиции Ровно и его заместителя. И вот убийство капитана Паульзена из Абверштелле.

– А еще побег военнопленных из местного лагеря.

– Массовый побег. Также организован партизанами. И помимо всего прочего, из здания администрации лагеря похищены две печатные машинки с немецким и украинским шрифтами. На это наши внимания не обратили. Но я сразу понял к чему это.

– Фальшивые документы, – согласился Лайдеюсер. – Как

я слышал, они настоящие матера подделок. И печати и подписи как настоящие.

– Даже лучше настоящих. И делают они это не в Москве, герр Лайдеюсер. А здесь в своих лесах! Отпускные свидетельства, пропуска, направления на работы, освобождения от работ.

– Потому я и предлагаю вам помощь, герр Вильке.

– В борьбе с партизанами и диверсантами?

– Да. И в этом также.

– У вас есть для этого возможности?

– Да, – ответил Лайдеюсер.

– С вами много людей?

– Нет. Но эти люди знают свое дело. Но и мне нужна помощь СД, герр штурмбаннфюрер. Неофициальная помощь. Я не хочу впутывать в дело высокое начальство. Мне не нужно чтобы мне мешали.

– Я вас понял, герр Лайдеюсер. Вы посвятите меня в свой план?

– Конечно. Как же без этого, герр Вильке. Я намерен бороться с советскими партизанами руками украинских партизан.

– Вот как? И мои планы были такими же, герр Лайдеюсер.

– Я слышал про Зелёный бор, герр Вильке.

– Я подготовил отличную провокацию. Но меня опередили партизаны.

Лайдеюсер понимающе кивнул головой и сказал:

– Местные ОУНовцы уже и сами вышли на гаулейтера Коха. Даже он начинает понимать, что эти силы можно использовать.

– В последнее время Кох благоволит к АКовцам. Он провоцирует конфликты поляков с украинцами. Они стали активно резать друг друга.

– Но я хочу направить силы ООН и УПА против большевиков, герр Вильке. И для этого мне нужна информация о подразделениях УПА.

– Ваши агенты уже работают?

– Да. Один среди отряда под названием «Перша варта».

– Вот как? – удивился Вильке. – Так скоро?

– Я же сказал, что привез с собой профессионалов.

– Это ваша единственная цель, герр Лайдеюсер?

– Вы догадливы, штурмбаннфюрер. Конечно, есть еще.

– И что это?

Лайдеюсер ответил:

– Мне нужен красный резидент. Тот самый, что прибыл в город совсем недавно.

– А вы уверены, что в город кто-то прибыл?

– Уверен. Красные сейчас активизировали свою деятельность в области агентурной разведки. Они используют нашу же тактику 1941 года. Поэтому на мне форма капитана медицинской службы, герр штурмбаннфюрер. Кстати сегодня днем на улице мое внимание привлек один офицер.

– Офицер?

– Да. На нем был летний мундир и пилотка. А все наши офицеры в Ровно перешли на шинели и фуражки. Пилотки носят только на передовой, герр Вильке.

– Но если этот офицер только прибыл с передовой?

– Возможно. Но возможно, что это был агент большевиков. Хотя держался офицер – обер-лейтенант – уверенно и по виду настоящий немец.

– Это вы определили по лицу?

– Не только. Я задал ему вопрос, и мы недолго разговаривали. Его немецкий просто безупречен.

– Возможно потому, что он немец? – пошутил Вильке.

– Возможно, – серьезно ответил Лайдеюсер. – Но вы задумывались, герр Вильке, как они передают информацию?

– Из Ровно?

– Из Ровно к партизанам. А от партизан по рации в Москву. Ровно отделяет от отряда не менее чем сто километров. За сколько преодолет такое расстояние обычный курьер?

– За трое суток, если пути идут через лес.

– Думаю, что у них налажена система временных стоянок и смены курьеров. А это значит, что сведения они получают через двое суток.

– Пусть так. И что?

В коридоре прозвучала трель телефонного звонка.

– Кто это в такой час? – Вильке поднялся и пошел ответить на звонок...

* * *

Звонил со станции Здолбуново его помощник оберштурмфюрер Зергель.

– Герр штурмбаннфюрер?

– Вильке у аппарата!

– Это Зергель, герр штурмбаннфюрер!

– Я вас слушаю. Зергель. Что случилось?

– Совершенно нападение на нашу зондеркоманду у Кастополя. Убито четверо наших сотрудников из гестапо. Они были там по приказу оберфюрера.

– Немцы? – спросил Вильке, зная как его шеф относится к немецким потерям.

– Да, – ответил Зергель. – Пропали все бумаги, которые они везли с собой.

– Что за бумаги?

Зергель молчал.

– Что вы молчите, оберштурмфюрер?!

– Списки нашей агентуры в Здолбунове.

– Черт! – выругался Вильке. – Вы сейчас на месте?

– Так точно.

– Что удалось выяснить? Кто совершил нападение?

– Пока ничего непонятно. Но есть подозрения. Это Советские партизаны.

– А Зеленый бор?

– Там были советы.

– С чего такая уверенность, Зергель?

– Свидетели показали, что у них на шапках были красные звезды и говорили они по-русски.

– Что пан Казимеж Войцех?

– Убит.

– Как все это не ко времени.

– Что прикажете делать мне, герр Вильке?

– Возвращайтесь в Ровно, Зергель!

* * *

Вильке вернулся в комнату к Лайдеюсеру.

– Новое нападение партизан.

– Где?

– Станция Здолбуново.

– Кто?

– По всей видимости, красные партизаны. Слишком много нападений.

– А учитывая обстановку на фронте, их будет еще больше, герр Вильке.

– Что вы хотите сказать? Линия Пантера-Вотан⁴⁶ надежно прикрыта. Это барьер, который прикрывает Европу от большевизма.

---

⁴⁶ Линия Пантера-Вотан – Восточный вал, который гитлеровцы стали сооружать в августе 1943 года.

– Не стоит цитировать доктора Геббельса, герр Вильке. Наш «бег к Днепру»⁴⁷ прошел не слишком хорошо. Группа армий Манштейна отошла с большими потерями. У Манштейна для обороны Днепровского рубежа протяженностью 700 км есть в наличии 37 пехотных дивизий. А это означает, что на одну дивизию приходится полоса обороны шириной в 20 км. А вы знаете численный состав дивизий первого эшелона? Нет? Одна тысяча человек.

– Насколько я знаю им обещано скорое пополнение.

– Оно увеличит состав дивизий до 2-х тысяч человек. А при таком наличном составе стабильная оборона не может быть обеспечена даже за таким рубежом обороны как Днепр.

– Наши газеты говорят о провале воздушно-десантной операции⁴⁸ красных в конце сентября.

– Это, к сожалению, нашего положения не исправит. Красные уже захватили ряд плацдармов на правом берегу Днепра. И они переправили туда несколько армий.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать только то, что есть очевидность, для вся-

---

⁴⁷ Отступление немцев на правый берег Днепра.

⁴⁸ Днепровская воздушно-десантная операция началась 24 сентября 1943 года. Операция завершилась полным провалом. Из-за плохого знания пилотами местности первая волна десанта была сброшена на советские же позиции и, частично, в Днепр. Вторую же волну из 5000 десантников разбросало на площади в несколько десятков квадратных километров. Более того, из-за плохо проведенной разведки местности, не позволившей засечь механизированные части немцев, большая часть десанта, за неимением противотанкового оружия, была подавлена вскоре после высадки.

кого опытного офицера. Вермахт не удержит Восточный вал. И, боюсь, что нам в следующем году придется оставить Украину и дальше сокращать линию фронта.

– Уже в следующем году? Так скоро? – Вильке был настроен более оптимистично.

– Союзники СССР в начале 1944 года откроют Второй фронт. И в результате Германия получит полноценную войну на два фронта. А чем эта война завершится? Мне не нужно вам объяснять.

– Вы хотите сказать, что надежды нет?

– Есть. На сепаратный мир с Англией и США. Только так можно остановить большевиков!

Вильке ничего на это не сказал. Но Лайдеюсер знал, что штурмбаннфюрер все понял. Сепаратный мир возможен, только если в Германии больше не будет Адольфа Гитлера.

– Но вам, герр Вильке, нужно нанести удар по советским партизанам.

– И остановить рельсовую войну.

– Остановить? Это в наших условиях невозможно, но сократить наши потери от диверсий можно...

Глава 7

«Красная вдова»

Сарненские леса.

Отряд «Молот».

Октябрь 1943 год.

Гелена Вакульска прибыла в отряд «Молот», которым командовал полковник НКВД Трофим Стерненко, с опозданием на целую неделю. Дело в том, что летчик ошибся и произвел выброску группы не в нужном квадрате. Он принял за сигнальные огни, костры разведенные полицаями.

Группа сразу попала в ловушку и три человека погибли. Досталась немцам и рация. Выжила только Вакульска, которую ветром отнесло в сторону. Она смогла уйти от погони и добраться до первого перевалочного пункта у хутора «Красивый».

И вот она сидит перед командиром отряда и его комиссаром майором Лурье. Стерненко опоздание Вакульской не понравилось. Он получил точные указания и думал, что докладывать в шифровке начальству. Недавно его отряд «Молот» подчинили старшему майору госбезопасности Нольману из второго управления НКГБ. А над Нольманом стояли комиссар госбезопасности 2-го ранга Максимов и Генераль-

ный комиссар госбезопасности Берия⁴⁹.

– И вы сразу попали в засаду? – задал вопрос Стерненко.

– Да, – ответила девушка. – Мы прыгнули на огни. Условный сигнал был такой, как нужно. Но это оказались полицаи. Стерненко развернул карту и показал Вакульской.

– Вот здесь место вашей высадки. Здесь ждали вас наши люди. А вы где высадились? Можете показать?

Девушка посмотрела на карту и показала:

– Примерно в этом квадрате.

– В сорока километрах от цели. Как такое могло произойти?

– Я не знаю. Я не пилот, товарищ командир. Нам отдали приказ и мы прыгнули.

– И что было потом?

– Я прыгала последней, и меня отнесло в сторону.

– А что стало с вашими товарищами?

– Я услышала выстрелы. Это меня насторожило, и я отклонилась в сторону от маршрута.

– Тогда откуда вам известно, что все члены группы погибли? Возможно кто-то из них захвачен в плен.

– Я узнала про это случайно. В лесу я спрятала парашют и переделалась. Вышла к дороге в одежде крестьянки. И по пути встретила семью на телеге. Муж с нашивкой полицая,

---

⁴⁹ По статусу звание Генерального комиссара государственной безопасности соответствовало званию Маршал Советского Союза. Предшествующее более низкое звание: комиссар государственной безопасности 1-го ранга.

женщину и двух детей.

– И что?

– Я сказала, что иду с хутора Рудки в гости к своей сестре в село Ближнее.

– И что?

– Они взяли меня подвезти.

– Вот так просто?

– Я показала полицаю мой документ.

– И он не стал задавать вопросов?

– Нет. Даже сам рассказал мне, что ходить в лесу нынче опасно. Я спросила, что случилось, и он ответил. Отряд вспомогательной полиции уже несколько дней ждет красных диверсантов.

– Они сидели в засаде?

– Он сказал, что именно так.

– Дальше.

– Но два дня назад ночью они встретили диверсантов. Сказал, что их было трое и все при попытке задержания были убиты. Больше того они захватили рацию.

Лурье посмотрел на Стерненко. Тот спросил у Вакульской:

– И это все?

– Да. Потом я вышла к нашему связному, и тот проводил меня до вашего аванпоста.

– И это все? – снова задал вопрос командир.

– Да. Но вы меня в чем-то подозреваете, товарищи? Я ведь

назвала вам пароли и указала место, где спрятала мои документы и оружие. Пошлите туда людей и все подтвердится.

– Хорошо, Гелена. Вы можете идти отдыхать. Для вас подготовлено помещение.

Когда Вакульска ушла Стерненко спросил комиссара:

– Что скажешь?

– Нужно все проверить. И если группа погибла, то дело дрянь, командир.

Но Стерненко и сам это понимал.

– О нашей встрече знали немцы! Откуда?

– Утечка могла произойти откуда угодно. Может и из нашего отряда. Мы готовили костры и про это знали человек десять. Но сейчас даже не это главное, командир. А если эта Гелена не та за кого себя выдает?

– Я думал про это. Слишком её история спасения похожа на сказку.

Лурье согласился:

– И полицейай этот словоохотливый и телега. Не думаю, что это правда.

– Немецкая подсадка?

– Вполне вероятно. Но пока никто про это знать не должен...

* * *

Радиограммы:

«Общий Друг – Молоту.

Для выполнения особого задания в распоряжение отряда прибудет агент «Гелена». Необходимо приготовить встречу. После подготовки сообщить квадрат высадки и условный знак».

* * *

«Молот – Общему Другу.

Встречу подготовил. Квадрат приема XXXX. Условный сигнал XXXX. Место безопасное».

* * *

«Общий Друг – Молоту.

Отправляю «Гелену»! Готовьте встречу».

* * *

«Молот – Общему Другу

К встрече готов. Жду «Гелену» в назначенном месте».

* * *

Общий Друг – Молоту.

О прибытии «Гелены» доложите!»

* * *

«Молот – Общему Другу

«Гелена» не прибыла. В назначенном месте самолета не было».

* * *

«Общий Друг – Молоту.

Выброска группы произведена. Продолжайте поиски. По результатам доложить!»

* * *

«Молот – Общему Другу.

Гелена прибыла в отряд. Остальные члены группы по предварительной информации погибли. Рация захвачена немцами. Гелена сообщила, что смогла выжить и уйти от погони. Добралась через наш запасной канал Мельника».

* * *

Стерненко отправил за документами Гелены пять развед-

чиков. Люди надежные и многократно проверенные. Местность знали как свой карман и потому эта операция не была из разряда сложных. Но обратно спустя семь дней вернулся только командир группы лейтенант Щербаков. Он был легко ранен.

Пакет Гелены он принес.

– Задание выполнено, товарищ полковник. Вот то что мне показано было доставить.

Стерненко передал непромокаемый пакет Лурье и тот стал доставать документы.

– Как могло это случиться? Ты потерял лучших разведчиков, Щербаков.

– Случайность, товарищ полковник.

– Докладывай.

– У села Рудки нарвались на сильный полицейский отряд.

– Рудки? – поднял голову Лурье. – Да там всегда стоял десяток полицаев из местных. Они нас никогда не трогали. Своей тени боялись.

– Вот и мы так думали. Немного расслабились. Никто не ждал полуроты немецкой фельдполиции с пулеметами.

– Фельдполиция? – Стерненко посмотрел на Лурье. – С чего им присылать в ту глухомань фельдполицию?

– Вывод напрашивается сам собой, – сказал Лурье, а затем повернулся у Щербакову. – И как ты ушел?

– Мы дали бой. Затем стали отходить к болотам. Там можно всегда оторваться. Но путь был прегражден. В засаде был

отряд.

– Чей?

– Я не понял толком. Но работало два пулемета МГ42. Они нас ждали. Пришлось оставить Степаненко и Носова прикрывать. По-другому было никому не уйти.

– Дальше, – сказал Стерненко.

– Немцы не отвязывались. И у второго секрета пришлось дать бой. Но боеприпасов у нас было всего ничего. И Романова ранило в ногу. Идти он не мог. Я оставил ему свой «Дегтярь»⁵⁰ и гранаты. Но патронов у него было всего полдиска. Потом мы услышали взрыв. Романыч никогда им бы не сдался.

– А Иванов?

– Нам пришлось сделать крюк, – объяснил Щербаков. – Нельзя было немцев к нам вести. Углубились на территорию АКовцев.

– И что?

– Напоролись на отряд человек в десять.

– Зачем вступили в бой? – спросил Лурье.

– А что нам оставалось? АКовцы окрыли огонь. Но это не немцы. Мы положили с Ивановым восьмерых. Оставшиеся драпанули.

– И что Иванов?

– Мы решили немного напустить страху на АКовцев и взять штурмом село Карачун. Там у АКовцев база.

---

⁵⁰ Ручной пулемет Дягтерева.

Лурье удивился:

– Это как? Без патронов?

– Патронов у нас уже в достатке было, комиссар. У убитых АКовцев разжились. Да и два трофейных немецких МП 40 я приволок в отряд.

– Дальше говори, – приказал Стерненко.

– Подобрались ночью и разведали обстановку.

– Вдвоем?

– Дак а чего? Это же не немцы и не УПА.

– Щербаков! – строго сказал Стерненко. – У тебя был приказ доставить документы! Какого черта ты полез в Карачун?

– Злость меня взяла, товарищ полковник. Мы столько боев выдержали с немцами, а АКовцы по нам из автоматов. Подумал, заставим их помнить нас.

– Заставили?

– Да мы ночью в селе еще больше десятка АКовцев положили. Но и нас поранило с Ивановым. Но меня легко три раза зацепило. А вот Иванов помер в пути, товарищ полковник. Я его схоронил. Камнями заложил. Место помню. Потом могилу настоящую сладим.

– Иди, Щербаков! Лечись!

– Есть, товарищ полковник...

* * *

– Что скажешь, командир? – спросил майор Лурье.

– А чего сказать? Щербаков конечно дурак, но вояка справный. А от Иванова иного я и не ждал, майор. Вечная ему память.

– Я про засаду говорю.

– Документы правильные, майор. Вот и фотография Гелены нашей. Это она самая и есть, кого к нам Нольман прислал. Убедились что не подставка из Абвера.

– Но откуда они узнали, что группа Щербакова там будет? Из отряда сведения даже если шпион среди нас, никто передать не успел бы. Сразу после прихода Гелены Щербаков с разведчиками выдвинулся в заданный квадрат.

– Не знаю, майор. Нет у меня ответа на этот вопрос.

– А если она все же не та за кого себя выдает?

– А фотография?

– Немцы подложить могли что угодно! Если Гелена эта от них, то чего нам верить её документам?

– Я сегодня шифровку составлю Общему Другу. Будем ждать подтверждения.

* * *

Ровно.

Канцелярия генерального комиссара Шёне.

Октябрь 1943 год.

Фройлен Ева Шрат, выпускница спецкурсов в Берлине, получила место одного из секретарей при канцелярии гене-

рального комиссара Эриха Шёне в Ровно. Адъютант Шёне майор фон Ранке получил приказ встретить фройлен Шрат и ввести в курс дела. Но девушка в назначенный срок не прибыла.

Фон Ранке позвонил своему приятелю в фелдъгестапо.

– Клаус? Это фон Ранке.

– Вилли? Рад тебя слышать. Почему не приходишь в казино?

– Много работы. Ты знаешь моего шефа. Я вынужден ночевать в его приемной. У меня к тебе дело, Клаус.

– Говори.

– К нам должна была прибыть из Германии фройлен Шрат. Я лично встречал ее, но она не приехала. У вас по сводкам ничего нет по этому поводу?

– Фройлен Шрат?

– Да. Ева Шрат из Берлина.

– Ничего такого нет. Поезд на станцию Здолбуново прибыл без опозданий. К нам выехало со станции на авто пять офицеров и 8 женщин из вспомогательной службы связи. Но все они уже в Ровно. Никаких происшествий.

– Странно.

– А эта фройлен не могла опоздать или не сесть в поезд? Может обстоятельства изменились?

– Нет. Мне телеграфировали из Берлина, что Шрат будет вовремя. Ничего не могу понять.

– Тогда тебе стоит телеграфировать в Берлин и задать этот

вопрос.

– Так и сделаю.

– Сегодня будешь в казино?

– Постараюсь. А что фройлен Лида? Все еще поет?

– И не только поет, Вилли...

* * *

Фон Ранке послал запрос в Берлин. Ему прислали ответ через два дня: «Ева Шрат выехала из Берлина к месту службы в город Ровно».

Майор уже думал доложить об инциденте генеральному комиссару, но следующим утром в приемную вошла молодая стройная девушка в однобортном кителе с серебряным кантом на воротнике. На голове пилотка с орлом, но без «мертвой головы».

– Господин майор фон Ранке? – спросила она.

– Это я, фройлен. С кем имею честь говорить?

– Кригсхельферин⁵¹ Шрат. Ева Шрат.

Она протянула ему свои документы.

– Фройлен Шрат? – адъютант генерального комиссара майор фон Ранке просмотрел документы Евы.

– Ева Шрат.

– Мы ждали вас еще несколько дней назад.

---

⁵¹ Кригсхельферинен – женские вспомогательные подразделения СС.

– Я опоздала, герр майор.

– А причина вашего опоздания?

– Травма, герр майор.

– Вот как?

– Я упала после выхода на перрон на станции Здолбуново и мне помогли добраться до санитарного пункта. Местный врач подозревал перелом. Пришлось задержаться. Меня быстро доставили в госпиталь для солдат и там, уже немецкий врач подполковник Рихман, сказал, что перелома нет, но есть растяжение и ушиб.

Ева протянула справку из военного госпиталя в Здолбунове. На документе была печать и подпись подполковника медслужбы Рихмана.

– Но теперь с вами все в порядке, фройлен Шрат?

– Мази подполковника Рихмана сделали настоящее чудо, герр майор. И я готова приступить к своим служебным обязанностям.

– Я рад, что все обошлось, фройлен Шрат. Мне очень нужна ваша помощь. Вы ведь имеете представление о делопроизводстве?

– Так точно, герр майор.

– И печатаете на машинке?

– Так точно, герр фон Ранке.

– И, как нам обещали, владеете славянскими языками?

– Русским, украинским и польским.

– Отлично. Это как раз то, что нужно. А то много времени

приходится тратить на перевод и отдавать в печать в другой отдел. А это время, фройлен Шрат, которого как всегда не хватает...

* * *

Ровно.

Конспиративная квартира Антиквара.

Октябрь 1943 год.

Внедренный агент НКГБ с прозвищем «Антиквар» работал в Ровно уже давно. Он не связан с группой полковника Медведева и с отрядом «Победители». Это была отдельная сеть, которую курировал комиссар госбезопасности 2-го ранга Максимов из 2-го отдела НКГБ.

«Антиквар» был человек оборотистый и легко заводил торговые связи. С деньгами и золотом у него проблем не было. Широко скупал продукты у крестьян, принимал в городе золото и разные ценные вещи. Скупал у полицаев награбленное барахло. Закупал у самогонщиков их товар и менял его при помощи своих «торговых представителей».

Антиквар опутал своими «сетями» Ровно, Сарны и Здолбуново. С местным подпольем он связан не был. Люди Судоплатова в Ровно про него не знали.

Радист ровенской группы Антиквара сидел в Здолбуново и в Ровно никогда не появлялся. Работал осторожно под самым носом у немцев.

Комиссар Максимов сказал Нольману перед заброской Костиной:

– Взвешивай каждый шаг, Иван Артурович!

– Я так делаю всегда, Владимир Иванович.

– Не о тебе речь. Я про лейтенанта Костину.

– Она отлично справится.

– Группа Антиквара работает четко и за все время ни одного провала. Я особенно ценю этого человека. Антиквар передает нам важнейшую информацию, и заменить его некем.

– Сколько человек в его группе?

– Двадцать семь включая и тех, кто в Ровно, и тех, кто в Здолбунове. В Здолбуновской группе это и рабочие на станции, и мастера по ремонту подвижного состава. Люди Антиквара есть на важнейших участках работы железнодорожного узла. Именно благодаря Здолбуновской группе мы своевременно узнали о переброске войск в район Белой Церкви и Винницы.

Нольман хорошо это знал.

– Я помню донесение группы о вагонах с цементом и бетонными колпаками для пулемётных амбразур.

– И в распоряжении Антиквара находится особая группа.

– Костина не будет знать всего, Владимир Иванович. Только то, что касается её задания. В работу Антиквара она вмешиваться не станет.

* * *

«Общий Друг – Антиквару.

Для выполнения особого задания в распоряжение группы
прибудет агент «Панночка». Необходимо приготовить усло-
вия».

* * *

«Антиквар – Общему Другу.

Условия готовлю. Примем в центре и безопасность обес-
печим»

* * *

«Общий Друг – Антиквару.

Отправляю «Панночку»! Готовь встречу».

* * *

Антиквар – Общему Другу

К встрече готов. Жду «Панночку» в назначенном месте».

Комиссионный магазин на Фридрихштрассе был популярен в среде немецкого офицерства из Ровенских служб и разных дельцов, что во множестве прибывали сюда из Германии и Венгрии. Хозяин его коммерсант пан Гнатюк имел филиалы своего бизнеса во многих городах и торговых представителей в уездах.

Молодая девушка Анна Гончаренко вошла в комиссионный магазин Остапа Гнатюка. Приятно звякнул дверной колокольчик. В этот час в магазине был только сам Гнатюк. Персонал обычно отправлялся обедать.

– Чем могу служить, панночка? – услужливо осведомился хозяин магазина у молодой девушки.

– Мне нужно купить добротное женское пальто для моей сестры.

– Она такая же красотка, как и вы, панночка? Так у Гнатюка есть все что нужно. И цены у меня лучше, чем у других. Сколько лет вашей сестре?

– 12.

– У меня есть отличное почти новое пальто для девочки-подростка.

– Мне нужно пальто серого или черного цвета.

– Именно такое у меня есть, панночка. Но отдать ему могу только за рейсмарки.

– Но у меня только оккупационные, пан продавец.

– Оккупационные бумажки слишком быстро в наше время теряют цену, панночка.

– Скоро в цене будут иные деньги, пан Гнатюк.

Гнатюк, услышав эти слова, окончательно убедился, что перед ним именно она – «Панночка» которую ему рекомендовал Общий Друг.

– Ну, слава богу! Я жду вас уже несколько дней. Даже отправил человека к «Молоту».

– Я в порядке. Произошла накладка и при отправке.

– Мне приказано разместить вас в Ровно.

– Помещение для меня готово?

– Да. Как меня и просил наш общий друг. Но я признаюсь, не ждал, что вы так молоды.

– У меня большой опыт. Что ваша группа?

– Никаких накладок нет. Торговля у меня крупная. Многие немецкие офицеры заходят. Я достаю редкий товар.

– Редкий?

– У немцев разные вкусы. Одному нужен редкий сервиз китайского фарфора, другому иконы, третьему книги или картины.

– Книги?

– Неделю назад я достал одному полковнику первое издание Карамзина. Даже сам начальник гестапо оберфюрер Генрих Танцман среди моих клиентов.

– И чем же он интересуется?

– Золотыми монетами. Его страсть – нумизматика. Так что дело мое поставлено на широкую ногу.

– Что рация?

– В моей группе имеется на конспиративной квартире.

– В Ровно?

– Нет. В Здолбуново. Там половина моей команды. Станция Здолбуново наше основное направление. В Ровно немцы пригнали в последний месяц десяток машин-пеленгаторов.

– Где квартира, что вы мне нашли?

– В центре города. Останетесь довольны.

– В центре?

– Не беспокойтесь. Господин Янкевич из городской управы сидит на распределении жилья. Он мой клиент и он тайно работает на гестапо. Для меня квартирку он нашел «чистую». Беспокоиться не нужно.

– Как вы меня ему представили?

– Янкевичу? Сказал, что скоро в Ровно приедет моя племянница. Но вы за Янкевича не переживайте. Он слишком мне обязан и во многом от меня зависит. Совать нос в мои дела не станет. Это ведь именно через него я смог достать так необходимый Молоту набор слесарных инструментов для ремонта оружия. Знал бы он, что набор прямо из моего магазина отправился к партизанам. Вот смеху то было бы.

– Ничего смешного в этом не нахожу, Антиквар.

– Пан Остап. Так лучше называть меня, пани Анна.

– У вас налажена связь с Луцком?

– Как и приказывал Общий друг. Я наладил эстафету.

– Кто у вас там?

– Свой человек в тамошнем гебиткомиссариате. И журналист в Луцкой газете «Украинское слово».

– А в Ровно связи вашей группы?

– Мы работаем автономно.

– Без всякой связи с местным подпольем?

– Местные группы Новака о моей группе не знают. В курсе только полковник Медведев и его первый помощник. Наши группы работают по разным направлениям и единой цепью не связаны. Разобщенность диктуется конспирацией. Даже мои люди в Здолбуново часто не знают моих людей в Ровно. Только связников.

– А Ликвидатор?

– Ликвидатор в подчинении у Молота. Больше его не знает никто. И вы его знать не будете, пани Анна.

– Я не стану лезть не в свое дело. Но мне может понадобиться помощь Ликвидатора.

– Если понадобится, то обратитесь ко мне. Я передам все Молоту. А уже он отдаст приказ Ликвидатору.

Гнатюк достал из-под прилавка небольшой чемодан.

– Это приготовлено для вас.

– Что это?

– Вещи. Платья. Кофты. Туфли. Все что может понадобиться барышне.

– Зачем?

– Вы должны интересоваться вещами и выглядеть красивой модницей. Так я отрекомендовал свою племянницу. И помимо всего прочего так к вам сможет заходить наша связанная Мария. Она швея и перешивает вещи. Работает на дому. Клиентов в городе у неё больше сотни. Большой специалист по дамскому гардеробу.

Анна взяла чемодан. Гнатюк лично взялся её проводить. Как никак «племянница»...

* * *

Ровно.

Октябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Вильке посмотрел отчеты по диверсионной группе русских в Здолбунове. Станция Здолбуново имела большое стратегическое значение. Это был крупный железнодорожный узел, который связывал Германию с Восточным фронтом. Через Здолбуново проходило большое количество и эшелонов из Германии и Чехословакии.

Понятно, что у красной контрразведки такой узел связи не мог остаться без внимания.

Вильке вызвал Зергеля.

– Герр оберштурмфюрер, что у вас за бардак в документах? Я уже почти час потратил на дела о диверсиях. Но разве здесь можно хоть что-то понять.

– Ваш предшественник, убитый террористами, много внимания уделял Здолбуновской группе, но до конца вникнуть так и не сумел.

– А вы?

– Я мало работал по Здолбунову, герр штурмбаннфюрер. У меня хватает дел в Ровно. В Здолбунове есть отделение фельдгестапо и полиция. И они справляются со своей работой. Месяц назад именно на станции Здолбуново обнаружены группы саботажников в депо и на железнодорожном складе. Все саботажники были повешены для устрашения.

– А где отчет об этом?

– Его еще не прислали.

– Почему?

– После убийства вашего предшественника, герр штурмбаннфюрер, нам было не до того.

– Черт знает что! Зергель, у меня просто рук не хватает. Я должен браться за всё сам.

– Виноват, герр штурмбаннфюрер.

– Ладно. Хвати о прошлом! У меня есть план Зергель. И натолкнул меня на него тот человек, которого неделю назад вязли ваши люди.

– Связной большевиков?

– Да.

– Но он ничего не сказал, герр штурмбаннфюрер. А допрашивали его крепко.

– Он мало что сказал, ибо он простой «конверт», Зергель.

Таких они используют для эстафеты. Он берет сообщение в точке А и относит в точку Б. Вот и вся задача «конверта».

– И если он попадает к нам, что и произошло, то ничего сказать не может? – спросил Зергель.

– Именно. Но в нашем случае «конверт» все же дал важную наводку.

– Какую же, герр штурмбаннфюрер?

– Партизанскому отряду нужны врачебные инструменты. Им некогда ждать, когда пришлют из Москвы. Это долго. И они поручили отыскать такой набор здесь в Ровно.

– Набор?

– Хирургический набор, Зергель. И я лично достал медицинские инструменты в отличном состоянии.

– Вы достали?

Зергель не понял Вильке.

– Именно я.

– И как же вы собираетесь его передать, герр штурмбаннфюрер?

– Через комиссионный магазин.

– В Ровно их 17 штук, герр штурмбаннфюрер.

– Через самый популярный и самый богатый, Зергель.

– Это магазин господина Гнатюка? На Фридрих-штарасе?

– Он самый, Зергель.

– Но разве красный агент придет к Гнатюку?

– А почему нет?

– Но Гнатюк пользуется полным доверием германских властей.

– Именно поэтому, Зергель.

– И как вы передали господину Гнатюку инструменты?

– Их предложил ему наш агент. Якобы достал по случаю отличный медицинский набор. Предложил Гнатюку. И тот сразу его купил.

– Гнатюк может достать все. Сам оберфюрер Танцман при всех своих связях не может достать того, что может Гнатюк.

– Вот это и кажется мне подозрительным, Зергель.

– Вы подозреваете, Гнатюка? Но его проверяли уже десять раз.

– И что?

– Он коммерсант! И один из самых оборотистых.

– И чем же это мешает ему работать на большевиков?

– Я совсем не понимаю вас, герр штурмбаннфюрер. Таки-ми темпами мы никогда и никого не поймаем.

– Ваша задача, Зергель, следить за магазином. И за нашей наживкой.

– Мне вызвать Гнатюка в гестапо и сказать ему, что он должен делать...

– Нет! – вскричал Вильке. – Это делать я запрещаю. Категорически! Гнатюк ничего не должен знать о приманке – медицинском наборе. И я должен сразу узнать, кто его купил! Сразу. И запомните, Зергель, никого арестовывать не нужно! Никаких разговоров о моем плане ни с кем! Это знаю я,

и знаете вы.

– А мой агент? Тот, что будет следить за наживкой?

– Он должен узнать только одно – кто купит набор и как его найти. Ничего иного агенту сообщать нельзя! Вы меня поняли, Зергель?

– Так точно, герр штурмбаннфюрер!

Глава 8

В стане врага

Группа УПА-Север.

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

Сотенный Ястреб.

Владислав Коваленко (в сотне его прозвали Коваль) уже месяц был шеренговым в сотне «Варта», которой командовал Дмитро Карпенко или сотенный Ястреб. Боевой выход сотня совершила только один раз. Это был бой против АКовцев. Они провели его быстро, и слаженные действия подразделений помогли полностью разгромить большое подразделение Армии Крайовой в Сарненском лесу.

Затем Ястребу было приказано из штаба УПА-Север временно прекратить активные боевые действия и заниматься подготовкой новых бойцов. Все действия и против немцев, и против АК, и против советов откладывались.

Офицеры и младшие командиры сотни потребовали от Ястреба разъяснений.

– Что происходит? Как в такое время отстраняться от войны? – спросил хорунжий Сом.

– Верно, друже Сом! Для чего нас позвали воевать? Что мне солдатам сказать?

– Твоих солдат нужно к боям еще подготовить, – ответил за сотенного поручик Грицай. – Стрелять никто не умеет!

– А ты патронов нам дал? Как мне их учить если ты желеешь боеприпасы?

– Да ты их винтовку в руках сначала держать научи!

– Хватит! – вмешался в спор Ястреб. – Оставаться на месте и не покидать расположение это приказ куренного! И нарушить его мы не можем! В прошлый раз генерал-хорунжий простил нас в последний раз за самоуправство.

– И что? Будем сидеть и ждать?

– Сидеть и ждать! Но поручик сказал верно – многие наши солдаты стрелять не умеют. Да что там стрелять – винтовку зарядить не могут. Устройства пулемета мало кто знает. И дело для всех найдется в лагере. Я составил расписание занятий для всех взводов. Строевая, теория, огневая и тактика. Все понятно?

– Так точно, друже сотенный!

– Тогда все по местам! Совещание закончено. Сом!

– Я, друже сотенный!

– Пришли мне шеренгового Ковалья. У меня есть дело к нему).

– Коваль, хоть и новенький, но дело понимает.

– Вот и поручим ему наших хлопцев из молодых учить.

Коваленко явился в землянку сотенного.

– Друже сотенный. Шеренговый Коваль!

– Садись, Коваленко, рядом со мной. Поговорить с тобой

желаю.

– О чем, друже?

– Ты розумна людина, Коваль.

– Это плохо?

– Це добре. Але хто ты такий?

– Я уже говорил это...

– Я помню, что ты говорил, Коваль. Я не о том спросил тебя. Чего ты хочешь?

– Воевать с немцами.

– А после того как немцы уйдут с нашей земли? Что потом?

– Для начала нужно сделать так, чтобы они ушли.

– Хитришь, Коваль. Не хочешь отвечать на вопрос. Я ведь тоже в Красной Армии служил. И знаю, что говорят про это комиссары. Интернационал и свобода для трудящихся. Но что они принесли Украине?

– А что несут Украине немцы?

– Да что ты заладил! Немцы и немцы. Я про советов спрашиваю. Что они принесли Украине? И главное, что они принесут?

– А чего ты хочешь для Украины, сотенный?

– Свободы! – сразу ответил Ястреб.

– Это вещь относительная.

– Нет! Это слова советского комиссара. О том, что свобода это необходимость. Нет.

– А что она, по-твоему, сотник Ястреб?

– Право выбирать самому. А вот ни немцы ни советы нам того права не дадут. Они хотят, чтобы мы приняли их точку зрения или они сразу объявят нас врагами. Скажи мне, почему у советов нельзя высказать свое мнение, если оно отличается от мнения большевиков?

– Идет война и...

– Да разве когда войны не было, у вас по-другому все происходило?

– А ты сам читал местные украинские газеты, сотник?

– Читал и что?

Коваль процитировал слова из давней статьи Олены Музыки:

– «Мы ни перед чем не остановимся! Наша власть будет страшной! Горе тем, кто дал одурманить себя большевистской пропагандой. Горе тем, кто утратил национальное чувство! По их телам пройдем мы к своей великой цели! Нация рождается с крови и огне!»

– И что? – спросил Ястреб.

– Это и есть та самая свобода, про которую ты только что говорил?

– Так это же простая пропаганда! Чего к словам цепляться?

– Это не просто слова, друже. Это план вашей организации. Так что той самой свободы нет нигде. Сотник. Ни у немцев, ни у большевиков, ни у вас!

– Хорошо! Потом договорим про это. Но ты только при

хлопцах чего такого не ляпни, Коваль.

– Не дурак.

– Ты друже, хорошо знаешь устройство пулеметов?

– И русских, и немецких, и английских.

– Вот и поделись с вояками своими знаниями.

– Но я рядовой, друже сотенный.

– И что с того?

– Но ты разве, друже сотенный, знаешь пулемет хуже моего?

– Я один здесь имею военное образование, друже. Теперь нас двое. Иди и выполняй приказ, друже Коваль!

* * *

Хорунжий Сом собрал самых сообразительных хлопцев, дабы учились у Ковалья. Их было 32 человека. Коваль рассказывал им об оружии немецкой и Красной Армии. Они рассмотрели винтовки Маузера и Мосина. Провели несколько занятий по автоматическому оружию. В отряде были автоматы МП немецкого производства и советские ППШ.

Коваль показал ППШ солдатам. Но многие среди бойцов Варты хорошо знали это оружие.

– Дрянь автомат, – сказал кто-то.

– Что вы сказали, шеренговый? – спросил Коваль.

– А чего? Оружие неудобное.

Его поддержали:

– Верно говорит. Диск с патронами никуда!

– В бою постоянно отказывает! Я вот, когда мы на немцев с сотником напали на станции, жму на спуск. А патрон заклинило!

– Мы тогда немецкие автоматы захватили на станции. Пять ящиков. Это совсем иное дело!

Коваль возразил:

– Но магазин немецкого МП-40 вмещает меньше патронов.

Ему ответили бойцы:

– И что? Патронов можно в карманы набрать. Снаряжать немецкий магазин легко. Это не то, что диск от ППШ.

Коваль согласился, но сказал:

– Однако дальность прицельного выстрела у МП-40 совсем невелика. Отбежал от тебя враг на 50 метров, и ты в него уже не попадешь, а из ППШ можно и со ста метров врага уложить⁵².

Через неделю Коваль решил перейти к главному – к пулемету. Вояки сидели на стволе поваленного дерева, и смотрели на инструктора, перед которым поставили ручной пулемет.

Коваль спросил:

– Знаете что это такое?

---

⁵² Подобные отзывы о достоинствах и недостатках автоматического оружия приводит в своей книге Артем Драбкин «Я ходил за линию фронта» (откровения войсковых разведчиков).

– Пулемет!

– Это не просто пулемет, а ручной пулемет системы Дягтерёва. Знает ли кто устройство этого ручного пулемета?

Никто этого не знал.

Коваль быстро разобрал его и разложил части перед собой.

– Я произвел неполную разборку ручного пулемета. Этот пулемет состоит из 68 деталей без магазина. Вот перед вами его основные детали. Сменный ствол с пламегасителем и газовой камерой. Ствольная коробка с прицельным устройством. Цилиндрический кожух ствола с мушкой и направляющей трубкой. Затвор с ударником. Затворная рама и шток поршня. Возвратно-боевая пружина. Спусковая рама с прикладом. Дисковый магазин. Складные сошки.

Вчерашние крестьяне смотрели на детали.

– Достоинства этого пулемета – он прост в использовании. Каждый может его освоить быстро. Кучность при стрельбе неплохая. Рассеивание на дальности 100 метров оставляет 170 мм по ширине и высоте. Но на 800 метрах уже 1600 мм по высоте и 1250 мм по ширине.

– А немецкий ручной пулемет лучше этого? – спросил один из вояк.

– Много лучше, – сказал Коваль. – Дисковый магазин «Дягтерева» создает при переноске неудобства. Ослабление пружины может привести к тому, что в магазине останутся последние патроны. Из-за этого магазин приходится не сна-

рять полностью. В немецком МГ-42 лента на 250 патронов. Скорострельность выше, дальность стрельбы больше.

К Ковалю подошел вестовой:

– Друже Коваль, вас хочет видеть сотенный.

– Сейчас?

– Срочно! Приказал явиться к нему сразу.

Коваль посмотрел на высокого молодого парня из числа своих слушателей.

– Шеренговый Тополь!

– Здесь.

– Приказываю вам собрать пулемет, пока меня нет.

– Слушаю, друже Коваль...

* * *

Коваль зашел в землянку Ястреба.

– Заходи друг, У меня для тебя важное поручение.

– Что-то случилось, друже сотенный?

– Олена Музыка пропала, – сказал Ястреб.

– Как пропала?

– Была на хуторе Вишневый. Собирала материал для новой статьи. И пропала.

– Но что значит пропала?

– А то и значит, что похитили Олену. Люди, приставленные к ней, были в соседней хате. Сама Олена велела им ночевать там. Утром они зашли в хату, где она ночевала, а там

никого.

– И что это значит?

– Они подумали, что она сама ушла по какой-то надобности, но вскоре вынуждены были бежать из Вишневого.

– Почему?

– АКовцы вошли на хутор. Большой отряд, – коротко ответил сотенный. – Давно пан Шаинский зуб точил на Олену.

– А кто это такой?

– Шаинский? В прошлом капитан польской армии. Ныне командир отряда АК.

– И какое ему дело до Олены? Она не солдат.

– Она пишет статьи, которые не нравятся полякам. Они уже дважды пытались захватить Олену. Но им не удавалось. И вот удалось.

– А если это не АКовцы? А советские партизаны?

– Нет. Советам нет дела до Олены. С такими врагами своей власти они станут разбираться потом, когда придут сюда. Это АКовцы. И Олену нужно срочно вытягивать.

– И ты знаешь, где она сейчас, друже сотенный.

– Наверное, на хуторе Вишневый.

– Но точно ты не знаешь?

– Точно не знаю.

– Так нужно людей послать. Проверить.

– Нам приказано с места не сниматься. Вот и задумал я отправить тебя. Ты человек у нас новый. И, главное, тебя поляки не знают.

– Я готов, – сразу согласился Коваль.

– Готов рисковать ради неё?

– А почему нет?

– Нравится она тебе? – вдруг спросил Ястреб.

– Красивая, – ответил Коваль.

– Ты женат?

– Нет.

– Я скажу тебе правду, друже Коваль. И мне она нравится.

Я с такой как Олена, готов был бы к попу под венец.

– А она?

– Не знаю. Не спросил еще. Но хватит про это. Я хорошо снаряжу тебя в дорогу. Отправишься на хутор Вишневый и там узнаешь, кто и как захватил Олену.

– Узнаю у кого?

– С людьми говорить станешь. У меня выходов на тамошних людей нет, друже Коваль. Потому и посылаю тебя.

– Но если я узнаю, где она, то как мне вытаскивать Олену у отряда АК? Если она у них.

– Ты же имеешь полномочия от немцев? АКовцы пока раздражать немцев сильно не хотят.

– А если они уже расстреляли её?

– Нет. Шаинскому Олена нужна. Сразу он её не расстреляет.

– Нужна для чего?

– Для показательного суда. Но хватит говорить, друже. Времени у нас мало...

Хутор Вишнёвый.

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

Владислав Коваленко был доставлен к хутору Вишневый быстро. У Ястреба были связи с местными крестьянами и ему выделили лошадь с телегой и проводника.

Проводником оказался пасечник Тимофей, у которого на хуторе Вишневом жила сноха.

– Вышнэвый ни полякы, ни бандеривци не чыпають. Покрыцо не чыпають. А там як воно буде, хто зна.

– А почему не трогают? – спросил Коваль.

– Так там половина людей полякы, а половина наши. Тому и не чыпають.

– Но этот пан Шаинский ведь бывает на хуторе?

– А чого не буваты? В нього там коханка живэ. Мария. И та Мария дуже гарна краля.

– Полька?

– Маты полька. А батько наш – украинэць. Але тая Мария рымо-католичка. Той пан дуже лютий.

– Шаинский?

– Вин. Дуже помсты бажае, собачий сын.

– Мести? А кому?

– Дак бандэрици польске село спалылы де мати Шаин-

ского жила. Мати загинула та сестра пана молодша. Гарна була дивчина.

– Ты сказал, что село спалили бандеровцы?

– Вони.

– А ты вот служишь бандеровцам.

– Я? Кто вам такэ сказав? – Тимофей обернулся к Ковалю. – Сотенный Яструб хйба бандэривець? Вин у генерала Боровця служить. А люди Боровця не бандэривци. То справжни вояки УПА. Я ж батьку Боровця знаю давно.

– Самого генерал-хорунжего?

– А тоди вин и генералом ще не був.

– Это в 41-ом году?

– У 41-му році. Тоди нимци звидсиля бильшовыкив погналы. Дуже погано нам пид большевыками було. Мы думалы пид нимцямы буде краще.

Коваль (Лавров) знал, что в 1941 году Боровец со своими сподвижниками еще до прихода немцев захватил власть в Сарнах, обезоружив большевистских ополченцев. Затем он сформировал отряд «Полесская сечь», для очищения лесов на севере Волыни от остатков разгромленных частей Красной Армии. Немцы тогда вооружали его отряды и снабжали их всем необходимым. Но осенью 1941 года «сечь» была расформирована официальным приказом. Боровец увел отряд в леса, и выполнить приказ немецкого командования отказался.

– А зараз батько Боровец не дуже любляэ бандэривцив.

Хутор Вишневый был небольшой – не больше пятидесяти домов. Тимофей сказал Ковалю:

– А зараз, человичэ, тоби кращэ своїмы ногами до хутора доплентыся.

– Почему?

– А бачу звидсиля що ляхы на хутори. Не трэба щоб нас разом бачылы.

Тимофей показал Ковалю, как незаметно пробраться до хаты его родича. Но Владу не повезло. Он нарвался на польский секретный пост.

Два солдата в польской еще довоенной форме приказали ему остановиться.

– Zatrzymać! Kim jesteś? (Стой! Кто такой?)

Коваль понял, что глупо попался.

– Kim jesteś? (Кто такой?) – повторил вопрос поляк.

– Spokojna osoba. (Мирный человек).

– A czego tu chcesz, spokojny człowieku? (И что тебе здесь нужно, мирный человек?)

– Muszę się zobaczyć z Panem Shimanskim (Мне нужно видеть пана Шаинского), – сразу решил выбрать такой путь Коваль.

– Czy znasz Pan Captain? (Ты знаешь пана капитана?)

– Знаю.

– Czy Pan Captain cię zna? (А пан капитан тебя знает?)

– Нет, но нам стоит познакомиться.

Вскоре шеренговый Коваль (он же Роман Лавров) пред-

стал перед офицером среднего роста и плотного сложения. На вид Шаинскому было лет сорок. Для того кто долгое время жил в лесу и вел беспокойную жизнь партизана, польский капитан был слишком ухоженным.

Он посмотрел на Ковалю и сразу сказал:

– Здравствуй, пан жолнер (солдат).

– Почему пан капитан назвал меня солдатом?

– А пан разве не жолнер (солдат)? Ты, пан, тот, кого я ждал.

– Пан знает меня? – удивился Коваль.

– Лично мы не знакомы, но я ждал, что Ястреб пришлет кого-то. Ты ведь из банды Ястреба?

– С чего пан капитан так думает?

– А с того, что я знаю Ястреба и его страсть к этой писаке Олене Музыке. Ты ведь пришел сюда ради неё?

– Олена совсем не жолнер, пан капитан.

– То не правда, пан. Твоя Олена жолнер слова. А ныне слово тоже оружие. И сражается Олена Музыка против нас!

– Так это вы захватили Олену? Пан это признает?

– Я, – ответил Шаинский.

– Но разве это достойно солдата, пан капитан? Она женщина.

– Здесь вопросы задаю я, пан жолнер. Тебя захватили, и я знаю, что ты жолнер Ястреба. И ты ведь знаешь, как я поступаю с пленными бандитами УПА?

– Я действительно прислан Ястребом, но в его отряде я

совсем недавно.

– Тебя прислали за Оленой?

– Да. Но у меня есть и собственный интерес до пана капитана. Я не состою в ОУН.

– А кто же ты?

– Я человек из Абвера, пан капитан.

– Цо? – искренне удивился поляк.

– Я человек из Абвера. И я знаю, что пан связан с немцами в Ровно. В последнее время АК испытывает трудности. И некоторые силы со стороны Германии оказывают вам поддержку.

– И я должен вам верить, пан жолнер? – спросил Шаинский. – Вы пробирались на хутор тайком. Вас захватили мои люди, и вы плетете небылицы, чтобы сохранить свою жизнь.

– В сохранении моей жизни вы, пан Шаинский, заинтересованы даже больше чем я.

– А если я прикажу вас расстрелять? Кто про это узнает?

– Возможно никто. Но пан упустит шанс.

– Какой?

– Получить то, что нужно пану.

Коваль решил сыграть «ва-банк»:

– Пан Шаинский знает, что произошло 6-го ноября 1943 года?

– Красные взяли Киев.

– Именно, пан Шаинский. А это значит, что очень скоро красные будут здесь. Немцы отсюда уйдут. Рейх погибнет,

но империя большевиков станет еще более могущественной. В Сарненских лесах есть, как вояки УПА, так и советские партизаны. И там и там украинцы. Есть Армия Крайова, а есть армия Людова. И там и там поляки. Но армию Людову поддерживают большевики.

– Что пан желает сказать?

– Пора делать выбор, пан Шаинский.

– Выбор? Про какой выбор говорит пан?

– Против кого стоит повернуть оружие сейчас! Меня внедрили в отряд Варта. И у пана нет нужды избавляться от того, кто не есть враг Польше.

– А кому пан враг?

– Большевикам.

– То пан есть русский?

– Наполовину, – признался Лавров.

– Это как же?

– Во мне есть и украинская и русская кровь, пан капитан.

– Возможно, что пан жолнер говорит правду. Но ведь возможно, что пан лжет. Разве не так?

– Так, пан капитан.

– И как мне проверить это?

– Пока никак, пан капитан. Пану капитану стоит поверить мне на слово.

Шаинский засмеялся.

– Пан жолнер пока не понял, куда он попал. Меня ненавидят местные украинцы. Знаете почему?

– Пан слишком жестоко мстит, – ответил Коваль. – И люди из сотни Варта платят пану капитану тем же.

– Они ведь не окажут мне милости – попади я им в руки? И пан желает, чтобы я поверил ему? Пан жолнер шутит. Но я прикажу пытать пана жолнера. У меня есть большой искусник по этому делу.

– Пытка имеет смысл в одном случае, пан капитан. Если я что-то скрываю от пана капитана. Но я сказал пану правду.

– И снова столько слова, пан жолнер! Слова и никаких доказательств. Но отложим наш разговор на потом, пан. Ты хотел видеть Музыку? Ты увидишь её...

* * *

Коваля отвели в сарай, служивший полякам тюрьмой. Шаинский не соврал. Там была Олена.

Девушка сидела в углу на охапке соломы, обхватив руками колени. Когда отворилась дверь, она подняла голову. Думала, что пришли за ней, но нет! Допроса на этот раз не будет. В сарае оказался еще один узник.

Жолнеры втолкнули Коваля, и двери снова закрылись.

– Олена? – спросил он.

– Влад Коваленко?

– Это я.

– Что с Ястребом?

– С ним все в порядке.

– Он уже знает про меня?

– Да.

– И это он прислал тебя, Влад?

– Да. Я пробирался на хутор и меня схватили. Напоролся на польский секрет.

– Шаинский с тобой говорил?

– Да.

– И что? Он пытал тебя?

– Нет.

– Нет?

– Пытался его обмануть, но пока он не поверил мне.

– Плохо, – сказала Олена. – Это очень плохо, Влад.

– А что такое?

– Шаинский устроил засаду для Варты. Это только на первый взгляд здесь мало АКовцев. Они надежно скрыты и уже разместили пулеметные точки.

– Но Варта сюда не придет, Олена. Сюда послали только меня.

– И что ты можешь сделать один?

– Иногда словами можно сделать больше чем оружием.

– Ты говоришь про Шаинского, Влад.

– Он мне не показался человеком глупым.

– Он умён. Но он наш враг. И такой враг, который нас не выпустит живыми.

– Ты боишься смерти, Олена?

– Я? Нет. Готова умереть за Украину! Чем больше кро-

ви патриотов они прольют, тем сильнее станет нация. Нацию можно цементировать только кровью героев.

– Это все пафос, Елена! Громкие слова и не более того. Для газетной страницы они годятся. Но мы с тобой сидим взаперти. И если нас сегодня поставят к стенке или повесят, то, что героического в этом будет? Кто оценит это, Елена?

– А что предлагаешь ты, Влад?

– Бороться.

– Бороться?

– За жизнь. А жизнь это самое ценное, что есть у человека.

Музыка ничего не ответила Ковалю...

Глава 9

Елена Музыка

Сарненские леса.

Отряд «Победа».

Ноябрь 1943 год.

В партизанский отряд «Молот», которым командовал полковник НКВД Трофим Стерненко прибыл связной. Командир отдыхал в своей землянке и связника принял комиссар отряда майор Лурье.

Семен Гурченко сотрудничал с партизанами с осени 1941 года. Тогда он спас многих окруженцев и помог им обосноваться в лесах. Собственно с них начался отряд «Молот». Сначала здесь командовал капитан Красной Армии Терентьев. Но в начале 1942 года его убили во время акции. Никакой связи у отряда с центром еще не было. Действовали партизаны по своему усмотрению. Но 30 мая 1942 года Постановлением ГКО СССР⁵³ был создан Главный штаб партизанского движения (ГШПД) при Ставке Верховного Глав-

---

⁵³ Государственный комитет обороны СССР. Решения ГКО были обязательными для всех граждан, организаций и органов власти. Возглавил ГКО Сталин, который также занимал должность генерального секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Совета народных комиссаров СССР. Впоследствии занял должность председателя Ставки Верховного Главнокомандования (с 10 июля 1941 года) и Народного комиссариата обороны СССР (с 19 июля 1941 года).

нокомандующего⁵⁴. В 1943 году из подчинения ГШПД был выделен в отдельную структуру Украинский штаб партизанского движения. Именно после создания ГШПД в отряд из Москвы и были направлены полковник НКВД Стерненко и майор НКВД Лурье.

Лурье доложил в Москву о полезной деятельности Гурченко и того даже наградили орденом Красной звезды. Гурченко пользовался полным доверием комиссара и командира. Он был одним из немногих, кто знал агентов в тылу у немцев.

– Это ты Семен? С чего это ты пришел в отряд?

– Я, товарищ комиссар. Срочное дело. Где командир?

– Спит после вчерашнего. Что у тебя?

– Придется будить.

– Да что случилось?

– Журналистку Олену Музыку захватили АКовцы. Ту самую, за которой вы велели наблюдать.

– Елену?

– Да.

– Захватили? Когда?

---

⁵⁴ Главный штаб партизанского движения (ГШПД) – создан в целях объединения руководства партизанским движением Постановлением ГКО СССР № ГОКО-1837сс от 30.05.1942 года. В целях реализации этого постановления Народный комиссариат обороны СССР издал Приказ № 00125 от 16.06.1942 года «О формировании Главного и региональных штабов партизанского движения». В марте 1943 года ГШПД был упразднен, но через месяц Постановлением ГКО СССР № 3195 его вновь восстановили при Ставке ВГК. Из подчинения ГШПД был выведен Украинский штаб партизанского движения.

– Два дня назад.

– И ты говоришь это только сегодня?

– Я как смог, так сразу к вам. Раньше никак, товарищ комиссар.

– Как это случилось? – спросил Лурье. – И где?

– На хуторе Вишневый. Никаких накладок никогда не было. Но неожиданно на хутор пришло не меньше сотни вояк из АК. Никто такого не ждал особенно после недавнего разгрома, учиненного АКовцам, людьми Ястреба.

– А чего им нужно в Вишнёвом? Его поляки не трогали.

– АКовцы эти под началом капитана Шаинского. Олену они используют как разменную монету. Им нужен Ястреб.

– Идем к командиру, – сказал Лурье...

* * *

Стерненко весьма ценил партизанку Настю Берзенко. Еще год назад он увидел эту дивчину среди партизанского пополнения. Поначалу он подумал, что перед ним Елена Музыка, журналистка газеты «Вольнь», но оказалось что это совсем иная девушка. И Музыке она не была родственницей.

И тогда он поделился своим планом с Лурье – внедрить эту девушку к немцам вместо Елены. Комиссар поначалу воспринял идею в штыки:

– Это обычная девушка из деревни, командир.

– Я же не предлагаю внедрять её сразу. Сначала подгото-

ВИМ.

– Музыка журналистка. А эта хоть писать-то умеет?

– Сейчас проверим.

Оказалось, что девушка Анастасия Берзенко была образована. За её плечами было оконченное педагогическое училище в Киеве. В деревне она работала учительницей.

Так решилась её судьба. Девушку стали готовить к заброске.

Стерненко получил «добро» из Москвы от комиссара госбезопасности второго ранга Максимова. Но комиссар Лурье все равно сомневался:

– Авантюра чистой воды!

– Да почему же?

– Настя не сможет выдать себя за Музыку.

– А я тебе говорю, что сможет. На машинке она уже учится печатать.

– А голос? Я посылал человека в Ровно. Голос другой!

– Я же тебе говорил, что после «болезни», воспаления легких, голос журналистки слегка огрубится.

– Это насторожит лидеров ОУН. Да и что делать с теми, кто знает Музыку близко?

– Эти списки составлены и тебе заниматься их устранением. Ты пойми, комиссар, что это идеальный вариант для внедрения. Скоро нам понадобятся сведения про ОУН. А у нас там будет свой человек!

– Девушка сильно рискует! Она не разведчица, командир.

– Мы все рискуем. Вся страна рискует, комиссар.

– Хорошо. Давай рассмотрим список контактов Музыкаки.

– Музыка принята в состав центрального провода ОУН всего месяц назад. В руководстве ОУН её знают мало. А вот эти двое журналистов «Волыни» должны исчезнуть.

– Этими мои люди уже занимаются, командир.

– Но они должны исчезнуть, а не быть обнаруженными в качестве трупов.

Лурье заверил командира:

– С этим проблем не будет. Никто тел никогда не найдет.

– И с остальными также. Вот эти в списке до красной черты. Остальные мало опасны.

– Ты уверен, командир?

– Да. Всех знакомых Музыкаки убирать нельзя. Слишком много вопросов возникнет. И сделать это нужно не сразу, как ты понимаешь.

– Я уже составил очередь. Все будет выглядеть естественно. Двоих мы подставим так, что их сами немцы к стенке поставят.

– Ты о ком?

– Вот этот и этот, – показал Лурье на фамилии в списке.

– И как ты подашь их немцам?

– Наш информатор сдаст их в гестапо. Новый шеф гестапо ведь хотел чтобы агенты работали успешнее? Вот он это и получит...

И, вот внедренную с такими трудом, Анастасию Берзенко (Елену Музыку) похитили АКовцы, капитана Шаинского. А ведь Настя не имела никакого отношения к статьям, которые написала Музыка.

Стерненко спросил Лурье:

– Что скажешь, комиссар?

– Если это АКовцы, то кто такая Музыка на деле они не знают.

– А если знают? Мы должны учитывать все.

– Ты о том, что нужно доложить в Москву?

– Да, – ответил Стерненко. – Комиссар госбезопасности Максимов должен знать о похищении Музыки. А сам Максимов доложит Меркулову.

– Не нужно никому докладывать, командир.

– Ты о чем?

– Мы сами вызволим Настю. Возможно, что она попала под раздачу случайно.

– Провести войсковую операцию?

– А что такого? Это поляки, а не немецкие полицейские части. Раскатаем их и все.

– Но связной сказал, что это дело капитана Шаинского. А Шаинский имеет зуб на Ястреба командира Варты. А если сам Ястреб освободит Музыку?

– Нет, – сказал Лурье. – У всех частей УПА-Север приказ Центрального провода боевых действий без приказа не начинать. Это точные сведения от разведки.

– А что такое?

– ОУНовцы собрали Третий «Великий збир»⁵⁵ и решают как быть дальше. Определяют тактику борьбы. Пока они там в центре говорят, люди из УПА Боровца не станут действовать.

– Ястреб может начать и без приказа, – предположил Стерненко.

– Не сейчас, командир. Освободить Елену нужно нам.

– Отряд не в полном составе. Часть людей под командой Носова мы отправили в Цимлянские леса. И батальон Ловеса отправился в помощь Ковпаку.

– Справимся и сами, командир.

– Зови связного!

Лурье позвал Гурченко.

– Семен! Ты хорошо знаешь Вишневый?

– Да, командир.

Стерненко разложил карту на столе и подвинул светильники ближе.

– Подойди сюда.

Семен подошел.

– Вот хутор Вишневый! – палец командира показал на

---

⁵⁵ «Большой збор» совещание лидеров ОУН для определения приоритетной задачи в борьбе.

точку на карте. – Покажи, как расположились там поляки.

– Оборону заняли по всему периметру, командир. Я видел пулеметные точки по краям. Крайние дома превратили в крепости. Всюду расставили секреты. Я сам пробрался, потому что знаю местность как свой карман, и потому что был один.

– Ты скажи, Семен, как нам войти на хутор? – спросил Лурье.

– Незаметно? Никак, комиссар. Поляки не пировать туда пришли, а устроили засаду.

– Они ждут атаки и атаки крупными силами. А у нас всего 120 бойцов, – сказал Стерненко. – Здесь надобно подумать. Если сунемся в лоб, половину людей положим.

– А ежели под немцев сработать? – предложил Семен. – У нас с прошлого раза комплектов десять формы осталось.

Комиссар посмотрел на командира.

– Он дело говорит.

– А если АКовцы откроют огонь?

– По немцам? Нет. Они ждут сотню УПА. Зачем им ввязываться в бой с немцами? У них наверняка все еще действует «перемирие». Не станут они стрелять, командир. А нам бы только до хутора добраться.

– Но нужен «офицер».

– Я буду офицером, – сказал Лурье.

– Ты немецкого языка не знаешь. А там Шаинский, который говорит по-немецки как немец.

– Но среди часовых не будет Шаинского.

– А если его вызовут? Они наверняка это сделают когда увидят немцев. Да и поедем на чем? Немцы, путешествующие по лесу пешком, вызовут кучу подозрений.

– Дак можно захватить бронемашину и пару мотоциклов в Соснах. Туда вчера прибыла команда под началом офицера, – сказал Семен Гурченко.

– Оттуда знаешь?

– Да по пути мне наши из отряда Боровикова сказали. Я прямо на ихний секрет вышел. Они сказали через Сосны не ходить.

– А это отличная идея командир. Бронемашина и мотоциклы как раз то, что нужно...

* * *

Сарненские леса.

Село Сосны.

Ноябрь 1943 год.

В селе под названием Сосны действительно расположился небольшой отряд немецкой полиции лейтенанта Гротенбаха. Под его началом было 14 солдат. Они прибыли на бронемашине в сопровождении трех мотоциклов.

Сосны были большим селом, и там стоял отряд вспомогательной полиции из местного населения, около 30 человек. Захватить село нужно было быстро и желательно без потерь.

Партизаны сняли звезды со своих шапок, и надели белые повязки на рукава. Они расселись в двух телегах запряженных парами бойких лошадок.

Лурье приказал всем молчать. Переговоры взял на себя.

– Хальт! – немецкий часовой остановил телегу.

С немцем были три полица.

– Стоять! Куда прешь!

– Усиление из района, – сказал Лурье и протянул полицая бумагу.

Тот взял, проверил печати управы и подпись бургомистра. Все было верно. Затем стал читать содержимое.

«Предписываю коменданту Черненко усилить полицейский отряд в селе Сосны отдельной командой в составе 20 человек».

– Чего-то не слышал я про усиление, – сказал полицай, повернувшись к товарищу.

– Да жаловался наш начальник, что мало нас, – ответил второй.

– Да то когда было!

– А кто их там в управе разберет.

Полицай вернул документ Лурье и спросил:

– А чего мало-то вас. В бумаге прописано, что 20 человек.

А вас сколько?

– 12-ть со мной. Остальные на третьей телеге будут. Задержались маленько.

– Это где задержались?

– А ты кто такой, дядя, чтобы мне вопросы задавать? Я комендант Черненко. А ты кто такой?

– Ты на голос меня не бери. Может у себя ты и комендант. Но в Соснах ты дерьмо собачье.

– Чего?! – Лурье схватился за кобуру.

– Дядя Михась! – одернул полиция второй. – Не заводись. Свои ведь. И ты, мил человек, за оружие не берись. А то сам понимаешь, чего быть может. К нашему начальнику проедем и там все скажешь, кто такой и по какой надобности. А мы люди малые. Караульную службу несем.

Лурье убрал руку от кобуры.

– Так веди к начальству. Я разве против?

– Тебя одного проведу. Твои люди здесь останутся.

– Как скажешь, – равнодушно произнес Лурье.

Свою задачу по отвлечению внимания он выполнил. Люди Семена незаметно подошли к посту и быстро ножами завершили дело. Никто из часовых даже не вскрикнул...

* * *

Группа УПА-Север – «Варта».

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

Сотенный Ястреб снова вызывал к себе хорунжего Сома. Но тот не мог порадовать командира. Связного не было. А это означало одно – шеренговый Коваль (Влад Коваленко)

выполнить свою задачу не сумел.

– Он давно должен был вернуться, друже сотенный. И если его нет то...

– Знаю! – перебил Сом Ястреб. – Где поручик Грицай?

– Здесь у входа с хлопцами. Рвется в бой.

– Зови!

Грицай вошел и сказал с порога:

– Я могу с моими хлопцами наведаться в Вишевый.

– Но есть приказ генерал-хорунжего, – сказал Сом. – Строгий приказ!

– Да я и мои хлопцы снимем знаки различия и пощиплем поляков как курей.

– Это капитан Шаинский и с ним добрая сотня молодцов. С кем щипать собираешься, друже Грицай? – спросил Сом.

– А чего ждатель? Скажи ему, друже сотенный, – поручик посмотрел на командира.

– Грицай, я не могу отдать приказ! – ответил Ястреб.

Грицай «вскипел»:

– И нам ждатель, когда поляки убьют девушку? Да разве только смерть ей страшна, пан сотник?

– Не трави душу, пан поручик!

– Да ты подумай, сотник. Я же дело предлагаю. Сработаем под советов! Мы же не раз так делали. Оденем кожушки вместо шинелей и сойдем за партизан. Я хлопцам накажу порусски говорить. Решайся, командир.

Ястреб принял решение:

– Возьмешь своих людей, поручик.

– Всех? – спросил Грицай.

– В твоём взводе ныне пятьдесят шесть вояк. Так?

– Так.

– Всех и бери. Пусть новички получают боевое крещение.

Но надо чтобы потом никто не болтал.

– Пан сотник! – вскричал Сом. – Это безумие! Что он делает с полусотней?

– Это Варта! – гордо заявил Грицай.

– Но если у Шаинского не сто человек, а триста? – спросил Сом.

– У страха глаза велики, пан хорунжий.

– Это совсем не страх, пан поручик. Нужна разведка, а не так, совать голову в петлю. А если засада?

Поручик нетерпеливо махнул рукой.

Ястреб не разделил такого оптимизма своего офицера. Он приказал выдать Грицаю четыре ручных пулемета и по два запасных диска на каждый. Но, к сожалению, сотник УПА не мог знать, что капитан Шаинский только для вида ввел в Вишневы сотню молодцов. Вокруг в лесах прятались еще две сотни солдат Армии Крайовой. Они готовили засаду для Варты...

* * *

Хутор Вишнёвый.

Сарненский лес.

Отряд АК капитана Шаинского.

Ноябрь, 1943 год.

Бывший капитан Мазовецкой кавалерийской бригады Войска Польского, а ныне строевой командир Армии Крайовой Шаинский приготовил для Ястреба ловушку. Поляк считал бывшего красного офицера своим личным врагом и счёты между ними были давние. Да и разгром такой боевой единицы УПА как «Варта» будет иметь политическое значение и поднимет личный престиж Шаинского как командира.

Капитан рассчитывал, что сотенный УПА приведет за собой всю свою сотню. А у Ястреба людей было много. Про это поляк знал.

Ксендз Ставинский уже давно был в отряде капитана и сражался, как и другие с оружием в руках. Это он предложил устроить засаду для лучшей сотни генерала Боровца.

– Если мы уничтожим «Варту», то нанесем большой удар по группировке УПА-Север.

– «Варта» это еще не вся группировка Боровца! – возразил тогда Шаинский. – Это только сотня. Хотя в ней людей хватит для полноценного батальона.

– Но это лучшая часть Боровца. Это его гордость. И потому нам так важно разгромить именно эту сотню УПА. И разгром должен быть полный!

– То понятно, пане ксендз. Я и сам давно хочу убить этого Ястреба. Но хотеть одно, а сделать иное.

– Мы сделаем это, пан капитан.

– У меня сейчас 240 человек, пан ксендз. А у Ястреба по моим данным около 300. Расклад не в нашу пользу, пане ксендз.

– Мы обеспечим перевес сил, сын мой.

– Как?

– Я уже отправил своего посланца к поручику Малайкату. А у него около 170 человек. И пора вспомнить, пан капитан, про ваш давний план.

– Засада?

– Именно засада! Это нам поможет справиться с делом.

– Для засады нужна приманка, пане ксендз.

– Вот над этим нам стоит подумать, пане капитан.

Шаинский задумался над словами ксендза. А ведь святой отец говорит дело!

– Вы правы, ксендз! На этот раз правы, клянусь Иисусом Христом! Хутор Вишневый.

– Вишневый? Но то есть польское село.

– Дело не в том. Вы же знаете, что я иногда посещаю этот хутор. Пане ксендз?

– Знаю, сын мой.

– Там появляется иногда одна особа. И особа эта весьма важна для пана сотника.

– Женщина?

– Журналистка Елена Музыка.

– Музыка? Из газеты «Вольнь»? Я слышал про неё. Это

наш убежденный враг.

– Оставим её таланты, пане ксендз. За журналистку сотенный УПА вступаться не станет. А вот за женщину – да.

– Вы считаете, что он имеет особенный интерес до Музыки?

– Уверен в этом.

– Между ними что-то есть?

– Этого я не знаю, но сотник к ней неравнодушен! Про то доносит Франек. А пан ксендз знает Франека.

– Знаю. И захвату Музыки мы сможем придать политический окрас, пане капитан. Будь его коханка простая дивчина, нас могли бы осудить наши соратники по борьбе. Но если дело касается Музыки, то нас все поддержат. Это будет и военная и политическая акция...

* * *

Вначале все шло по плану Шаинского. Но появление сотрудника Абвера ломало все планы капитана и ксендза. Влад Коваленко заставил капитана задуматься. Если в деле замешаны немцы то стоило трижды подумать, прежде чем начинать.

– Что скажете на это вы, пане ксендз?

– Будем действовать по нашему плану.

– Но если тот хлопец говорит правду? Если он из Абвера?

А пан знает, что мы в последнее время действуем заодно с

немцами. Это они дали нам оружие для всех наших людей. Это они помогают нам с информацией по УПА и советам.

– В глазах Польши мы боремся с немцами, сын мой.

– Это так, пане ксендз. Но именно сейчас нам нужны немцы. Нам нужно оружие. Рядом с нами отряды Армии Людовой. А их хорошо вооружают большевики. И делают они это не просто так. За это те люди, что называют себя поляками, сделают нашу Польшу большевистской.

– С нами Англия, сын мой.

– Но Англия далеко, пане ксендз. А советы под самым боком!

– Вы раздумали мстить, сын мой?

– Нет! Но если мы сделаем неверный шаг, как посмотрит на это наше руководство?

Ксендз задумался. В словах капитана была истина. В условиях красного наступления на фронте политическая обстановка быстро менялась. Скоро здесь будут большевики. И именно сейчас обострять отношения с немцами не стоило. Никто ему этого не простит.

– А если тот хлопец врет? – спросил ксендз.

– Пан ксендз не верит что он из Абвера? Я уже послал за Франеком.

– Франек прибудет сюда?

– Мне нужно чтобы Франек опознал этого молодца и сказал, что в его словах правда...

Полковник АК Войцеховский.

Ноябрь, 1943 год.

Католик Франек Шавлевский был сыном ксендза, и потому он получил довольно приличное образование. Говорить умел хорошо и быстро раполагал к себе собеседника. Он был популярен среди своих, имел связи и с немцами, и с украинцами. Мать Франека была украинкой, и потому украинский язык он знал в совершенстве.

Франек служил у АКовцев связником и лес знал хорошо. Он часто спасал отряды польских повстанцев от неприятностей. Особенно его помощь стала необходимой после 11 июля 1943 года, когда украинские партизаны нанесли свой удар по полякам. Тогда в родном селе Франека Киселине было убито сразу 90 человек, которые собрались на мессу в костёле. В тот день погиб отец Франека ксёндз Шавлевский.

К Франеку обращались часто. АКовцы ценили его. Шавлевский в свое время работал с Яном Каринским, который доставил в Великобританию доклад об уничтожении евреев в Польше. И роль Франека в составлении того доклада была более чем значительной.

Франек Шавлевский давно сотрудничал с капитаном Шаинским. И сейчас он ждал гонца от капитана или от ксендза Ставинского. Но на этот раз за ним пришел сам представи-

тель командования АК полковник Войцеховский.

Франек никак не ждал такого высокого гостя.

– Здравствуй, Франек.

– Пан полковник?

– Тише. Не стоит так меня называть.

– Простите, пан, но никак не ждал вас здесь. Что-то случилось?

– Да. Как скоро ты сможешь добраться до хутора Вишне-
вый, Франек?

– Через три дня там буду.

– А быстрее?

– Можно и за два дня, но к чему такая срочность?

– На хуторе стоят отряды капитана Шаинского и поручика
Малайката. Они готовы развязать настоящую войну. Тому
нужно помешать, Франек.

– Но разве подразделение Шаинского стоит на хуторе? На-
сколько я знаю, Вишневый посещает сам пан капитан при
небольшой охране. У него там коханка.

– На этот раз Шаинский приготовил войсковую операцию.
Но проводить её нельзя!

– Вы можете мне объяснить, что случилось, пан полков-
ник? А то я пока не понял с чего такая срочность?

Полковник не стал скрывать ничего от Франека.

– Ты ведь помнишь Олену Музыку?

– Да. Она журналист из украинской газеты «Волинь». И
Шаинский давно взял её на заметку. Она очень опасна. Так

считает сам капитан Шаинский, но я не разделяю его мнения, пан полковник.

– Шаинский захватил Музыку. Но он ошибся, – сказал Войцеховский.

– Пан полковник не считает её опасной?

Полковник ответил:

– Настоящая Елена Музыка ныне у большевиков. Её захватили и переправили в Москву. Сделали это люди «Молота». По линии агентурной разведки союзников нам удалось это выяснить.

Франек догадался:

– Так значит эта Олена Музыка, совсем не Олена?

– Да. И штаб разрабатывает план использования этой информации в наших целях, Франек. Но вот мы узнали, что капитан Шаинский захватил Олену и готов её казнить. Казнить агента, который работает совсем не на УПА.

– Мне нужно добиться освобождения Музыки?

– Да. И не дай бог хоть волос упадет с её головы. Пусть Шаинский подготовит её «побег» или что-то еще придумает. Но пострадать она не должна!

– Это если она еще жива, пан полковник.

– Жива. Шаинскому Олена нужна как наживка. Сразу казнить он её не станет. Капитан склонен к театральным эффектам. А значит у нас есть время.

– Я буду готов через час, пан...

Хутор Вишнёвый.

Сарненский лес.

Отряд АК капитана Шаинского.

Ноябрь, 1943 год.

Франек добрался до хутора Вишневого в два дня. Он понимал всю важность задания Войцеховского. Капитан Шаинский часто действовал необдуманно. И Франек неоднократно указывал на это самому капитану. Но Шаинский был своеволен и его ослепляла ненависть. ОУНовцев он ненавидел и редко шел на какие-либо компромиссы.

В пути никаких происшествий с ним не случилось. На этот раз словно сама судьба покровительствовала делу. Он обошел все опасные места и хутора, которые контролировали люди из УПА.

Он вышел к передовым постам у Вишневого.

– Стоять! – прозвучала команда.

Франек поднял руки.

– Иди сюда! – раздалась новая команда.

Франек подошел.

– Я где-то видел его, – сказал один часовой другому.

– Так то пан Франек! – узнал его второй. – Опустите руки,

пан.

Франек сказал пароль.

– Мне нужно до пана капитана! Срочно.

– Пан капитан и пан ксендз здесь, пан Франек. Марек, проводи пана Франека.

Марек исполнил приказ.

– Идите за мной, пан Франек. Вы видно издалека прибыли?

– Пришлось пройти большое расстояние, пан Марек. Но дело срочное.

– Я понимаю, пан Франек. Вопросов лишних задавать не стану. Наш капитан Шаинский того не любит. И тем более сейчас.

– А что сейчас? – спросил Франек.

– Да мы в засаде сидим. Скоро будет большой бой.

– Бой?

– Не просто так привел нас сюда пан капитан. Место для засады хорошее. Тут всюду наши секреты стоят, пан Франек.

И действительно их несколько раз по пути к хутору оставляли.

На территории Вишнёвого Марек указал Франеку большой дом.

– Там ныне наш капитан.

Франека сразу пустили к Шаинскому. Тот сидел в компании ксендза Ставинского.

– Пан Франек? – удивились они. – Вы так скоро? За вами только послали!

– Послали? Вы про что, панове?

– Мы послали за вами, пан. У нас есть срочное дело.

– И у меня, панове. И прибыл я сюда по приказу самого полковника Войцеховского.

– Войцеховского? Из главного штаба АК? Но что произошло? – спросил капитан.

– Где поручик Малайкат, пан Капитан?

– Рядом. В засаде со своими людьми. Мы ждем сюда «гостей».

Франек спросил:

– Журналистка у вас, капитан?

– Музыка? У меня.

– С ней ничего не случилось?!

– Нет. Но случится обязательно, – сказал ксендз.

– Полковник выразил вам, панове, свое недовольство. Ничего случиться с Музыкой не должно! Это категорический приказ штаба армии. Ибо если хоть волос упадет с головы Музыки, то за вашу голову пан капитан я не дам и ломаного гроша!

– Как так? – не понял Шаинский.

– А так. Если вы планируете акцию, то нужно ставить в известность руководство! Вы этого не сделали, панове! И едва не поставили под удар операцию штаба армии!

– Штаба? Но какое отношение это имеет к Музыке?

– Самое прямое. Она агент.

– Чей?

– Этого я сказать не могу, пан капитан! Но вам приказа-

но штабом и лично полковником Войцеховским – дать Музыке свободу. Но обставить всё так, словно она сама освободилась. И делать быстро. Вашим отрядам нужно убираться с Вишневого, как можно скорее!

– Но мы ждем Варту, пан Франек. У нас все готово! – вскричал ксендз Ставинский.

– Что такое Варта, пане ксендз? Это только один отряд из УПА. Всего один. Но вы можете сорвать планы штаба! Я спешил сюда, как мог, панове. Я передал вам строгий приказ Войцеховского. И сейчас нужно думать, как его быстро исполнить.

Шаинский склонил голову. С мезтью придется обождать...

Глава 10

Лавров выходит на связь

Группа УПА-Север.

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

В сотню Ястреба прибыло начальство. Причем сам Ястреб никого не ждал. Обычно о приезде высоких гостей предупреждали заранее и в расположении готовились принимать штабных. Вояки работали над внешним видом, и местные командиры могли показать «товар лицом».

Но в «Варте» никто ничего не знал. День начался как обычно. Сотенный проследил за утренним построением и разводом на занятия. Поручик Грицай собирал отряд для несанкционированного командованием УПА-Север боевого выхода, и добровольцы работали над внешним видом, дабы походить не на подразделение УПА, а на советских партизан. Хорунжий Сом готовился к занятиям по огневой подготовке с молодыми солдатами.

Затем офицеры собрались в землянке у Ястреба.

– Патронов для огневой мало, пан сотник! – сказал Сом с порога. – И если не давать патронов, то и проводить занятия не стоит.

– Патроны пойдут в дело для поручика Грицайя, друже

Сом. Ты это знаешь и сам.

– Но мне выдал каптенармус по патрону на бойца для огневой подготовки! По одному.

– Это был мой приказ, друже Сом. Пойми, что Грицаю нужен хороший боезапас. У него мало людей. И обеспечены они должны быть не просто хорошо, но очень хорошо.

– Я после дела привезу тебе от поляков и патронов и гранат, друже Сом, – обещал Грицай.

В землянку к офицерам вбежал вестовой:

– Друже сотенный!

– Чего тебе? – спросил Ястреб.

– Начальство прибыло.

– Какое начальство. Коли я здесь?

– Дак...

– Снова инспекция от куренного! – перебил вестового Грицай. – Чего он все нас проверяет и проверяет! Иных дел нет!

– От куренного? – спросил Ястреб. – Кто на этот раз?

Вестовой ответил четко:

– Никак нет, друже сотенный. Прибыли пан генерал-командующий и пан генерал-хорунжий Боровец.

– Что?

– Пан командующий!

– Командир УПА здесь?

– Точно так, пане сотенный! В расположении находится командующий генерал Савур!

– Иди! – приказал сотенный и вестовой ушел.

Офицеры переглянулись.

– С чего это он здесь? – спросил Сом.

– Проверка? Может хлопец чего напутал со страху?

– О посещении Савура нас предупредили бы за две недели! – сказал Ястреб. – Не иначе как куреной снова жалобу подал. Неужели по твою душу, поручик?

Грицай только пожал плечами в ответ.

– Или прознали, что мы готовимся выступить? – предположил Сом.

– Откуда? – спросил Ястреб. – Так быстро такая новость до штаба Боровца не долетела бы, а не то что до штаба командующего. Но чего гадать? Идем и все узнаем!

Ястреб схватил головной убор – мазепинку с трезубом – поправил пояс с кобурой и вышел из землянки. За ним последовали хорунжий Сом и поручик Грицай.

Вестовой не ошибся и ничего со страху не напутал. В расположение сотни Варта действительно прибыли командующий УПА генерал Савур, командир УПА-Север генерал Боровец, начштаба полковник Драгулец и другие высшие офицеры из штаба УПА.

Генерал-полковник Савур принял доклад от сотенного.

– Дуже генерал, рапортует сотенный Ястреб. Сотня Перша варта находится в расположении и занимается согласно расписания боевых занятий!

– Рад видеть прославленного воина, – Савур пожал руку

Ястребу. – Покажи нам своих бойцов, друже сотенный.

Ястреб повернулся к Грицаю и Сому:

– Друже поручик, друже хорунжий!

– Здесь, друже сотенный! – ответили офицеры.

– Построить сотню!

Офицеры Сом и Грицай построили отряды. Команды звучали четко и люди были привычны к сигналам боевой тревоги.

– Действуют слаженно! – отметил Савур. – Настоящие солдаты.

– Ястреб боевой офицер и знает, как готовить людей, – сказала Боровец. – А ведь совсем недавно это были простые крестьяне.

Первые сто бойцов замерли у боевого замени Варты. Все они были в одинаковой форме. Френчи с отворотами и накладными карманами. На головных уборах трезубы. Командиры взводов и отделений были со знаками различия.

Вторые сто бойцов были обмундированы не так однообразно. Здесь чередовались: мундиры немецкие, венгерские френчи, пиджаки. Шапки, мазепинки, кепки. Но у всех была военная выправка, и оружие солдаты держали в хорошем состоянии.

Отдельно замер уже переодетый под советских партизан отряд поручика Грицая. Все бойцы были снаряжены для дальнего похода, имели оружие, запас гранат и боеприпасов.

Ястреб знал, что Савур и Боровец спросят его, куда это он

собирает бойцов. Хорошо хоть выданные им звезды никто к шапкам еще не прикрутил.

Савур отметил выправку и показал на людей поручика Грицая.

– А это что за отряд? Новички?

– Никак нет, – ответил Ястреб. – Отрабатывают скрытное передвижение на местности!

– Без опознавательных знаков? – Боровец внимательно посмотрел на Ястреба.

– Так точно, друже генерал-хорунжий!

Но Савуру молодцы понравились:

– По виду настоящие вояки. Что до знаков, то не в них сила, друже Боровец.

Савур прошел вдоль строя. Похвалил людей и произнес короткую речь. Затем пригласил офицеров следовать за собой.

– У тебя нет помещения просторнее? – спросил он сотенного, окинув взглядом штабную землянку.

– Нет, друже генерал.

– В других сотнях для штаба и командиров хорошее жилье готовят.

– Живу так, как живут мои солдаты, – ответил Ястреб.

– Похвально. Но тогда вы, панове полковники, и вы панове сотенные офицеры, обождите нас здесь. Всех землянка пана Ястреба не уместит.

В землянку командира вошли Ястреб, Савур и Боровец.

Остальные остались снаружи.

Савур сказал:

– Хорошо, сотенный, что ты готовишь людей к боям. Это похвально.

– Мы армия и должны быть готовы к боям, пан генерал.

– Верно! Ты хороший солдат, друже Ястреб. Небось гадаешь чего это я прибыл к тебе вот так, как снег на голову?

Ястреб не ответил. Он ждал приказов. Не его дело рядить да гадать.

Савур сам ответил:

– УПА есть инструмент создания Украинской Соборной Самостийной Державы! Третий Большой збор Организации Украинских Националистов постановил: продолжать формирование, вооружение и оснащение Украинской повстанческой армии.

Ястреб и Боровец ответили:

– Слава Украине!

Командующий продолжил:

– Наша основная задача, паны офицеры, противодействие Красной Армии! Большевики скоро будут здесь! На нашей земле. Что нас ждет, панове? Нас ждет тяжелая и кровопролитная борьба! Противодействие большевикам включает в себя: совершение диверсий в советском тылу, физическое истребление офицеров НКВД, партийного и советского актива. И то, что вы готовите сотню к боям, друже сотенный, это хорошо!

– В нашу задачу входит нарушение работы тыла, друже командующий. Мы и сейчас делаем это, но только против немцев.

– Знаю, друже Ястреб. Все знаю. Потому и решил посетить именно твое расположение сегодня! Отныне немцев больше не трогать, друже сотенный. Нам нужно оружие в большом количестве. А дел тебе и без того хватит! Нужно готовить тайные базы в лесах. Каждое подразделение УПА будет заниматься этой важной работой.

– Мы это уже делаем, друже командующий. По моему приказу две недели назад начали сооружение большого схрона.

– Далеко отсюда? – спросил Савур.

– В двадцати километрах, друже командующий.

– Хорошо.

– Желаете посмотреть на работы?

– Нет. Я верю вам, друже Ястреб. У меня еще много мест где просто необходимо побывать. Оружие, боеприпасы?

– Пока хватает, друже командующий.

– Продовольствие и теплые вещи?

– Местное население помогает. Да и сами мои хлопцы в том деле знают толк. Даже колбасу сами делаем.

– Колбасу? – удивился Савур.

– Дак мясо хранить трудно вот колбасное производство и наладили. У меня есть два больших знатока в том деле. А время может прийти такое, что свои запасы сильно приго-

дятся.

– Молодец, друже Ястреб. Мне бы сотню таких командиров как ты. Но самое главное – никаких пока действий против немцев. Они сейчас станут нам давать оружие и боеприпасы. Им нужна армия в тылу у большевиков.

– Я понял, друже генерал, – ответил Ястреб.

– Твоя сотня вооружена хорошо, друже сотенный. Но все разнокалиберное! Я видел винтовки Маузера⁵⁶, Мосина⁵⁷, ППШ⁵⁸, МП-40⁵⁹.

– Большинство этого добыто в бою, друже генерал.

– Я помогу вам получить боеприпасы к немецким видам вооружений. Но особое внимание хочу обратить на советские винтовки, пистолеты-пулеметы и ручные пулеметы.

– И такого оружия у нас достаточно, друже командующий.

– Что советские партизаны? – спросил Савур.

– Советы далеко от нас.

– Как далеко?

– В сотне километров есть отряд «Победители» и в пя-

---

⁵⁶ Магази́нная винтовка образца 1898, разработанная немецкими конструкторами, братьями Вильгельмом и Паулем Маузерами. Винтовка Маузер 98 состояла на вооружении многих армий мира вплоть до конца Второй Мировой войны.

⁵⁷ Русская 3-линейная (7,62-мм) винтовка Мосина образца 1891 года – магазинная винтовка, принятая на вооружение Русской армии в 1891 году.

⁵⁸ ППШ – пистолет-пулемет системы Шпагина под патрон 7,62 мм, разработанный и принятый на вооружение Красной Армии в конце 1940 года

⁵⁹ Німецький пістолет-кулемет, що був розроблений на початку Другої світової війни та знаходився на озброєнні майже всіх частин Вермахту.

тидесяти километрах отряд «Молот». У нас с ними были небольшие стычки. Но пока обходимся без большой войны. Советы даже наших хлопцев отпускали, когда брали в плен.

– Вот как? – неприятно удивился Савур. – Ты помни, сотенный, это пока вы и они лесные жители вне немецкого закона и порядка. Но скоро те советы, что служат у них, почувствуют себя хозяевами здешних земель. И они используют своё знание лесов нам во вред.

– Я про то никогда не забывал, друже генерал. Часто на этой войне мы были союзниками против немцев. Но своей земли большевикам не отдадим. Здесь мы хозяева! – ответил Ястреб.

– А вот это правильно, друже Ястреб. Это слова истинного сына Украинской земли! Ныне много будет таких, кто скажет, что советы то друзья Украины! Но мы помним, что сделали большевики с нашей землей. И после этой войны они вернуться к своей политике. Не стоит думать, что все изменится и Сталин будет другим! Нет! Они снова будут строить свою империю!

– Так, друже генерал!

* * *

Отряд «Молот».
Сарненский лес.
Ноябрь, 1943 год.

Командир отряда «Молот» полковник Стерненко был удивлен. Поначалу он даже не поверил в донесение. Думал, что посланец что-то напутал, или, как всегда, преувеличил успех.

Майор Лурье захватил у немцев бронемашину и три мотоцикла. Помимо всего прочего оружие: два пулемета ручных, пулемет станковый, десять автоматов МР-40, двадцать винтовок «Маузера», ящик с гранатами и 15 ящичков с боеприпасами. Кроме того Лурье привез ему журналистку Олену Музыку. И освободил он её без единого выстрела.

– Ты не душу дьяволу продал, майор? – шутя спросил у Лурье Стерненко, когда тот сам доложил об успехах и показал трофеи.

– Не верю я в дьявола, командир. А сделали это, потому, что воевать научились.

– Всех к наградам, майор! Молодцы! А девка наша где?

– Сейчас будет. Я велел ей не сильно светиться. Не нужно чтобы наши видели её в лагере.

– Она и сама знает, как не сильно в глаза бросаться. Не первый день служит.

В избу командира отряда вошла Елена Музыка.

– Товарищ полковник...

– Брось, дочка. Не на плацу. Садись.

Музыка села на лавку.

Лурье сам приготовил ей чай.

– Угощайся! Чай настоящий. Трофейный. Сахар бери.

– Спасибо! У вас много вопросов ко мне.

– У командира много, – сказал Лурье. – И главный – твой побег из плена.

Стерненко спросил Елену:

– Ты сбежала сама?

Она ответила:

– Мне помог Коваль.

– Этот тот парень, что прибыл сюда с тобой? – спросил Стерненко.

– Прибыл? Тот, кого захватил товарищ майор. А я просила не делать этого.

Лурье ответил, что Коваль, солдат УПА и слишком много знает. Опускать его просто нельзя. Стерненко согласился с комиссаром отряда.

– Майор прав. Твоего приятеля нужно ликвидировать. Рисковать мы не можем.

– Вы не поняли меня. Это не просто шеренговый из сотни Варта. Это человек из Абвера. Тот самый, про кого я вам докладывала.

– Коваль? Вот этот сопливый юнец? – спросил полковник Стерненко.

– Никакой он не юнец, товарищ полковник. А что выглядит молодо, то и я ведь не старуха.

– С чего ты взяла, что Коваль из Абвера?

– Владислав Коваленко. Под этим именем он прибыл в Ровно. Коваль это его псевдо в сотне Ястреба.

Стерненко посмотрел на Лурье. Они уже знали, что в Ровно прибыл высокопоставленный офицер Абвера и с ним его люди. И если журналистка права, то один из них у них в отряде.

– С чего ты взяла, что он из Абвера, Елена? – повторил вопрос командира майор Лурье. – С чего ты так в этом уверена?

– Коваленко прибыл ко мне в Ровно от Проводника. Сам Проводник из Центрального провода ОУН рекомендовал его через «Лесника».

– Лесник? – спросил Стерненко. – Лесник это тот самый советник по восточному вопросу?

– Да. Очевидно, что он. Но самого Лесника я не знаю.

– А Коваль его знает?

Музыка пожала плечами.

Лурье сказал:

– Про этого Лесника еще в 1941 году много говорили. Но в лицо его никто не знает! И если твой Коваль с ним связан, то он нам нужен!

Стерненко спросил:

– И этот Коваленко благодаря тебе пристроился в сотне Ястреба?

– Да. Я помогла ему добраться до Ястреба.

– А если он простая мелкая сошка? – спросил Стерненко. – Может его нам для того и подставили. Как он попал к капитану Шаинскому?

Елена ответила:

– Когда меня похитили поляки, он пришел меня выручать.

Вернее он явился спасать Елену Музыку.

– А зачем Абверу Музыка?

– Он пришел за мной по поручению Ястреба. Музыка нужна Ястребу, но не Абверу. А Абверу нужен Ястреб. Поэтому я и настаивала, чтобы Коваленко просто отпустили.

– А как вы с Ковалем сбежали от поляков Шаинского? – Стерненко задал главный вопрос.

– Я и сама мало что поняла. Шаинский просто приказал своим людям уйти.

– Как это так?

– Я не знаю. Но поляки стали уходить. И на момент когда Коваль меня вытащил, в Вишневом были только заслоны. Основные силы ушли.

Стерненко задумался. Пока ничего не было понятно. Какова цель похищения Музыки, если ей вдруг дали свободно уйти?

– Так вы с ним сбежали, Елена? Или вам дали уйти? – спросил командир.

– Похоже, что нам просто дали уйти. Хотя Коваль нашел выход из сарая, где нас держали, и помог выбраться мне. Мы с ним сбежали в лес, когда вы нас обнаружили, майор Лурье.

Лурье высказал мысль, что нужно допросить Ковалья. Стерненко был согласен.

– Мы все равно уже взяли его. Ничего не произойдет, если

он ответит нам на несколько вопросов...

* * *

Роман Лавров не был уверен, что его захватили советские партизаны. Вполне могло оказаться, что это проверка. И само похищение Музыкаки могло быть спланировано заранее самим Ястребом.

Украинские националисты часто выдают себя за советских партизан. И наоборот советские партизаны прикидываются отрядами УПА. Олена Музыка была прочно связана с ОУН. И с чего советскому отряду заниматься её спасением? Они хотят знать, действительно ли он из Абвера и нет ли у него иного «хозяина». А может быть, что это провокация Лайдеюсера. Лавров не мог исключить ничего.

Его привели на допрос в землянку, где находился офицер, который представился комиссаром отряда.

– Ваша фамилия Коваленко? – спросил Лурье.

– Да. Я Коваленко Владислав Иванович. Месяц назад поступил шеренговым в отряд «Варта», которым командует сотенный Ястреб.

– Эти сведения для нас уже не новость, товарищ Коваленко.

– А что вы хотите знать, товарищ комиссар?

– Откуда вы прибыли в Ровно?

Лавров выдал версию, которой его снабдили в Абвере.

Он был военнотружущим Красной Армии. Затем попал в плен и был направлен в Квитчаны в лагерь для военнопленных. Оттуда выбрался, ибо дал согласие служить во вспомогательной полиции.

– И вы захотели служить у немцев? – спросил Лурье.

– Нет. Я просто хотел выбраться из лагеря. Там меня ждала верная смерть.

– И вы решили спасти свою жизнь?

– А что толку в моей смерти?

– И ради жизни вы пошли служить к немцам, Коваленко?

– У немцев? Я стал рядовым бойцом отряда «Перша варта», который воюет с немцами.

– Номинально воюет.

– Почему же номинально? За голову сотника Ястреба назначена награда. И она совсем не номинальная – 10 тысяч рейхсмарок. Состояние по нынешним временам. И назначена она немцами.

– Но в последнее время ОНУ-УПА начинают менять тактику. И стычки наших партизан с партизанами УПА случаются все чаще, товарищ Коваленко.

– Я маленький человек и почти ничего не смыслю в политике, товарищ комиссар.

– Так ли это, товарищ Коваленко? Вы производите впечатление умного человека. И образованного. Ваше звание в Красной Армии?

– Сержант.

– Подразделение в котором вы служили?

– 137-й стрелковый полк. Рота разведки.

– Разведка?

– Да. Скажите мне, товарищ комиссар. Зачем я вам?

– Нам хочется знать правду, товарищ Коваленко. А вы упорно не желаете её говорить.

– Но я вам сказал правду, товарищ комиссар.

– Коваленко! Вы прибыли в город Ровно месяц назад.

– Да.

– И вы добивались встречи с руководством ОУН?

– С чего вы взяли, товарищ комиссар?

Лурье продолжил, не обратив внимания на вопрос Коваленко.

– Вы добились встречи с представителем центрального провода ОУН. И по рекомендации стали бойцом подразделения Варта. Вы ведь не станете этого отрицать?

– Нет.

– А зачем вам Варта? Только не стоит повторяться, что ваша цель— борьба с немецкими оккупантами.

– Но почему это не может быть моей целью?

– Вы могли искать связи не с УПА, но с советскими партизанами. Почему не искали? Вы ведь бывший военнослужащий Красной Армии.

– А приказ 227⁶⁰? Его пока в Красной Армии ничто не

---

⁶⁰ Приказ Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 года № 227 («Ни шагу назад!») – приказ, повышающий дисциплину в Красной Ар-

отменял, – сказал Коваленко.

– Значит ваша цель – борьба с немцами? Я верно вас понял?

– Именно так, товарищ комиссар.

– Я ведь могу в ближайшие две недели отправить вас в Москву. И там вы скажете все.

– В Москву?

– Да. И в подвалах Лубянки вам смогут развязать язык...

* * *

Гелена Вакульска прибыла из Ровно в отряд «Молот» через надежный «маяк». Сведения у неё были срочные, и ждать она не могла. В Ровно снова прибыл рейхскомиссар Украины Эрих Кох.

Вакульска узнала, что Кох прибыл не просто так. Его целью была показательная акция против партизан. Кох вызвал к себе командующего карательными отрядами генерала Ильгена.

Связник пан Полищук был торговым представителем Антиквара в ряде населенных пунктов и основную торговлю вел в Здолбунове.

мии, запрещающий отход войск без приказа, введивший формирование штрафных подразделений из числа провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости – штрафные батальоны в составе фронтов и штрафные роты в составе армий, а также заградительные отряды в составе армий.

– Ильгену поручено ликвидировать отряд «Молот», – сообщил Полищук. – У вас есть здесь карта?

– Да.

– Я хочу показать.

Гелена развернула карту на столе.

– Вот здесь! – Полищук показал место. – Есть пути отхода для отряда Молот. Один и второй.

– И что? Мне это ни о чем не говорит, пан Полищук.

– Так люди Молота уже трижды уходили от немцев. Но на этот раз все будет по-другому.

– Почему?

– В отряде у Стерненко предатели.

– Предатели? Этого не может быть. Будь у Стерненко предатели, меня уже взяли бы в гестапо.

– В последний месяц в гестапо города Ровно работает штурмбаннфюрер Вильке. И заброска агентов к Молоту его идея. Они там не более двух-трех недель. Прибыли в составе недавнего пополнения.

Вакульска вздохнула с облегчением. Тогда её предатели знать не могли.

– Но в последние недели в отряд Стерненко влилось больше 50-ти человек.

– И враги среди них. Они и вывели все о путях отступления. Потому Стерненко нужно срочно готовить новые пути отхода, дабы не попасть в засаду.

– И когда готовится акция? – спросила Вакульска.

– Скоро. Ильген затребовал себе крупные силы, которые увеличат его отряды до двух с половиной тысяч бойцов.

– Что за подразделения?

Полищук назвал.

– Вам нужно срочно передать эти сведения в отряд Стерненко.

– Я сделаю закладку, – сказала Вакульска.

– Нет, – покачал головой Полищук. – Слишком долго. Вам нужно лично отправиться в отряд, пани Гелена.

– У меня приказ делать это только в случае крайней необходимости.

– Сейчас как раз такой момент, пани Гелена!

– Хорошо. Я выполню приказ!

– Я дам вам выход на срочный «маяк». Вас быстро доставят в отряд. Торопитесь, пани Гелена. Времени мало!

* * *

И вот она в отряде у Стерненко.

Гелена доложила и потребовала срочного свидания с полковником. Но командир взвода лейтенант Носков сказал, что сейчас товарищ Стерненко её не примет.

– У меня срочное дело! – сказала она.

– У командира также дело срочное!

– Вы меня не поняли, товарищ лейтенант. Я проделала дальний путь чтобы...

– Я все понимаю, но придется подождать. Прошу вас, пани. Обождите здесь.

Гелена Вакульска пошла в избу и встретила Олену Музыку.

– Пани Музыка? – спросила она.

– Пани Вакульска?

– Вы в отряде, пани Музыка?

– Так сложились обстоятельства, пани Гелена.

– Так это вы и есть то самое срочное дело?

– Вы про что, пани Гелена?

Вакульска ответила:

– Меня не пустили к командиру отряда. Это связано с вами?

– Не сколько со мной, сколько с одним человеком, который был сюда доставлен вместе со мной, пани Гелена.

– У меня не так много времени, пани Музыка. Срочные сведения, которые нужно передать командиру. Я даже не могла доверить это курьеру.

– Это связано с возвращением Коха в Ровно?

– И это тоже, пани Музыка. Но что за человек сейчас у командира?

– Человек из УПА.

– Из УПА? Снова контакты с УПА? И есть санкция Москвы?

– Вы не поняли, пани Гелена. Этого пана захватили люди Стерненко. Он не ведет никаких переговоров. Да и в УПА

этот человек совсем недавно. Он и в Ровно всего месяц как прибыл.

– Месяц? – заинтересовалась Вакульска.

– Да, а что?

– Могу я посмотреть на него? – спросила Гелена.

– Зачем?

– Месяц назад в городе появился тайный резидент Абвера. Это сведения нашей агентурной сети.

– Но это простой шеренговый из отряда УПА.

– Но могу я увидеть его так, чтобы он меня не видел?

– Думаю, что это возможно...

* * *

Отряд «Молот».

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

Гелена Вакульска.

Пани Вакульска осталась со Стерненко наедине.

– Вы нарушили приказ, пани Гелена. Появляться в отряде вам можно только в самом крайнем случае. А этот случай – ваша эвакуация из Ровно.

– Для эвакуации оснований нет. Но для моего прихода сюда есть.

– Какое же это основание, пани?

– Приказ.

– Чей приказ?

– Антиквара. Мне передал его пан Полищук. И дал адрес запасного «маяка».

– Потому вы и настаивали на скорой встрече, пани Гелена?

– Я прибыла сюда лично, товарищ полковник. И не ради собственного удовольствия.

– Хорошо, пани. Говорите.

– Готовится карательная акция против вашего отряда. Это сведения от Антиквара. Мне их доставил его представитель в Здолбунове Полищук.

– Это вы уже говорили. Какими силами?

Вакульска доложила:

– Не менее шести батальонов.

– Кто командует?

– Генерал Ильген!

– Лично?

– Лично Ильген такими операциями не занимается. Только планирует. Карателей возглавит полковник Пипер. Но основные силы – это отряды Ильгена.

– Значит не немцы. У Ильгена немцев мало. Разное отребье из предателей.

– Будут и немцы. К частям генерала Ильгена добавят батальон фельдполиции.

Вакульска передала все, что было приказано передать по экспедиции в лес карателей. Показала на карте.

– На этот раз они будут использовать минометы и даже артиллерию.

– Нам встречать картелей не в первый раз.

– Но через предателей они знают пути отхода и готовят засады.

– Предателей?

– В вашем отряде были агенты гестапо. Как минимум двое.

– Это среди тех, кто присоединился к нам в течение последнего месяца? – спросил Стерненко.

– Да.

– Фамилии?

– Их Полищук не знает. Но эти люди наверняка уже дезертировали из отряда и потому вычислить агентов не так сложно.

– Хорошо. Я поговорю про это с Лурье.

– Отряд должен иметь запасной путь для отхода.

– Это я понял. Все? – спросил Стерненко.

– Нет.

– А что еще?

– Я пока ждала разговора с вами, товарищ полковник, узнала, что у вас гость в отряде.

Стерненко спросил:

– Вы про пани Елену?

– Нет. Я про спутника пани Елены Музыкаки.

– Это простой солдат из УПА.

– Нет, – возразила Вакульска.

– Что вы сказали, пани?

– Это не простой солдат, товарищ Стерненко! Я знаю этого человека. Мне дали его увидеть. И я узнала его. Он меня при этом не видел.

Полковник ждал, когда она продолжит.

– Это человек из НКГБ, – сказала Гелена.

– Что? – Стерненко никак не ожидал такого.

– Это человек Нольмана⁶¹.

– Нольмана?

– Да. И я не ошиблась. Это он.

– За ним стоит Общий Друг? – не поверил Стерненко. –

А чего же он не идет на контакт?

– Могу предположить, что он вам не поверил. Мог принять за отряд националистов. Ведь в УПА он недавно и его могут проверять.

– А вы не могли ошибиться, пани Вакульска?

– Нет. Этот человек еще осенью 1941 года заброшен к немцам.

– Можете поговорить с ним, пани? С нами на контакт он не пошел.

– Мне нельзя без приказа Общего Друга. Только с его санкции я могу себя выдать. Но вы можете сослаться на

---

⁶¹ Нольман Иван Артурович – старший майор государственной безопасности. Один из ведущих персонажей серии романов «Сотрудник Абвера: Вдова» («Вдова»: Хроника адской машины», «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе»).

Нольмана. Если произнесете его фамилию, то этот человек должен вам поверить.

– Останешься в отряде на ночь?

– Нет. Я должна быстро вернуться в Ровно! Моя группа нуждается во мне.

– А что случилось?

Гелена ответила:

– Шифровальщик и часовщик арестованы.

– Как? – Стерненко вскочил на ноги.

– Гестапо.

– И ты только сейчас это говоришь?

– Я рассказала вам, товарищ полковник обо всем по порядку.

– Но группа провалена! Вам нельзя возвращаться.

– Нет. Ни шифровальщик, ни часовщик, лично меня не знали.

– Как это возможно? Я не понимаю.

– Я в городе недавно и еще не успела лично встретиться со всеми. Так что мне пока ничего не грозит. Даже если шифровальщик и часовщик начнут говорить, на меня гестапо не выйдет.

– Но как они вообще вышли на запасную группу?

Вакульска ответила:

– Их новый начальник умный человек. Штурмбаннфюрер Фридрих Вильке. Я говорила, что «часовщик» работает неаккуратно.

– Вы про какого начальника говорите? Кто этот Вильке?

Гелена пояснила:

– В Ровно прибыл месяц назад штурмбаннфюрер Вильке. Ранее работал в СД города Харьков. А еще ранее в контрразведке «Восток». Хороший специалист и дознаватель каких мало. Очень опасен.

– Вы считаете, что его нужно убирать?

– И как можно быстрее, – сказала Гелена. – У Вильке слишком большие связи в контрразведке.

– Хорошо. Мне нужны сведения по нему.

– Я соберу все о его перемещениях за неделю. Хотя предварительные данные у меня есть и сейчас.

– Нужно проверить все точно.

– Я проверю.

– Убываете сразу?

– Да. Меня ждет проводник у «Камня».

– В отряд не приходите. Я пришлю «пастуха».

– Поняла. Буду ждать через неделю...

* * *

Отряд «Молот».

Сарненский лес.

Ноябрь, 1943 год.

Агент НКГБ.

Стерненко все рассказал Лурье.

Майора больше всего заинтересовали не предатели в отряде, а личность Ковалю, которого привела Музыка.

– И Гелена сказала, что он из НКГБ?

– Больше того. Это человек Нольмана. А ты знаешь, какие покровители у Ивана Артуровича.

– А не может быть такого, что Нольман прислал его к нам специально?

– Нет, – покачал головой Стерненко. – Прибыл этот Коваль не из Москвы. Это агентурная разведка.

– Но какого черта он молчит? Он же к своим попал. Мы офицеры НКВД.

– А ему это откуда известно? Он может думать, что мы банда националистов и его просто проверяем. Вот и ведет с нами игру.

– И что теперь? – спросил Лурье.

– Попробуем ключик под названием «Нольман». Давай его снова сюда, комиссар!

Коваленко привели.

– Давайте все начнем сначала, Владислав Иванович, – начал Лурье. – Наша первая встреча не задалась.

– Но я всё рассказал.

– Я ценю вашу осторожность, Владислав Иванович. Вы ведь не знаете точно кто мы. Возможно банда националистов. И только прикидываемся партизанами. Но мы действительно партизаны. Я майор НКВД Лурье. А вот перед вами полковник НКВД Стерненко. Мы с вами откровенны.

Коваленко ничего на это не ответил.

– Вы все равно нам не верите? – спросил Стерненко. – Но если я скажу, что работаю под началом Общего Друга?

Коваленко-Лавров и понятия не имел кто такой Общий Друг. Потому снова промолчал.

– Вы не знаете кто такой Общий Друг? Понимаю. Тогда я назову вам его фамилию.

– Вы думаете, что она мне известна?

– Думаю, что известна. Вы знаете старшего майора Нольмана? И комиссара госбезопасности 2-го ранга Максимова?

Коваленко вздохнул с облегчением. Это не ОУНовцы.

– Мне нужны подтверждения, – сказал он.

– Сегодня будет сеанс связи, и вы все получите, товарищ Коваленко. Если вам так угодно себя называть.

– Да мне угодно пока называться так. Могу я спросить?

– Да.

– Откуда вам известно, что я знаю Нольмана?

– Случайно, – сказал Стерненко.

– Таких случайностей в работе разведчика не бывает, – ответил Коваленко.

– Как выяснилось, бывают. Вас опознала женщина.

– Женщина?

– Она агент из Москвы.

– Она назвала мое имя и звание?

– Нет. Она только сказала, что вы знаете Нольмана. Раскрывать ваше имя она не имеет права. Но как мне предста-

вить вас старшему майору Нольману во время сеанса связи?
– Человек из Харькова. Старший майор все поймет...

* * *

Радиограммы:

«Молот – Общему Другу.

На контакт вышел Человек из Харькова. Жду указаний».

* * *

«Общий Друг – Молоту.

Откуда у вас в отряде Человек из Харькова? Срочно сообщите».

* * *

«Молот – Общему Другу.

Человек из Харькова прибыл в Ровно. Внедрился в отряд УПА «Первая стража» (Варта). Случайно попал в плен к нашим разведчикам. Его захватил майор Лурье. Запрашиваем полномочия на дальнейшие действия».

* * *

«Общий Друг – Молоту.

Человек их Харькова может открыться Молоту. Предоставить полный отчет его действий за истекший период, во время, которого связи с Человеком из Харькова не было. Все контакты Человек из Харькова должен осуществлять через Молота».

* * *

Коваленко прочитал радиограмму.

– Вы получили приказ, товарищ Коваленко.

– Да, товарищ полковник. Лейтенант государственной безопасности Роман Романович Лавров! Прибыл из расположения разведывательной школы Абвера Брайтенфурт.

– Брайтенфурт? – спросил Лурье.

– В Австрии.

– От кого получили задание и какого свойства? – спросил Стерненко.

– Мой непосредственный начальник майор Абвера Альфред Лайдеюсер. Сюда прибыл в составе группы.

– Сколько человек?

– Я знаю одного. Остальные мне неизвестны.

– Кого вы знаете?

– Ганс Корнер. Кличка «Waldwärter». «Лесник». Инструктор по радиоделу из абвершколы Брайтенфурт. В прошлом занимал высокое положение как специалист по восточному вопросу.

– В прошлом?

– Да. В 1941 году отстранен от работы за то, что представил проект будущей деятельности на Востоке, который не понравился руководству. Это так называемый проект «мягкой оккупации».

Стерненко и Лурье хорошо знали, что это такое.

– А теперь они решили пересмотреть свою политику на Востоке, – сказал Лурье.

– Наше с Корнером задание именно в этом. Контакты и связи с УПА и ОУН. Корнер-«Лесник» при посредничестве Елены Музыки помог мне внедриться в состав боевого отряда УПА «Первая стража» или «Варта».

– Вы знаете, где сейчас находится Корнер?

– Нет. Он больше не выходил со мной на контакт. А его нынешнее местоположение мне неизвестно.

– Как держите связь с Лайдеюсером?

– Связь идет только через Корнера. Но мне кажется, что и сам Лайдеюсер в Ровно.

Лурье возразил:

– Никто из высокопоставленных чинов Абвера в Ровно не появлялся.

– Думаю, что Лайдеюсер прибыл инкогнито. Я уверен, что он здесь, товарищи.

– Он вам не доверяет, лейтенант?

– До конца Лайдеюсер не верит никому. Но одна ниточка к нему у меня есть.

– Что за ниточка?

– Фридрих Вильке. Ранее они работали вместе.

– Вы про штурмбаннфюрера Вильке?

– Да. Я знаю его еще по Харькову.

– Что можете сказать о Вильке?

– Опытный следователь. Умен, расчетлив, осторожен. Хотя в последней операции Нольману удалось переиграть его.

– Переиграть? – удивился Лурье. – Но по моим сведениям он повышен в чине за успехи.

– Так думают немцы, товарищ майор.

Радиограммы:

«Молот – Общему Другу.

Человек из Харькова сообщает:

Работает под началом майора Абвера Альфреда Лайдеюсера.

Прибыл в Ровно из Брайтенфурт.

Задание: установление тесных контактов с ОУН-УПА. Для этой цели Человек из Харькова внедрен в подразделение УПА «Первая стража» (Варта).

Человек из Харькова сообщает что недавно прошел Третий высший сбор ОУН который принял постановление пе-

реориентировать все действия против советских партизан.

Перспектива: нарушение нормальной работы тыла Красной Армии. Разрушение тыловых коммуникаций, уничтожение военных складов Красной Армии. Вербовка населения в диверсионно-повстанческие отряды.

Дальняя перспектива: внедрение агентов ОУН в части Красной Армии для разложенческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности.

Политические проспекты: национальная агитация среди населения в целях подготовки восстания против Советской власти.

Руководители УПА: лидер ОУН – Лебедь (на период отсутствия Степана Бандеры), командир (главнокомандующий) УПА – генерал Савур».

* * *

«Общий Друг – Молоту.

Приказываю обеспечить переход «Человека из Харькова» обратно «по прежнему месту работы». Об исполнении доложить».

* * *

«Молот – Общему Другу.

«Человек из Харькова» убит по месту службы. Операция прикрытия проведена».

* * *

Глава 11

Нить к «Красной вдове»

Москва.

Ноябрь, 1943 год.

Управление НКГБ СССР.

Старший майор Нольман еще раз прочитал расшифрованное сообщение от полковника Стерненко.

Руководители УПА: лидер ОУН – Лебедь (на период отсутствия Степана Бандеры), командир (главнокомандующий) УПА – генерал Савур.

Нольман был осведомлен, что Степан Бандера был арестован в 1941 году и с сентября находился вместе со своими соратниками Ярославом Стецко и Владимиром Стахом в Берлине в тюрьме Александрплатц. Но впоследствии Бандеру перевели в концентрационный лагерь Заксенхаузен.

Нольман представил доклад комиссару государственной безопасности 2-го ранга Максимову.

– Значит вместо Бандеры Лебедь. Это лучше для нас.

– Не думаю, что это надолго, Владимир Иванович. Немцы скоро поймут, что им нужен именно Бандера.

– Что по линии нашей агентурной разведки, Иван Артурович?

– Бандера находится в Заксенхаузене. Там же содержатся

его жена и дочь. Он в спецблоке «Целленбау», где содержат важных заключенных.

– В «Целленбау» сидят личные враги Адольфа Гитлера. Но узники «Целленбау» получают помощь от международного Красного Креста.

– Я это и хотел сказать, Владимир Иванович. Условия его содержания хорошие и его в любой момент могут выпустить из заключения. Я даже уверен, что немцы скоро это сделают. И нам нужно дискредитировать Бандеру. Он должен выглядеть прислужником нацистов. Он не может быть жертвой и героем.

– Пока он в лагере Заксенхаузен, он не политическая фигура, Иван Артурович.

– Я бы позаботился об этом заранее, Владимир Иванович.

– Мы обдумаем это потом, Иван Артурович. Сейчас ближе к делу!

– Мы нашли Лаврова. Все складывается удачно, Владимир Иванович.

– Так ли все удачно, Иван Артурович? У меня есть большие сомнения на этот счет.

– Лавров вышел на связь, товарищ комиссар. Он прибыл в Ровно и работает в том направлении, что нам нужно. Разве это не удача?

– А не кажется тебе, что все слишком хорошо? – спросил Максимов. – Мне его появление в отряде Молота не совсем нравится.

– Не верите в удачу, Владимир Иванович?

– Против нас с той стороны снова играет Фридрих Вильке.

Не в игре с таким человеком верить в удачу.

– Мы уже переиграли Вильке и его шефа в прошлый раз!

В Харькове мы подсунули ему пустышку. Мы, а не он.

– А если сейчас он сделает нечто подобное с нами, Иван Артурович?

– Но Лавров работает не на Вильке. Он сотрудник майора Лайдеюсера.

– А если они связаны?

– Вильке и Лайдеюсер?

– Они могут быть в Ровно. Фридрих Вильке работает в службе СД города, а майор Абвера Лайдеюсер может инкогнито пребывать в том же Ровно.

– Лавров передал нам важную информацию. Последняя шифровка от Молота для нас весьма важна. Мы знаем какую стратегию приняли на своем съезде ОУНовцы.

Максимов махнул рукой.

– Для меня это совсем не стало новостью. Мы и ранее предполагали, что они станут действовать именно так. Скоро они столкнутся с нашим возвращением в Западные области Украины. Советская власть будет восстановлена! И ни на какие компромиссы с ОУН мы не пойдем!

– Но нам нужна информация по ОУН-УПА, Владимир Иванович. И Лавров тот, кто будет её давать.

– Я согласен с этим, если он не перевербован.

– Лавров? Нет. Он долгое время сидел без связи. Но я не верю в предательство Романа Лаврова. Хотя «списать» его нам всё равно придётся. Но время для этого еще не пришло.

Максимов сказал Нольману:

– Нам нужен план мероприятий по борьбе с УПА. И нужен уже сейчас. Мне об этом недавно говорил Меркулов! В следующем году мы освободим Украину от немцев. И это будет наш тыл, а не немецкий.

– Именно поэтому нам нужен Лавров, Владимир Иванович.

– Но нами сделана ставка на «Красную вдову». А твой лейтенант Лавров знает её в лицо. Вот что меня волнует больше всего.

– Красная вдова не имеет приказа идти на контакт с Лавровым лично, товарищ комиссар.

– Но они оба в Ровно. Внедрение «Красной вдовы» обошлось нам слишком дорого. Я не могу поставить её под удар. Она может рисковать только выполняя свое основное задание!

– Владимир Иванович, нами в Ровно отправлено три агента. Все с полномочиями. Гелена Вакульска в отряде Молот у Стерненко. Анна Гончаренко в группе «Антиквара». И, наконец, Ева Шрат, в канцелярии самого генерального комиссара. Никто кроме нас с вами не знает, кто из них «Красная вдова».

– «Красная вдова» обеспечивает основную операцию

«Крыса в норе». Это наш главный приоритет!

– Я это помню.

– Операция продумана тобой, Иван Артурович! Позиции Евы Шрат самые уязвимые. И как долго она сможет работать неизвестно.

– Вам не кажется надежной её легенда? – спросил Нольман.

– Операция по устранению настоящей Евы Шрат прошла не совсем чисто, Иван Артурович. А нам нужно чтобы все три девушки закрепились в Ровно! Немцы не должны узнать кто из них наш главный козырь в игре. Они не должны узнать, кто «Красная вдова»!

– Это знаем только мы с вами, Владимир Иванович, – повторил Нольман.

– Ты знаешь, Иван, что нам с тобой доверили, – Максимов прешел на «Ты». – И если мы не реализуем «Крысу в норе», то нам самим откажут в доверии. Делай выводы сам! Кстати, как долго Лаврова намерены держать в отряде Молота? Его место в составе Варты.

– Последняя радиограмма, которую я принес как раз об этом.

– Что там?

– Лавров-Коваленко-Коваль снова переправлен в отряд УПА «Перша Варта». И там его должны принять с почестями. Он ведь выполнил задачу и спас Елену Музыку.

– Вот еще одно внедрение, что сделано не слишком чисто.

– Вы о внедрении Елены Музыки? Но это инициатива полковника Стерненко и майора Лурье. И вы сами эту инициативу одобрили.

– Одобрил, Иван Артурович. Но тогда это была необходимость.

– Она хорошо справляется, Владимир Иванович...

* * *

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Микола Деркач.

Оберштурмфюрер Зергель давно завербовал Миколу Деркача в качестве агента. Деркач при советах был бухгалтером и памятью обладал феноменальной. Отчеты писал грамотно и помнил все выкладки и цифры, которые видел.

Зергель в первый раз столкнулся с ним еще в 1941 году, когда немцы заняли Ровно. На него показал один из добровольных осведомителей, который составил списки коммунистов, партийных и советских работников.

Тогда Деркача арестовали и доставили во временную тюрьму.

Зергель прочитал его личное дело, оставшееся в захваченном советском архиве. Затем вызвал на допрос.

– Ваша фамилия Деркач?

– Да, герр офицер, – на сносном немецком ответил бухгалтер.

– Штурмфюрер⁶² Зергель.

– Да, герр штурмфюрер. Я Деркач Микола Гнатович. Служил при советах бухгалтером в облсельхозпродукте.

– Коммунист?

– Точно так, герр штурмфюрер. Но все кто состоял на должности при советах – коммунисты.

– Значит вы коммунист не по призванию?

– Никак нет, герр офицер. Я, как и многие другие, делал карьеру. А ваш доносчик не постарался даже отделить идеальных коммунистов от простых служащих.

– Вы бухгалтер?

– Да. Имею способности к этому делу, герр штурмфюрер.

– А что вы можете сказать о большевиках города Ровно?

– О большевиках? А что о них говорить? Они были до вас.

Теперь вы реальность этого города.

– Но большевики оставили здесь в подполье своих агентов.

– Возможно, герр офицер. Но мне про это совсем ничего не известно.

– Совсем?

– Кто станет делиться со мной такой информацией? Я просчитывал рентабельность предприятий, составлял зар-

---

⁶² Штурмфюрер СС – лейтенант. Зергель был лейтенантом в 1941 году. Через год его повысили до обер-лейтенанта(оберштурмфюрера СС).

платные ведомости и многое другое. Но для вашего ведомства ничего интересного, герр штурмфюрер.

– А вот господин Утюгов пишет, что вы часто выступали на собраниях и говорили речи за «советскую власть и Сталина». Это правда? Или Утюгов врёт?

– Чистая правда, герр штурмфюрер. Но при советах речи говорили все. Мне доверяли делать доклады, и я их делал. И в каждой речи мы хвалили товарища Сталина. Да и сам Утюгов такие речи произносил.

– Но Утюгов не коммунист. Не большевик.

– Да, – согласился Деркач. – Его не приняли в кандидаты ВКП (б). Хотя заявление он подавал.

– Утюгов?

– Да.

– И его не приняли?

– Посчитали недостойным.

– А он этот факт утаил от меня. Никогда не упоминал, что он хотел стать большевиком. Но с ним я стану говорить потом, герр Деркач. Сейчас мне нужно знать, что делать с вами?

– Но разве я в чем-то виноват против новой власти, герр офицер? Я ничего не сделал.

– Но вы большевик.

– Я состоял в ВКП (б) и только.

– Этого достаточно, чтобы считать вас врагом рейха и отправить на виселицу.

– Но если вы отправите всех задержанных по доносу Утюгова, то с кем останетесь? Он записал всех умных людей Ровно. И среди них нет убежденных врагов Германии. Вот в вашем списке есть бывший председатель колхоза «Колос» Вакуленко. Я хорошо его знаю. Отличный хозяйственник и руководитель. Он умеет держать людей, что находятся под его командой, в повиновении. А Утюгов рекомендует его расстрелять. Но разве вам не нужен тот, кто сможет руководить «Колосом»?

– А что вы скажете про самого Утюгова?

– Если вам нужен доносчик, то он подойдет. Продаст даже родную маму. Но если агент, то нет. Утюгов слишком ограничен. Пользы от него не будет никакой.

– А что, по вашему, нужно агенту?

– Доверие. Доверие тех с кем он будет общаться. Утюгову же никто не поверит.

Так Деркач стал работать на Зергеля.

* * *

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Обер-лейтенант Зергель.

Управление службы СД.

Утром 23-го ноября 1943 года Деркач был в кабинете у Зергеля.

– Ваш приказ выполнен, герр оберштурмфюрер.

– Вы отследили набор хирургического инструмента?

– Так точно! Как вы и приказали, герр оберштурмфюрер.

Набор был куплен у пана Гнатюка коммерсантом Дмитревским. И Гнатюк нажил на этом наборе по меньшей мере сто рейсмарок.

– Кто такой этот Дмитревский?

– Владелец комиссионного магазина, как и Гнатюк. Но его магазин не в Ровно, а в Луцке. Сюда он часто ездит по делам торговли.

– И что за ним есть?

– Ничего, герр Зергель.

– Совсем ничего?

– Вы знаете, что я напрасно на людей не наговариваю, герр оберштурмфюрер.

– Значит, он чист?

– Этого я также не сказал, герр Зергель. Он купил инструменты с целью перепродажи. Это естественно, ибо набор действительно отличный. Но, возможно, что Дмитревский приобрел его для партизанского отряда, где оборудована больница. Но и это не делает Дмитревского большевиком. Он коммерсант и его интересует прибыль, как и пана Гнатюка.

– Мне нужны контакты этого коммерсанта. А запрос в Луцк я сделаю сам.

– Приставить к нему «ноги»?

– Если у вас найдется толковый агент для этого, Деркач.

– Найдется человек, который за десять рейхсмарок и полкило сала сделает все что нужно.

– Вот и займитесь этим, пан Деркач.

Агент покинул кабинет Зергеля и оберштурмфюрер принялся составлять запрос в Луцкое гестапо.

Ответ он получил через два дня. Оказалось, что у господина Дмитревского действительно есть комиссионный магазин в Луцке. И торговлю он ведет крупную...

* * *

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Микола Деркач.

25 ноября Деркач сделал доклад.

– Согласно вашему приказу, герр Зергель, мы отследили контакты пана Дмитревского.

– Есть что-то интересное?

– В большинстве это обычные контакты коммерсанта. Но есть один адрес, который вызвал интерес.

– И что это за адрес?

– Дмитревский посещает некую Марию Куценко. Она модистка. И в городе довольно известна.

– Посещает?

– Да. Он бывает на квартире у Куценко регулярно. По словам соседей Куценко.

– Она молода?

– Молода и довольно красива.

– Вот вам и ответ на частые посещения пана Дмитревского. Богатый коммерсант посещает красивую женщину. Неужели, пан Деркач, вам непонятно зачем? – с усмешкой спросил Зергель.

– Именно на такой вывод они и рассчитывают, герр оберштурмфюрер. И я так подумал и даже хотел прекратить слежку.

– Но вас что-то насторожило, герр Деркач?

– Я подумал, что это идеальное прикрытие для передачи сведений.

– Возможно. Но нужны факты, пан Деркач. Это всего лишь версия. Но нужно нечто большее, чем версия.

– Я провел небольшое расследование, герр Зергель. Я собрал список клиентов Марии Куценко.

Он подал несколько листков с Зергелю. Тот просмотрел списки.

– И что? Здесь сотня фамилий!

– Но обратите внимание на фамилии подчеркнутые красным.

Зергель посмотрел, но снова ничего не понял.

– И что?

Деркач пояснил:

– 20-го сентября пан Дмитревский посетил пани Куценко. А 21-го она отменяет прием для примерки платья жены начальника вспомогательной полиции. 29 сентября – снова Дмитревский посещает пани Куценко. 30 сентября пани не ведет приема, и на двери было объявление, что прием господ заказчиков переносится. 3 ноября уже в вечернее время Дмитревский приходит на квартиру Куценко. А 4 ноября она снова исчезает из своей квартиры.

Зергель задумался над словами Деркача. А ведь похоже на то, что пани Мария посещает партизан и передает им сведения, полученные от коммерсанта Дмитревского.

– Но и это еще не все, герр Зергель, – самое ценное Деркач приберег под конец доклада. – Пани Симона Чиж убирается в квартире Марии Куценко. Та дает ей заработать и тем она кормит четверых детей. И вот эта самая пани Чиж утверждает, что видала в квартире пани Марии футляр, изображенный на этом снимке.

Зергель узнал набор медицинских инструментов, который был продан Гнатюком.

– А вот это уже кое-что, Деркач!

– Если Дмитревский передал набор Куценко, то она могла переправить его к партизанам. Ведь Мария Куценко не спекулянт. Она модистка и не торгует медицинскими инструментами...

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Зергель.

Оберштурмфюрер Зергель прибыл к своему шефу утром 26 ноября 1943 года для доклада об успехах в поисках ниточки к партизанам.

Он не был слишком успешным в своем деле, и его продвижение по службе шло весьма медленно. Зергель не имел хорошего образования как Вильке и родился в рабочей окраине Берлина. Детство и юность его прошли в бедности и нужде. Некоторые из его приятелей еще в 20-е годы примкнули к национал-социалистам⁶³. Поначалу он совершенно не принял идей Адольфа Гитлера и ему нравились лозунги коммуниста Тельмана⁶⁴. Он проникся идеями пролетарского единства, ненавидел богачей и капиталистов, шагал по улицам в красном флаге. Зергель даже принимал участие в уличных

---

⁶³ Национал-социализм (нем. Nationalsozialismus), более известный как нацизм, – тоталитарная ультраправая идеология, являющаяся формой фашизма с элементами расизма и антисемитизма. Официальная политическая идеология нацистской Германии.

⁶⁴ Тельман – лидер немецких коммунистов, один из главных политических оппонентов Гитлера.

драках и бился с людьми в коричневых рубашках⁶⁵.

Но в начале 30-х в Германии партия Гитлера стала чрезвычайно популярной. Коммунисты проиграли Гитлеру уличную войну. Зергель порвал с ними и даже сменил фамилию, дабы никто не связал его с теми, кого он поддерживал последние пять лет.

В 1931 году он стал национал-социалистом. Принимал участие в факельных шествиях по улицам Берлина. В 1932-ом году НСДАП⁶⁶ одержала убедительную победу на выборах. Гитлер стал рейхсканцлером и нацисты пришли к власти. На карьере Зергеля это тогда никак не сказалось. Хотя его приятели заняли определенные посты в низовой структуре нового административного аппарата. Зергель продолжал работать рабочим-клепальщиком на одном из заводов.

И вот наступил 1939 год. Пришла война. Зергель был мобилизован в вермахт, но старый приятель рекомендовал его в СС. И рабочий превратился в шуцмана в охране одного из концлагерей. И там ему удалось поймать удачу за хвост. Он смог предотвратить побег заключенных, и начальство его возвысило до шарфюрера СС⁶⁷. 1941-й год он встретил уже офицером в звании штурмфюрера⁶⁸.

---

⁶⁵ СА – штурмовые отряды Эрнеста Рема носили коричневые рубашки.

⁶⁶ НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP)).

⁶⁷ Шарфюрер СС – сержант.

⁶⁸ Штурмфюрер СС – лейтенант.

Но после 1941-го его продвижение замедлилось, и к 1943 году он продвинулся только на один чин – оберштурмфюрера⁶⁹ СС...

* * *

Зергель был доволен. Штурмбаннфюрер Вильке это сразу понял по его лицу.

– Герр штурмбаннфюрер!

– У вас хорошие новости, герр оберштурмфюрер?

– Да.

– Говорите!

– Комиссионный магазин Гнатыюка. Мой агент Деркач сообщил, что у Гнатыюка совсем недавно был куплен набор хирургического инструмента. Тот самый набор, герр Вильке!

– Кто покупатель? – спросил штурмбаннфюрер.

– Некий господин Дмитревский.

– Врач?

– Нет. Коммерсант.

– Коммерсант? Это легко проверить.

– Я приказал Деркачу его прощупать, – сказал Зергель.

– И что? Не тяните, Зергель!

– Как прикажете, герр штурмбаннфюрер. Как вы сказали, так я и сделал. Дмитревского никто не тронул. Только на-

---

⁶⁹ Оберштурмфюрер СС – обер-лейтенант.

блюдение.

– Куда он вас привел? – спросил Вильке.

– Мои люди провели его аккуратно. И он вывел нас на квартиру Марии Куценко. Ранее она в поле зрения гестапо никогда не попадала.

– Кто такая?

– Модистка. Шьёт на дому. Идеальное прикрытие для партизанского связного.

– Вы правы, Зергель. Однако этого недостаточно. Нужны улики. А они у вас есть?

– У меня есть нить, герр Вильке. И если вы разрешите, то я смогу заставить модистку говорить.

– Иными словами вы хотите её арестовать, Зергель?

– Да.

– И вы считаете, что это эффективно? Арестовать по подозрению?

– У нас есть методы, которые помогают развязать язык, герр штурмбаннфюрер.

– Я давно пытаюсь вам объяснить, Зергель, что метод грубой силы работает далеко не всегда. Под пыткой человек легко может себя оговорить. Иными словами дать вам то, что вы просите. Но разве это поможет найти красных разведчиков?

– Вы позволите говорить правду, герр штурмбаннфюрер?

– Всегда хотел этого, Зергель.

– Вас считают мягкотелым для этой работы.

– Нет, Зергель. Я совсем не мягкотелый. Я работаю на ре-

зультат, а не для того чтобы обмануть начальство. Я ищу того, кто действительно виноват. И потому я всегда добиваюсь результата.

– Значит, не трогать Марию Куценко?

– Не трогать. Но самое главное, чтобы она не поняла, что попала в поле зрения СД. Делать все нужно осторожно.

– Я так и приказал моим людям, герр штурмбаннфюрер. И, похоже, что господин Дмитревский оставил набор, купленный в магазине Гнатюка, Марии Куценко.

– Как вы это узнали? Про медицинский набор.

– Герр Деркач выяснил, что набор был в её квартире.

– Подробности, Зергель.

– Деркач представил фото медицинского набора госпоже Симоне Чиж. Она убирается в квартире Куценко. И Чиж показала, что видела этот набор в квартире Куценко.

– И что? – спросил Вильке. – Дмитревский, по вашим словам, посещает Марию Куценко. Дмитревский купил набор и посетил Куценко. Что такого, что набор был в квартире Куценко?

– Но набор медицинских инструментов был в квартире Марии Куценко когда самого Дмитревского там не было. Я это выяснил. Симона Чиж убирается в квартире, когда гостей у пани Куценко нет. Можно, конечно, предположить, что Дмитревский попросту забыл набор у своей любовницы. Но я сопоставил числа, герр Вильке. Пани Чиж видела набор спустя два дня после посещения Дмитревского. И если пред-

положить, что набор им забыт, то отчего он не вернулся за ним сам, или не прислал кого-то его забрать? Набор дорогой.

– А вот это уже важно, Зергель! Вы молодец! Я начинаю думать, что недооценил вас.

– Спасибо, герр Вильке.

– Возможно, у нас в руках ниточка к партизанскому отряду и к красному подполью города Ровно. Мне нужен список клиентов Марии Куценко.

– Тех, кому она шила? Их слишком много, герр штурмбаннфюрер.

– И что? Мне все равно нужен список. Уверен, что мы сможем просеять информацию и людей. Например, можно будет легко выделить тех, кто недавно прибыли в Ровно. А их будет не так много.

– Этот список уже есть, герр штурмбаннфюрер.

– Вот как? Хорошая работа, Зергель.

– В Ровно за последний месяц, из лиц, которые могут нас заинтересовать прибыло 32 человека.

– Мне нужны сведения по каждому.

– Они есть, герр штурмбаннфюрер. Я уже даже выделил несколько людей из списка.

– Вот как? И кто они?

– Самыми интересными на сегодняшний день являются: Микола Осадчий, Анна Гончаренко, и кригсхельферинен Ева Шрат.

– Шрат? Немка? – удивился Вильке.

– Прибыла сюда из Берлина.

– И что с ней не так?

– Она работает в канцелярии генерального комиссара Шёне.

– И что?

– Допущена к информации под грифом «секретно».

– Но если она работник канцелярии, то это естественно.

Отчего вы взяли её на подозрение, Зергель?

– Она не привлекла бы моего внимания. Но о ней нам сообщил адъютант Шёне майор фон Ранке.

– Ранке? Я знал одного фон Ранке в Харькове. Это ведь адъютант генерала фон Брауна убитого в 1941 году? Но он погиб.

– Это его младший брат, герр штурмбаннфюрер. И он сообщил, что фройлен Шрат опоздала к месту службы на неделю.

– Причина опоздания?

– Травма.

– Травма?

– Да, она получила её на вокзале и попала в госпиталь.

– Есть ли документы подтверждающие травму?

– Да. Документ есть. Подписан подполковником Рихманом из военно-медицинской службы.

– Погодите, Зергель, а это не тот Рихман, что попал в плен к партизанам?

– Именно, герр штурмбаннфюрер. Потому я и взял Шрат

на подозрение. Хотя пленение подполковника Рихмана произошло позже.

– Кто еще кроме Шрат? Какие фамилии вы назвали еще?

– Микола Осадчий. Этот связан с национальным подпольем в Ровно.

– С ОУН?

– Да. И он человек достаточно известный. Наши люди наблюдали за ним. Он встретился со многими видными националистами. Хотя сам Осадчий и не особенно скрывал свои контакты.

– Сейчас меня больше волнуют большевики, Зергель. Кто еще?

– Анна Гончаренко. Это племянница известного торговца Гнатюка.

– Владельца комиссионного магазина? Того самого что продал набор медицинских инструментов?

– Да. Зафиксировано три встречи Анны Гончаренко с Марией Куценко.

Вильке подумал, что линия перспективная: коммерсант Дмитревский – модистка Куценко – Анна Гончаренко. Набор медицинских инструментов, сброшенный им, сработал.

– Этот вариант самый перспективный, Зергель. И все силы стоит бросить на него. Мне через неделю докладывать оберфюреру. И мне нужен результат! Все направления мы не охватим.

– Но у меня есть еще много фамилий.

– Оставьте список. Я посмотрю его сегодня вечером.

Но разрабатывать мы будем Анну Гончаренко. Зергель, мне нужна вся информация по ней, которую можно достать.

– Я вас понял, штурмбаннфюрер. А что насчет Шрат?

– Пока только наблюдение.

– А запрос в Берлин?

– Сделайте. Но лучшие агенты должны заняться Анной Гончаренко и магазином её дяди. Скажите, Зергель, вы ведь давно служите в гестапо Ровно?

– С осени 1941 года, герр штурмбаннфюрер.

– И магазин Гнатыюка никогда не попадал в поле вашего зрения?

– Нет.

– Почему?

– Но у Гнатыюка богатая торговля. Он не большевик. Он торговец и весьма успешный.

– И это мешает ему быть большевиком?

– Большевики и торговля?

– Это отличное прикрытие для шпионской сети. Деньги, продукты питания, вещи, которые есть у него, хорошо могут облегчить работу разведчиков.

– Я вас понял, герр штурмбаннфюрер!

– Но главное сейчас Анна Гончаренко.

– Вы вот так сразу её выделите?

Вильке ответил:

– Если Гнатюк красный агент, то его «племянница» могла прибыть сюда из Москвы...

Глава 12

Пуля для штурмбаннфюрера

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Фридрих Вильке.

Вечером Вильке ушел со службы. Все документы, с которыми он работал, пришлось запереть в сейф. По приказу оберфюрера Танцмана выносить документы из здания запрещалось.

Вильке сел в машину, хотя любил пешие прогулки, и до его квартиры было недалеко. Но это также был приказ Танцмана. Шофер и охранник постоянно должны были сопровождать штурмбаннфюрера.

– Домой! – приказал Вильке.

Но не успел он захлопнуть дверцу авто, как его окликнул капитан со знаками медицинской службы.

– Герр штурмбаннфюрер!

Вильке снова вышел из машины. Он сразу узнал Лайдеюсера. Но майор Абвера все еще изображал из себя капитана медика.

– Как? Это вы, капитан?

– Я. Жду вас здесь.

– Ждете? Зачем?

– Хочу пригласить вас в казино. Нынешний вечер стоит провести в хорошей компании, герр штурмбаннфюрер.

– Пожалуй, – согласился Вильке. – Прошу вас в мою машину.

– Не стоит, штурмбаннфюрер. Давайте прогуляемся. Ровно городок совсем не такой большой как Харьков.

– Я готов.

– Отпустите своего шофера и конвоира. Я на этот вечер стану вашим охранником.

Вильке повернулся к шоферу:

– Вы свободны, Иоганн. Сегодня машина мне не нужна.

Водитель возразил:

– Но герр штурмбаннфюрер, есть приказ оберфюрера Танцмана.

– Я иду не один, а с капитаном.

– Но ваше передвижение пешком по улицам Ровно в вечернее время...

– Иоганн! И вы, Шульц, подойдите! – Вильке позвал охранника.

Тот подошел к офицеру.

– Ваши функции, Шульц?

– Охранять вас, герр штурмбаннфюрер, – ответил солдат.

– Хорошо, вы знаете этого офицера? – Вильке показал на Лайдеусера.

– Никак нет, герр штурмбаннфюрер! – четко ответил солдат.

– Посмотрите на его руки! – приказал Вильке.

Солдат посмотрел и увидел в руке капитана-медика парабеллум.

Лайдеюсер усмехнулся и сказал:

– Я бы мог уже раз десять убить и вас, и водителя, и вашего штурмбаннфюрера.

– Теперь вам все ясно, Иоганн? – спросил Вильке. – Как вы могли подпустить на близкое расстояние ко мне незнакомого офицера? Этот вопрос касается и вас Шульц! Не можете ответить? Именно так красный диверсант и убивает немецких офицеров на улицах Ровно. А сейчас я повторяю мой приказ – вы свободны на сегодняшний вечер!

– Слушаю, герр штурмбаннфюрер! – ответил водитель.

К машине подошел офицер СД гауптштурмфюрер Хониман из криминального отдела. Вильке мало его знал, но они встречались на совещаниях у Танцмана.

– Простите меня, герр штурмбаннфюрер. Но я услышал невольно ваш разговор.

– Что такое, герр гауптштурмфюрер? – не понял его Вильке.

– Я невольно слышал ваш разговор. По поводу машины.

– А что такое?

– Моя машина снова в ремонте, герр штурмбаннфюрер. И поскольку вам не нужна ваша, могу я воспользоваться вашим «опель-адмиралом»? Только на сегодняшний вечер.

– Извольте, герр гауптштурмфюрер. Иоганн, на сегодня

вы поступаете в распоряжение гауптштурмфюрера Хонимана.

– Да, герр штурмбаннфюрер!

Вильке отдал честь, Хониману, приложив руку к козырьку фуражки.

– Идемте, капитан, – обратился Вильке к офицеру медику.

Когда они скрылись за углом дома, Вильке спросил Лайдеюсера:

– Что-то случилось?

– Да. Не просто так я появился у стен вашего учреждения, штурмбаннфюрер.

– И что же случилось?

– Вы обещали мне не мешать, а помогать, герр Вильке.

– А разве я мешаю?

– За моим человеком установлена слежка.

– За вашим?

– Осадчий Микола у вас в разработке? – спросил Лайдеюсер.

– Осадчий? Мне только сегодня назвали это имя. Но пока я не брался за него.

– Но за ним следят! И следят агенты гестапо.

– Это работает мой заместитель Зергель. Я отдам приказ не следить за Осадчим, раз он работает на вас, герр Лайдеюсер.

– Это мой человек, герр Вильке.

– Этот человек русский?

– Он немец, герр Вильке. Это агент Абвера Ганс Корнер. Waldwärter⁷⁰.

– Waldwärter? Это он? Осадчий?

– Да. Это «Лесник». И мне важно чтобы ваши люди, герр штурмбаннфюрер, оставили его в покое.

– Я и не собирался разрабатывать Осадчего в ближайшее время, герр Лайдеюсер. Да и если бы я знал кто он, то сразу прекратил бы разработку.

– Вы ищите выход на подполье?

– Мне нужен результат, герр Лайдеюсер.

– А его нет?

– Я начал разматывать «клубок», но меня постоянно то-ропят. Как всегда не хватает времени и приходится работать грубыми методами. А что у вас?

– Пока все идет по плану. И, похоже, что в Берлине при-слушались к моим словам.

– Вы по поводу ОУН? Так обстановка на фронте и взятие Киева большевиками тому способствует. Это понятно, что в следующем году нам придется покинуть Ровно. И оставить в здешних лесах силу, которая будет сражаться после нашего ухода, выгодно Берлину. Даже есть план сформировать под-разделение из местных добровольцев.

– В Ровно? – удивился Лайдеюсер.

– Нет. Во Львове. Но пока это на уровне разговоров.

– Не думаю, что это хорошая идея. УПА уже существует и

---

⁷⁰ Waldwärter (нем.) – «Лесник».

УПА станет той силой, что окажет существенное сопротивление большевикам.

– В здешних местах есть и польские партизаны.

– Поляки так сражаться не умеют. И если искать силу против большевиков, то это именно УПА. Но нам нужно позаботиться о вооружении и снабжении этой силы.

– Сам рейхскомиссар Кох ныне изменил свое отношение к украинским националистам. Мой шеф говорил про это на последнем совещании.

– Однако у нас есть конкуренты, герр Вильке. Собственно ради этого я и напросился на встречу с вами.

– А нам дадут поговорить в офицерском казино, герр Лайдеюсер?

– Да. У меня есть возможности, и мы совместим приятное с полезным. Слушать нас не будут.

– Вот как?

– У них имеется хороший коньяк. А судя по вашему виду, вы нуждаетесь в выпивке, герр Вильке.

– Вы правы. Слишком много работы. Так что вы говорили о конкурентах?

– Советы также обратили внимание на УПА и на ОУН.

– Это неудивительно. Они скоро будут здесь и не могут не обратить на это внимания. Я думаю, что они станут вербовать агентуру среди местных и засылать сюда опытных агентов из Москвы.

– Именно так они и делают, герр Вильке. Вы помните

«Вдову»?

– Еще бы мне не помнить «Вдову»⁷¹, герр Лайдеюсер. Ведь это я уступил её вам осенью 1941 года. «Фрау Марта» работала виртуозно. Я скажу вам правду, что всегда ей восхищался. Но что толку вспоминать, если она у красных.

– Красные имеют чувство юмора, герр штурмбаннфюрер.

– Вот как? И в чем оно выражается? – спросил Вильке.

– Они прислали к нам агента под именем «Красная вдова».

– Вы шутите, Лайдеюсер?

– Нет, – серьезно ответил майор Абвера. – В Ровно уже прибыл агент с таким именем. И мне необходима ваша помощь.

– Это сведения нашей агентурной разведки?

– Сведения, которые мне сообщил полковник Штольнэ из центрального аппарата Абвер-Ост адмирала Канариса⁷².

– Но вы уверены, что этот агент женщина?

– Думаю, что это так. Но полной уверенности у меня нет. Однако в Москве всем руководит наш старый знакомый Нольман Иван Артурович. Да. Да, герр Вильке. Тот самый Нольман, что противостоял нам с вами в 1941 году. И который переиграл нас в Харькове. И это стоило нам с вами на-

---

⁷¹ Агент «Вдова» или «Марта» один из центральных персонажей серии романов «Сотрудник Абвера: Вдова» («Вдова»: Метроном смерти», «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе»).

⁷² Вильгельм Канарис, адмирал, начальник Абвера.

ших постов и нашей карьеры.

– Стоит ли жалеть о карьере, герр Лайдеюсер? Эта карьера в рейхе скоро закончиться с падением самого рейха.

– Но потребность в разведке, герр Вильке, только возрастет после падения рейха. Можете мне поверить. И агенты, которых мы посадим здесь, еще понадобятся.

– Вы думаете?

– Уверен. И сейчас мы с вами не просто работаем ради победы рейха, которой не будет. Мы работаем ради нашего с вами будущего. После того как рейх рухнет мы сможем начать делать новую карьеру в иной структуре.

Вильке хорошо понимал Лайдеюсера...

* * *

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Офицерское казино.

В казино офицер СД штурмбаннфюрер Вильке и майор Абвера Лайдеюсер продолжили свой разговор.

– Вы хотите, чтобы я вам помог найти «Красную вдову»? – спросил Вильке.

– Найти? Я не уверен, что это можно сделать в отпущенный нам срок, герр Вильке.

– Неужели положение на фронте настолько плохо?

– Пока нет. Но через месяц-два станет плохо. Потому мне

и нужно торопиться, герр Вильке. Да и разве только это нависло над моей головой?

– А что еще?

– Вы же знаете, что положение адмирала Канариса стало шатким?

Вильке кивнул, он знал, что у Канариса слишком много врагов высшем руководстве рейха. Его падения ждали многие. Кальтенбрунер, Геринг, Гиммлер. А фюрер все чаще негативно отзывался о его работе.

– Падение Канариса затронет и вашего шефа полковника Штольнэ? – спросил Вильке Лайдебюсера.

– Да. Штоньэ также преследуют неудачи. Хотя адмирал пока вывел его из-под удара, переведя из Абвер-Вест в Абвер-Ост. Все же в Ост у Штольнэ были большие успехи. А в Вест полный провал.

– Он работал в Италии? – догадался Вильке.

– Именно так, герр Вильке. Потому мне нужна «Красная вдова».

Вильке подумал, что и ему неплохо бы подключиться к такой операции. Охота за «Красной вдовой» была весьма перспективной. Но вслух он сказал:

– Мой помощник обер-лейтенант⁷³ Зергель составил список людей, что прибыли в Ровно за последний месяц и среди них есть интересные женщины.

---

⁷³ Звание Зергеля в СС – оберштурмфюрер, что соответствует званию обер-лейтенанта (старшего лейтенанта) в вермахте.

– Вот как?

– Я не хочу сказать что «Красная вдова» среди них. Но как говорят русские: «Чем чёрт не шутит».

– Возможно, что к вашему списку стоит присмотреться, герр Вильке. Но сейчас я здесь совсем не поэтому.

– А что у вас случилось?

– Лавров, инструктор абвершколы в Брайтенфурт. Ныне он внедрен в отряд УПА «Варта».

– И что?

– Я знаю, что Лавров работает на ту сторону. Но у него в последнее время не было возможности выйти на контакт со своими хозяевами в Москве.

– И вы привезли его сюда?

– Именно.

– И вы хотите, чтобы Лавров наладил «контакт» с красными?

– Да. С Нольманом. Именно для этой цели я и спровоцировал инцидент с украинской журналисткой Еленой Музыкой. Она была захвачена польскими отрядом АК.

– Капитана Шаинского? Вы посвятили его в дело? Это большая ошибка!

– Шаинский ничего не знает. Его использовали втёмную. Я через моего человека всего лишь направил его по нужному следу. Вот и все.

– А кто ваш человек?

– Рядом с Шаинским?

– Да. Или это тайна Абвера?

– Нами еще в 1942 году завербован некий господин Ставинский. Он ныне в отряде Шаинского правая рука.

– И что Ставинский?

– Подцепил капитана Шаинского на приманку. Шаинский захватил Музыку. Мне это было нужно для одной цели, чтобы Ястреб отправил Лаврова-Коваленко к Шаинскому.

– Вы рисковали, Лайдеюсер.

– Но все получилось, герр Вильке.

– И зачем это?

– Я затеял игру, герр Вильке. Игру с Нольманом. И мне нужно чтобы Лавров вышел на связь с Москвой. И служба функ-абвера⁷⁴ зафиксировала работу лесного передатчика.

– Сообщение расшифровано?

– Нет. Но шифровальщики работают. Слишком сложный шифр пятизначная группа.

– Боюсь, когда они справятся со своей задачей, мы уже покинем Ровно, герр Лайдеюсер. Но это можно было сделать проще. Зачем такая сложная комбинация?

– По-другому нельзя. От Шаинского Лавров попал к красным партизанам. А уже через них связался с Москвой. Нольман не должен ничего заподозрить. Все прошло чисто.

– Думаете, связь установлена?

– Уверен! И контакты Лаврова с УПА под моим наблюдением.

---

⁷⁴ Функабвер – радиопеленгаторы, позволяющие установить источник радиосигнала.

нием.

– У вас в отряде «Варта» есть кто-то помимо Лаврова?

– Будет. И в этом мне нужна ваша помощь.

– Моя?

– Вместе с Лавровым у партизан оказалась и Елена Музыка.

– Журналистка из газеты «Волынь»?

– Да.

– Я слышал о ней, герр Лайдеюсер. Она пишет статьи вполне выгодные для нас. Фанатичка.

– Не думаю.

Вильке с посмотрел на Лайдеюсера:

– Что вы хотите сказать?

– Я не уверен, что она та, за кого себя выдает, герр Вильке. Я подозреваю, что Музыка связана с советскими партизанами. И последние события на хуторе Вишневый это только подтвердили.

– Вы хотите сказать, что вот так просто нашли агента партизан?

– Дело в том, что мне нужна Музыка для внедрения моего агента. И вот здесь мне понадобится ваша помощь, герр Вильке.

– А подробнее?

– Красные и ОУНовцы должны поверить, что Музыка агент гестапо. Ваш агент.

– Это можно устроить. Но какой смысл?

– Мой человек разоблачит Музыку. И войдет в доверие. Но нужна такая легенда чтобы все поверили в предательство Музыки. Её нужно «запачкать» так, чтобы и у красных и у националистов тени сомнения не осталось.

– Она была в партизанском отряде, как вы сказали, Лайдеюсер?

– Да, вместе с Лавровым.

– Что это за отряд? В Сарненских лесах недалеко от Ровно дислоцируются три советских отряда.

– Это так называемый отряд «Молот».

– Тогда я дам вам то, что вам нужно, майор. Вы знаете, что гаулейтер вернулся в Ровно?

– Нет.

– Так я вам это сообщаю. Кох вызвал к себе оберфюрера Танцмана и генерала Ильгена. Готовится картельная экспедиция против партизан на линии Ровно-Здолбуново. И отряд «Молот» в зоне интересов этой экспедиции.

– Кто командует и какими силами?

– Полковник Пипер. Две с половиной тысячи солдат с пушками и минометами, и несколько отрядов местной вспомогательной полиции.

– Не думаю, что от экспедиции будет толк.

– Я не об этом, герр Лайдеюсер. У нас есть точные сведения про отряд «Молот» от двух наших агентов.

– У вас агенты среди партизан?

– Они были внедрены не так давно. Дело в том, что пар-

тизаны в последние несколько месяцев особенно активны. И в постоянных стычках и диверсиях они стали терять людей и остро нуждались в пополнениях. Вербовку они ведут среди местного населения. И гестапо внедрило им двух человек. Они пробыли среди партизан месяц и у нас есть множество сведений о командовании и составе отряда.

– Вы предлагаете в качестве предателя вывести Елену Музыку? – догадался Лайдеюсер.

– Но ведь вам именно это нужно?

– Вы просто волшебник, герр Вильке. Такое может срабатывать. Особенно после того как отряд Пипера «пощиплет» «Молот».

– Я подготовлю такой компромат, что Музыка станет врагом номер один. Но вы понимаете, что после этого, её могут ликвидировать?

– И что? Мне нужно чтобы мой агент вошел в доверие!

– К советским партизанам или националистам?

– К националистам. Хотя и партизанам он может оказать услугу. И после того как вермахт покинет эти земли, мой агент займет достойное место.

– И кто будет этим агентом?

Лайдеюсер видел, что Вильке и сам догадался о ком пойдет речь...

Официантка извинилась и прервала разговор офицеров.

– Простите, герр штурмбаннфюрер, но вас просят подойти к телефону.

Вильке удивился, кому он мог понадобиться в такой час.

Он подошел к телефону.

– Вильке у аппарата!

– Герр штурмбаннфюрер?

– Да это я? Кто говорит?

– Зергель! Вы меня не узнали?

– У вас странный голос оберштурмфюрер. Что-то случилось?

– Да, герр штурмбаннфюрер. Взорвали вашу машину. Погибли шофер и офицер, который находился внутри. Мне вначале доложили, что убиты вы, герр Вильке. Я примчался на место убийства, и нашел там труп гауптштурмфюрера Хонимана.

– Я дал ему свою машину на вечер. Он сказал, что его собственная в ремонте.

– Они готовились убить вас, герр Вильке.

– Вы в управлении, Зергель?

– Да.

– Я скоро буду. Ждите меня на месте.

Вильке вернулся к Лайдеюсеру.

– Вынужден вас покинуть, герр майор.

– Что-то случилось?

– Покушение.

– Покушение? На генерального комиссара?

– Нет. На меня.

– На вас?

– Моя машина взорвана и в ней погиб гауптштурмфюрер Хониман. Тот самый, что просил у меня мой автомобиль и моего шофера. Так что наша беседа за коньяком спасла мне жизнь.

– Быстро они поняли, что вы представляете для них опасность. Могу я поехать с вами?

– Можете, но разве вы хотите открыть инкогнито?

– Нет. Но я сейчас капитан медицинской службы. Вы можете привлечь меня как специалиста. Я бы хотел осмотреть место преступления.

– Не думаю, что это хорошая идея. Вы привлечете слишком много внимания.

Лайдеюсер задумался и согласился с Вильке...

* * *

Ровно.

Ноябрь, 1943 год.

Управление службы СД.

Утром следующего дня Вильке был вызван в кабинет сво-

его шефа оберфюрера Танцмана.

– Вот и вам досталось, герр штурмбаннфюрер!

– Если быть точным, то досталось гауптштурмфюреру Хониману.

– Но охотились они не на Хонимана, а на вас, Вильке. Хониман давно в Ровно и никого его фигура не интересовала. А вот вы сразу привлекли их внимание. Что на месте?

– В машину бросили гранату, герр оберфюрер.

– Кто бросил?

– Этого пока выяснить не удалось. Автомобиль свернул на Шлосс-штарссе и там произошло покушение. Некий человек в пальто и кепке подскочил к машине и бросил гранату. Затем он исчез.

– Приметы? Есть хоть какие-то приметы.

– Примет никто не видел. Да и людей в этот час на улицах мало.

– Опрос жителей ближайших домов? Облаву провели?

– Зергель провел. Но это ничего не дало.

– Чёрт знает что такое. И Кох как назло в городе! Уже сегодня вызовет меня на разговор. Какие у вас мысли по поводу случившегося?

– Я иду в верном направлении, герр оберфюрер. И партизаны решили меня устранить.

– Но вы пока никак себя в городе не зарекомендовали. Не было громких арестов и казней связанных с вами, Вильке. Почему именно вы? Прибыли издалека. Где Харьков, а где

Ровно. С националистами дела не имели.

– Возможно из-за моей службы в контрразведке, герр оберфюрер.

– Что вы нашли?

– Ниточку.

– Всего лишь ниточку? Слишком медленно, Вильке. От меня требуют результатов. Мне ежедневно звонят из Берлина.

– Я понимаю, оберфюрер и могу вас заверить, что результат будет. Но мне нужны дополнительные полномочия.

– Они у вас будут! Идите!

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Вильке покинул кабинет начальника и отправился к себе.

Там его уже ждал Зергель.

– Герр штурмбаннфюрер!

– Что еще могло случиться, Зергель?

– Вы сегодня не ночевали дома!

– И что? – Вильке удивился. Он провел ночь после выезда на место взрыва в местном офицерском борделе. – Вы за мной следите?

– Никак нет, герр штурмбаннфюрер.

– Тогда отчего вас интересует, где я провел ночь?

– Это связано с вашей безопасностью. Мне передали приказ оберфюрера, что если с вами что-то случится...

– Но со мной ничего не случилось. Или в борделе тоже

работают красные диверсанты?

– В вашей квартире установлено взрывное устройство.

– Что?

– Мой агент, поставленный следить за вашей квартирой, заметил человека, который показался ему странным.

– И что?

– Я приказал открыть вашу квартиру. Простите, но времени на согласование с вами не было.

– И что?

– В вашей спальне под кроватью обнаружена мина английского производства. Должна была сработать, когда вы легли бы на кровать, герр штурмбаннфюрер. И потому мне нужно знать все, что было с вами ночью. После того как вы покинули место взрыва машины.

– Я был в борделе.

– Я это уже знаю. Но мне нужно знать, кто вас там видел и с кем вы общались.

– Вам нужно имя проститутки? Я его не помню.

– Не помните? Вы? С вашей памятью?

– Зергель! Вы устраиваете мне допрос?

– Нет, герр Вильке. Но партизаны, узнав, что в машине не вы, сразу устроили вам другую ловушку. А значит, сведения они могли получить через бордель.

– Возможно, но не закрывать же нам это заведение, которое пользуется в Ровно такой популярностью. Да и не думаю, что там вы хоть что-то найдете. Только время потратите.

– Но...

– Зергель! Мы будем работать над контактами Анны Гончаренко, и все силы бросим именно на неё.

– Герр Вильке, с чего вы взяли, что Гончаренко нас куда-то выведет?

– Для разведчика она самый перспективный вариант. Она племянница коммерсанта ведущего крупную торговлю по здешним меркам. И именно за эту ниточку стоит потянуть.

– Как прикажете, герр Вильке. Но ваша безопасность...

– Вы уже сделали доклад оберфюреру о mine в моей квартире, Зергель?

– Еще не успел.

– И не нужно.

– Но как же так, герр штурмбаннфюрер? Это нарушение...

– Я лично прошу вас об этом, Зергель. И все неприятности лягут на мою голову. Скажете, что исполняли мой приказ!

– Как угодно, герр Вильке...

Глава 13

Крыса в норе

Москва.

29 ноября, 1943 год.

Управление НКГБ СССР.

Площадь Дзержинского (Лубянская площадь до 1926 года).

Старший майор государственной безопасности Нольман получил шифровку и сразу отправился к комиссару госбезопасности 2-го ранга Максимову.

– Свершилось, Владимир Иванович.

– Судя по вашему лицу, Иван Артурович, все идет по плану?

– Вильке попал к нам на крючок. СД клюнуло на наживку. Они взяли в разработку Анну Гончаренко, и вышли на группу «Антиквара».

Максимов немного помолчал. Он не был уверен в правильности выбора. Может быть, он зря согласился на предложение Нольмана? Ведь высшее начальство они в курс дела не ввели.

Нольман его понял:

– Снова сомнения. Владимир Иванович?

– Антиквар работал безупречно, Иван Артурович. И если

хоть что-то пойдет не так, наши с вами головы полетят! Мы не поставили в известность Меркулова. А если он узнает из других источников? Что тогда будет?

– Но группа Антиквара в Ровно уже практически не нужна. Сейчас не 42-й год. Гестапо его не возьмет. Антиквар и его люди смогут уйти из Ровно к полковнику Стерненко в лес.

– Они готовы взять Анну Гончаренко? – Максимов посмотрел на Нольмана.

– Не думаю что так скоро.

– Но если он её возьмет сейчас?

– Вильке станет следить. Он должен быть уверен, что идет по следу центральной сети. Нам нужно подкинуть ему нечто важное.

– Что?

– На мелочь он не купится, товарищ комиссар госбезопасности. И если вы хотите ускорить дело, то ему нужно что-то дать.

– Что вы предлагаете, Иван Артурович?

– У меня есть идея, Владимир Иванович.

– Я даже боюсь предположить, что вы придумали.

– Сдать им Лаврова.

– Что это значит? – спросил Максимов.

– Мы уже привлекли его к работе. Пусть начинает. Лавров будет уверен, что снова выполняет мое задание.

– Вы предлагаете подставить Лаврова по-настоящему,

Иван Артурович?

– Именно.

– Но вы понимаете, что это значит для самого Лаврова? Если его возьмут, то поставят к стенке.

– Владимир Иванович, вам нужно в самом скором времени доложить наверх об успешном начале операции «Крыса в норе». А для этого Анна Гончаренко должна быть «завербована» службой СД.

– Это так.

– Для этого нам и нужно пожертвовать Лавровым. Как разведчик он свое отработал. Его можно «списать».

– И вам его совсем не жаль, Иван Артурович?

– Если бы мне было жаль агентов, то я никогда не добился бы успеха ни в одном деле, Владимир Иванович. Мы с вами на войне. Поймите, что иначе Анна не попадет в нору! А её должны «перевербовать». Это самая главная часть операции «Крыса в норе»!

– Значит, вывести Лаврова на Гончаренко?

– Именно так! И Вильке даже догадаться не должен, что это подставка! Он должен думать, что раскрутил клубок. А Вильке умен.

– Но что вы хотите поручить Лаврову?

– Ликвидацию.

– Что?

– Это заставит немцев и лидеров УПА действовать быстро. В этом случае медлить они не станут.

– И кого вы предлагаете поставить на «ликвидацию»?

– Генерала Боровца. Это должно стать основным заданием Лаврова.

– Дело сложное.

– Нам это не так важно, Владимир Иванович. Нам нужно чтобы он начал действовать. И сдать его нужно в подходящий момент!

Максимов задумался. Как он не любил эти многоходовки Нольмана. Но ранее старший майор его не подводил...

* * *

Максимов вспомнил прошлое. Стоит ли ему так доверять Нольману? Этот человек не останавливается ни перед чем. Он готов сдать Лаврова немцам ради внедрения «Крысы».

Хотя план Нольмана был хорош.

Лавров получит задание и начнет готовить ликвидацию генерала Боровца. Гончаренко попадёт к Вильке и «сдаст» ему весь расклад. Лаврова «спишут» сами немцы. И «Крыса» попадет в нору! А между группами Боровца и Бандеры будет вбит надежный клин противоречий!

* * *

Ровно.

Штаб генерального комиссара.

Декабрь 1943 год.

Гаулейтер Украины Кох убыл из Ровно после провала карательной акции полковника Пипера, и потому расширенное совещание проводил вместо него генеральный комиссар Эрих Шёне.

Штурмбаннфюрер Вильке прибыл на совещание, сопровождая своего шефа оберфюрера Танцмана.

– Генеральный комиссар будет говорить о нашей работе, Вильке. Вернее о наших неудачах.

– Но разве это только вина гестапо, оберфюрер? Провал карательной операции против партизан и гибель полковника Пипера результат плохой подготовки.

– А Шёне считает, что это наши недоработки. А провалы агентуры, а террористические акты на улицах города? Немецких офицеров просто убивают в нашем тылу! И гестапо не может обеспечить эффективную защиту.

– Я уже докладывал вам, оберфюрер, что работаю. У меня есть перспективная линия расследования и скоро в нашей сети будут многие красные диверсанты и агенты.

– Понимаю вас. Вильке. Но и вы поймите меня. Мне нужно хоть что-то дать генеральному комиссару уже сегодня. Если этого не произойдет, то в Берлин полетит отчет, что я не справился и меня отзовут...

* * *

В кабинете генерального комиссара собралось много людей. Это были представители службы СД, фельдполиции, комиссариата.

Эрих Шёне сделал свой доклад:

– Господа! Я сейчас заменяю рейхсокмиссара! Он покинул Ровно и он недоволен нашей работой! В сентябре 1943 года число нападений на важные для нас промышленные предприятия утроилось. Особенно чувствительно для нас уничтожение лесопилок. Возросло число нападений на железную дорогу. Банды из украинцев нападают на польские поселения. И приобретает это такие масштабы, что население многих польских сел массами снимается с мест. В Шепетовке банда националистов уничтожила склад. Нападения на наши полицейские силы зафиксированы в Горохове и Остроге. Общее руководство бандами находится в руках ОУН (Б) и явно координируется из единого центра. Но у главарей банд нет единства в отношении к большевистским партизанам. Некоторые считают их союзниками в борьбе с нами, а некоторые своим главным врагом.

Шёне посмотрел на Танцмана. Тот понимал, что всего говорить на этом расширенном совещании Шёне не может. Изменение отношения к ОУН широко не афишировались.

Шёне продолжил:

– Совсем недавно был захвачен в плен полковник Херц! Это последний вопиющий случай, господа. Пусть доложит герр Танцман, начальник службы СД в городе Ровно! Прошу вас, оберфюрер!

Танцман сказал:

– Полковник Андреас Херц из штаба группы войск направлялся в ставку. Но автомобиль полковника сломался в пути. Полковнику пришлось добираться до ближайшего населенного пункта на мотоцикле охраны. Это было село Колодно. Там он встретил 60 человек в немецкой военной форме и с немецким оружием, господа.

– Откуда у вас сведения, герр оберфюрер?

– Сведения сообщил унтер-офицер из охраны полковника Херца. Главарь банды прекрасно говорил по-немецки и сообщил полковнику, что он попал в руки украинской национальной армии, которая сражается за свободу Украины.

– И что вы предприняли, чтобы вернуть полковника, если он еще жив?

– Полковник Херц жив и скоро его доставят в Ровно, – заявил Танцман.

– Вы уверены, герр оберфюрер?

– Я привык отвечать за свои слова! В районе Колодно действует отряд УПА под командованием Ганса Грюнера. И он ранее служил в должности командира взвода в 32-ом полку в 6-й армии.

– Он немец? – спросили Танцмана.

– Да.

– И как же он попал к бандитам?

Танцман ответил:

– А господа разве не знают, что около двадцати немцев служит у партизан. И 15 из них среди красных партизан. И все они перешли на сторону врага добровольно.

– Может ли немец изменить фюреру? Ариец на это не способен! – сказал один из советников комиссариата.

– Может, герр советник, станет учить меня делать мою работу? Я готов послушать советника.

– Господа! – прервал разгоравшуюся ссору Шёне. – Хватит! Мы собрались для дела! Партизанские отряды активизировали свою деятельность в районах Кременец-Дубно-Костополь-Ровно. В соседней области партизаны захватили три районных сельскохозяйственных пункта. При этом погибло 12 немцев.

– Чем занимается гестапо? – вскричал советник экономики Кунерт. – В самом Ровно нельзя просто так выйти на улицу. А что говорить о провинции? Там вообще партизаны делают что хотят.

Советника поддержали многие чиновники рейхскомиссариата...

* * *

Танцман сказал Вильке после освещения.

– Вы все сами слышали, штурмбаннфюрер. И слышали кого они обвиняют во всем. Гестапо не работает. Вот их вывод. И уже сегодня в Берлин полетят доносы. И мне станет звонить рейхсфюрер.

– Я обещаю, что в самом скором времени у нас будет результат, герр оберфюрер.

– Скажите мне, Вильке, офицер, с которым вы встречались в казино ваш друг? – спросил Танцман.

– Офицер?

– Только не стоит изображать удивление. Я знаю кто этот медицинский капитан.

– Знаете?

– Майор Абвера Альфред Лайдеюсер.

– Майор в Ровно прибыл инкогнито и считает, что никто не знает о его присутствии здесь.

– Я все же оберфюрер СС, Вильке. И у меня также есть агентура и знакомые в Берлине. Но вы не ответили на вопрос. Он ваш друг?

– Я не могу сказать, что мы с Лайдеюсером друзья. Но мы работали с ним в 1941 и 1942 годах.

– Ради чего он здесь?

– Его интересуется ОУН и УПА, герр оберфюрер. И план его, насколько я понял, одобрен в Берлине.

– Пока еще нет. Сами знаете какие отношения сейчас между Канарисом и Гиммлером. И все это имеет влияние на отношения Абвера и СД. Потому я и спросил есть ли между

вами дружба.

– Мы не друзья. Только товарищи по работе в интересах рейха.

– Рейхсфюрер не думает, что Канариса интересует рейх. Хитрая старая лиса думает о своей шкуре. Успехи его Абвера более чем сомнительны. Большинство агентов, которых они засылают в красный тыл, сразу проваливаются. В абвершколы они набирают отребье из лагерей.

– Вы хотите знать о цели Лайдеюсера? – Вильке все понял.

– Да, штурмбаннфюрер. Мне нужно точно знать, что Лайдеюсер затевает в Ровно! И возможно, что работа с УПА это не более чем прикрытие.

– Я уверен, что мне Лайдеюберсер сказал правду. Ему нужна моя помощь, оберфюрер.

– А вот я не уверен в его искренности. Поэтому я хочу знать, о чем вы с ним говорили, Вильке. А ваш разговор в казино был долгим. И не думаю, что вы говорили о девочках.

– Нет, оберфюрер. Но планы Лайдеюсера касаются только УПА. Они хотят чтобы эта армия сражалась с большевиками, после того как мы уйдем.

– Уйдем? Что это значит?

– Если выравнивание линии фронта в следующем году продолжится, герр оберфюрер.

– Вы разве не слушали речи Геббельса, штурмбаннфюрер? Армии фюрера не уйдут отсюда и опрокинут большевиков! Эти земли навсегда принадлежат рейху!

– Герр оберфюрер! Я готов вам сообщить все, что знаю. Но ничего важного, кроме того что я уже сказал вам, мы с Лайдеюсером не обсуждали. Я не знаю, кто за ним стоит в этой операции. Возможно, что его бывший шеф полковник Штольнэ, а возможно, что новый шеф Абвер-2 Лахузен.

Танцман задумался. Еще в январе 1942 года Гитлер распорядился развернуть агентурную деятельность против США и активизировать диверсии на американских предприятиях. На территории США проживает много этнических немцев.

Но рейхсфюрер Гиммлер подозревал Канариса в связях с западными разведками. И присутствие здесь в Ровно Лайдеюсера могло быть связано с этим. Ведь и польские и украинские националисты считали США и Англию возможными союзниками.

– А вы не думаете, что Лайдеюсер работает на другую сторону? – спросил оберфюрер.

– Лайдеюсер? Работает на большевиков? Это невозможно.

– Нет. Не на большевиков. А на их союзников в борьбе с нами, Вильке.

– На английскую разведку?

– А разве этого быть не может? Штольнэ после своих провалов в Италии снова переброшен в подразделение Абвер-Ост. А английскую секретную службу весьма интересуется, что происходит здесь среди партизан. Ведь эмигрантское правительство Польши находится в Лондоне, Вильке. И именно это правительство курирует Армию Крайову. И в ан-

глийской секретной службе знают, что Армию Людову снабжают большевики.

– Не думаю, что Англию сейчас это интересует так остро. Пока у них много других дел, герр оберфюрер. В 1941 году 9-е «антикоминтерновское» управление МИ-6 по противодействию советской разведке было официально расформировано, когда СССР стал союзником Англии.

– А вы знаете, штурмбаннфюрер, что уже принято решение снова сформировать 9-е управление?

Вильке этого не знал. Танцман продолжил:

– И начальником нового 9-го управления планируют назначить полковника Филби. Того самого кто руководил резидентурой в Анкаре. Лайдеюсера нужно держать на крючке, Вильке. Вы меня поняли?

– Да, оберфюрер...

* * *

Здолбунов.

«Штаб связи ОКБ Украины».

Резиденция Абверштелле «Украина».

2 декабря, 1943 год.

Абверштелле «Украина» имел прямую связь с Берлином со штабом Валли. Местный начальник капитан Штрук был удивлен приходом офицера с погонами капитана медслужбы, который предъявил ему специальный жетон.

Жетон предписывал оказывать его владельцу всяческое содействие.

– Простите меня, герр капитан, но...

– Майор, – поправил его Лайдеюсер.

– Простите?

– Я имею звание майора Абвера. И не смотрите на мои погоны капитана медслужбы. Связь с Берлином!

– Что вы сказали?

– Мне нужна связь с Берлином с начальником «Абвер-3 Ост» полковником Густавом Штольнэ.

– Вы хотите говорить с полковником?

– Разве я неясно выразился, капитан? Прошу вас соображать быстрее.

– Но я не могу вот так просто вызвать на связь полковника Штольне. Мне нужно знать, кто отдает приказ. Вы назвали звание, но не имя.

– Майор Лайдеюсер!

Капитан выполнил приказ. Он вызвал Берлин. Штаб-квартиру Штольнэ.

– Полковник Штольнэ!

– Господин полковник! Это капитан Штрук!

– Кто?

– Капитан Штрук из Здолбунова!

– И что вам нужно в такой час, Штрук? Почему вы звоните мне?

– Я выполняю приказ, господин полковник!

– Приказ?

– Мне приказано вызвать лично вас.

Лайдеюсер протянул руку и Штрук передал трубку.

– Герр оберст, это майор Лайдеюсер!

– Лайдеюсер?

– Я в Здолбунове в нашем управлении. Вышел на связь, как и было приказано!

– У вас что-то важное?

– Да.

Лайдеюсер сделал знак капитану и тот покинул кабинет, плотно закрыв за собой двери.

– Вы один в комнате? – спросил Штольнэ.

– Штрук покинул кабинет.

– Говорите, майор!

– Мое задание практически выполнено, господин полковник. У меня есть связи в здешней Организации украинских националистов. И я могу представить вам полный отчет по УПА-Север! Полный расклад по численности, вооружению, основным местам дислокации, командному составу.

– А что агенты?

– Я завершаю операцию по внедрению.

– Что резидент? – спросил Штольнэ.

– Герр Корнер отлично разобрался в местной обстановке.

– Но как его внедрение?

– Операция вошла в завершающую фазу, герр полковник.

Дело за малым. За вами герр Штольнэ.

– Уже завтра я буду на докладе у адмирала. А вам приказываю подготовить отчет по УПА и специальным курьером ко мне в Берлин.

– Будет исполнено, герр полковник.

– А сами вы, Лайдеусер, отправитесь в Ровно.

– В качестве кого?

– В качестве начальника отделения Абвера. Хватит вам носить форму капитана-медика. Прощайте! Хайль Гитлер!

Лайдеусер положил трубку на рычаг и позвал капитана Штрука.

* * *

Ровно.

Управление службы СД.

8 декабря, 1943 год.

Фридрих Вильке.

Штурмбаннфюрер СС Вильке доложил оберфюреру Танцману:

– Герр оберфюрер! Я готов сделать доклад по красной сети в Ровно-Здолбунове.

– Вы нашли резидента?

– Так точно. И мне известна вся сеть.

– В Ровно?

– И в Ровно и в Здолбунове.

– Вы это серьезно, штурмбаннфюрер? Вы уверены?

– Так точно!

– И вы взяли их?

– Нет, такого приказа я не отдал, герр оберфюрер.

– Почему?

– Это нецелесообразно, герр оберфюрер. И я могу раскрыть вам мой план.

– Говорите!

– Сеть возглавляет Антиквар. Наши специалисты расшифровали часть шифра. И это имя фигурирует в донесениях. Антиквар работает в Ровно и является владельцем комиссионного магазина. И я задумал взять одного из ведущих агентов Антиквара и заставить его работать на нас.

– Имя?

– Анна Гончаренко. Я возьму её тайно и проверю.

– А вы уверены, что у вас получится вербовать, Вильке?

– Анна Гончаренко слабое звено, герр оберфюрер. И мне нужно только одно для проведения моей операции.

– Что вам нужно, Вильке?

– Чтобы мне никто не мешал.

– Я дам вам все полномочия. Никто вам мешать не станет. Но через три дня у меня доклад рейхсфюреру. И я должен представить что-то важное! Я смогу это сделать?

– Сможете, герр оберфюрер.

– Хорошо! Действуйте, Вильке. Я целиком полагаюсь на вас! Идите!

– Хайль Гитлер!

– Хайль! – вскинул руку Танцман.

Он вверил свою карьеру Фридриху Вильке...

* * *

Ровно.

Канцелярия генерального комиссара.

9 декабря, 1943 год.

Ева Шрат.

Ева Шрат печатала на машинке документы. К ней вышел из кабинета адъютант генерального комиссара майор фон Ранке.

– Фройлен Шрат.

– Да, герр майор?

– Мне нужно чтобы вы срочно перепечатали вот эти документы. Сделать нужно по два экземпляра.

– Да, герр майор.

– Другую работу пока отложите. Это срочно.

– Да, герр майор.

Ева допечатала лист, заправленный в машинку, и взялась за документы переданные Ранке. С первых строк она поняла что это документы Абверштелле. Ничего подобного ранее она не печатала.

«Штаб связи ОКВ Украина» – это было зашифрованное название «Абверштелле Украина».

«С февраля 1943 года «Штаб связи ОКВ Украина» переведен из Ровно в Здолбунов. Начальник отделения в Здолбунове – капитан Абвера Вальтер Штурк.

Создание новой оперативной группы в Ровно.

Временное подчинение майору Абвера Альфреду Лайдеюсеру.

В подчинении Лайдеюсера четыре реферата.

Реферат 3Ф – выявление советской агентуры. В составе реферата 5 оперативных сотрудников. Начальник реферата – майор Абвера Шневайс. Оперативные сотрудники реферата – переводчик Голуб И.О. Резидент – Кмет А.О. Машинистка стенографистка – Вальтер Ирма. Оперативный сотрудник – Гемфлер. Оперативный сотрудник – Иогансен (зондерфюрр СС).

Реферат 3Ц – контрразведка. Борьба с агентурой советской разведки. В составе реферата 8 оперативных сотрудников из немцев. Начальник реферата – майор Абвера Ланг. Оперативные сотрудники реферата – XXXXXX.

Реферат 3Люфт – контрразведка в частях военно-воздушного флота немецкой армии. В составе реферата 4 оперативных сотрудника из немцев. Начальник реферата – майор Абвера Аппель. Оперативные сотрудники реферата – XXXXX.

Реферат 3КГФ – агентурная работа в лагерях военнопленных. В составе реферата 6 оперативных сотрудников из немцев. Начальник реферата – капитан Абвера фон Раат. Оперативные сотрудники реферата – XXXXXXXXX».

Когда Шрат закончила и вытащила лист, в комнату вошел незнакомый майор.

– Добрый день, фройлен Шрат.

– Добрый день, герр майор. Чем могу служить?

– Вы уже сделали документы?

– Простите, герр майор? – Ева убрала листы.

Офицер засмеялся и сказал:

– Вас можно похвалить за бдительность, фройлен Шрат.

Я майор Абвера Лайдеюсер. Нас не представили.

Из кабинета вышел майор фон Ранке.

– Все в порядке, Ева. Отдайте майору документы.

– Ваша сотрудница, майор, сделала все быстро и, я надеюсь, без ошибок и опечаток.

– Фройлен Шрат знает свое дело. Её прислали нам из Берлина, герр Лайдеюсер.

– Вот как? А могу я поговорить с вами, фройлен?

– У меня много работы, герр майор!

Лайдеюсер посмотрел на фон Ранке.

– Вы позволите фройлен пройти со мной, майор? Это займет не более полчаса.

– Выполните просьбу майора, Ева.

Лайдеюсер проводил Еву в отдельный кабинет недалеко от штаба фон Ранке. Ева знала, что там находился офицер контрразведки, и в этой комнате не была никогда.

– Прошу вас фройлен.

– Благодарю.

– У меня к вам всего несколько вопросов, фройлен. Вы не думали о смене работы?

– Нет, герр майор. Я довольна своим местом.

– Но вы ведь еще не знаете, что я хочу вам предложить, фройлен Шрат. Мне нужен сотрудник. Секретарь. Вы только что печатали документы для меня и знаете кто я такой.

– Но я работаю с майором фон Ранке. И работы у него в канцелярии хватает.

– Для фон Ранке легко найдут иного секретаря машинистку.

– Но работа секретарем адъютанта генерального комиссара имеет громадное значение, герр майор.

Лайдеюсер спросил прямо:

– Вы с ним спите, фройлен Шрат?

– Что? – Ева поднялась с места.

– Я задал простой вопрос, фройлен. Вы имеет близкие отношения с майором фон Ранке?

Ева снова села на стул.

– Нет.

– Нет? Но даже если и так, то я не нахожу в этом ничего предосудительного. Идет война, и все мы спешим жить, фройлен.

– Я уже дала вам ответ на вопрос, герр майор.

– Хорошо, фройлен Шрат. Тогда вам не придется жалеть о смене работы.

– Мое мнение не важно, герр майор?

– Вы на службе, фройлен Шрат. И вы обязаны исполнять приказы.

– Но мой начальник майор фон Ранке.

– С завтрашнего дня нет. Я переведу вас в свою команду. Не просто так вам дали для печати важные и секретные документы. Вы прибыли сюда из Берлина?

– Да.

– Но произношение у вас не берлинское, фройлен Шрат.

– Я из Баварии, герр майор. Родилась в городе Швейнбург. Потому произношение у меня не берлинское, герр майор. Но вы наверняка уже знаете все это.

– Я читал ваше личное дело.

– Тогда к чему все эти вопросы, герр майор? Мы только теряем время. Ничего нового я сказать не могу.

– Вы не правы, фройлен. В разговоре с человеком многое можно узнать. Что такое сведения на бумаге? А в живом разговоре может всплыть многое.

– Я знаю все требования безопасности, герр майор. И неукоснительно соблюдаю инструкцию. В городе не бываю, только если есть поручения от моего начальника майора фон Ранке. Никаких личных отношений в Ровно у меня нет.

– И это мне известно, фройлен.

– У вас есть еще вопросы, герр майор?

– Да. Вы имеете в Ровно знакомства с местными, фройлен Шрат?

– Несколько человек.

– Кто эти люди?

– Я посещала некоторые магазины.

– Комиссионный магазин господина Гнатюка посещали?

– Да.

– С какой целью? – спросил Лайдеюсер.

– Я была там выполняя просьбу моего шефа.

– Майора фон Ранке?

– Именно так.

– И что это была за просьба?

– Я не могу вам сказать, герр майор. Обратитесь к самому фон Ранке. Он ответит вам на вопрос, если сочтет нужным.

– И это все?

– Меня несколько раз посещала на моей квартире фройлен Мария.

– Мария? И кто же она?

– Модистка. Она перешивала мне платье, герр майор. За последний год моя фигура изменилась, и моя гражданская одежда требовала рук портнихи. Мне рекомендовали Марию.

– Кто рекомендовал?

– Хозяин комиссионного магазина, господин Гнатюк.

– Вы сами просили его? Или он предложил вам помощь сам?

– Я спросила его, не знает ли он хорошей портнихи в городе.

– А почему вы спросили именно Гнатюка, фройлен?

– Потому, что никого другого в городе из местных я не знаю. А хозяева комиссионных магазинов связаны с портни-
хами и другими полезными людьми. К тому же они охотно
принимают рейсмарки.

– Вы знаете фамилию Марии?

– Нет.

– Нет?

– Но зачем мне знать её фамилию? Она перешила мне пла-
тья, а я заплатила ей деньги.

– Понятно, фройлен Шрат. Вы можете идти.

– Да, герр майор...

* * *

Вечером Ева вернулась домой.

Войдя в квартиру, она подошла к окну и немного одерну-
ла штору. Это был знак экстренной связи! Задернутая што-
ра – ничего нового. Открытая – есть информация. Немного
одернута – срочная связь!

* * *

Ровно

Управление службы СД.

10 декабря, 1943 год.

Анна Гончаренко.

Люди Зергеля взяли на улице Анну Гончаренко. И сделали это быстро и незаметно. Остановилась машина, и девушка пропала с тротуара.

– В чем дело? – спросила она в машине.

– Успокойтесь, фройлен. Но вам придется проехать с нами.

– Но кто вы?

– Гестапо.

– Но я ничего не сделала.

– Про это вы расскажете не нам, фройлен.

Анну доставили в здание службы СД и заперли в камере, где было только одно окошко закрытое решеткой. Из мебели в помещении была кровать с металлической сеткой.

Но самое большое через час Анну отвели на допрос. В небольшой комнате не было ничего кроме стола и стульев. Молодой мужчина в штатском пригласил её сесть. Он хорошо говорил по-русски.

– Прошу вас, фройлен.

– Я совершенно не понимаю, почему меня задержали! Это ошибка...

– Фройлен, – мужчина прервал её речь. – Прошу вас избавить меня от стандартного набора фраз о том, что все это ужасная ошибка. Вы даже представить не можете сколько раз я это слышал.

– Но кто вы?

– Штурмбаннфюрер Вильке, фройлен. И вы обратили внимание, где вы находитесь?

Она осмотрелась и сказала:

– Я не знаю. Наверное, комната для допроса?

– Комната или, правильнее будет сказать, помещение для допросов в подвале этого здания. Но, как вы заметили, я принимаю вас здесь. Не хочу вас пугать, фройлен.

– Пугать?

– Там допрос будет проходить совсем не так как здесь. И поймите, что я не хочу этого, но мне придется пойти на это, если вы меня к тому вынудите.

– Но чего вы хотите?

– Ваша фамилия и ваше имя, фройлен?

– Гончаренко Анна Николаевна.

– Допустим. Откуда вы прибыли в Ровно?

– Я приехала к своему дяде, который владеет здесь комиссионным магазином...

Вильке снова прервал девушку:

– Фройлен! Я уже знаком с этой версией вашей биографии. Я бы хотел знать совсем не это.

– А что?

– Например, такая версия. Вы прибыли сюда из Москвы. В Москве вы были курсантом разведшколы НКВД.

Девушка была удивлена словами офицера. Вильке убедился, что актриса она хорошая.

– Но я никогда не была в Москве, герр офицер.

Вильке неожиданно задал вопрос на немецком:

– Waren Sie schon in Berlin? (Вы бывали в Берлине?)

– Нет, – сразу ответила она.

Вильке сказал:

– Вопрос о владении вами немецким теперь излишний.

Итак, вы говорите по-немецки.

– Но разве это преступление?

– Нет. Разве я это сказал? Я только констатировал факт.

– В Ровно есть много людей, которые владеют немецким языком.

– И этот факт сомнений не вызывает, фройлен. Но раз вы любите факты, то я назову еще несколько. Вы два месяца назад прибыли в Ровно. Вы согласны с этим фактом?

– Да. Но я прибыла совсем не из Москвы, герр офицер.

– Пусть так. Мы будем говорить только о фактах. Вам ведь известно, что такое факт, фройлен? Факт от латинского слова фактум – синоним истины. Реальность, которая признается всеми. Например, я прибыл сюда из Харькова. Это факт. Вы прибыли в Ровно. И это факт. Пока не станем выяснять, откуда вы прибыли. Поговорим о том, что бесспорно.

– Согласна.

– Мы с вами в Ровно недавно. Но одновременно с нами в Ровно прибыли и другие люди. Их много. У меня есть целый список. Но что такого в приезде людей? Кто-то пожелал увидеть родственников. Кто-то пристроится в городе на работу. Кто-то ухаживать за заболевшим родственником. При-

чины самые разные. Кто-то, как вы, приехал к своему дяде. Но среди прибывших есть женщина из Москвы. И псевдоним этой женщины «Красная вдова».

Анна никак не отреагировала на последнее замечание Вильке. И он снова убедился в её артистических способностях.

– И моя задача найти среди женщин, которые появились в Ровно, Красную вдову.

– И для этого вы задержали меня?

– Именно поэтому. Я считаю, что Красная вдова это вы. Или имеете сведения о Красной вдове.

– Вы ошибаетесь, герр офицер.

– Но вы не спросили, почему я так думаю, фройлен.

– И почему вы так думаете?

– Снова благодаря фактам, фройлен.

Вильке положил перед девушкой несколько фотографий.

– Взгляните на это, фройлен.

На фото был в разных ракурсах набор медицинских инструментов.

– Я не понимаю что это такое, герр офицер.

– Это набор медицинских инструментов. И не простой набор. Можно сказать уникальный.

– Но я не имею отношения к медицине.

– Набор появился в магазине вашего дяди коммерсанта господина Гнатюка. Партизаны остро нуждались в таком наборе. И потому набор попал к коммерсанту господину Дмит-

ревскому. Он приобрел его у вашего дяди. И это тоже факт, зафиксированный в бухгалтерской книге вашего дяди. А затем после прихода модистки Марии Куценко к вам, якобы для примерки платья, этот набор оказался у вас дома.

– У меня?

– Именно так. На этот счет есть показания. А затем набор оказался в партизанском отряде «Молот», где при помощи вот этих инструментов делают операции раненым партизанам. И таким образом, прослеживается связь между вами и партизанами. И не стоит вам, фройлен, говорить, что это ошибка. Я знаю что ваш «дядя» резидент советской разведки в Ровно. А его магазин хорошее прикрытие для работы советской резидентуры. Вы же прибыли к «дяде» из Москвы.

– И что вы хотите, чтобы я сказала?

– Правду.

– Но вы и так уверены, что знаете все.

– Мне нужны все ваши контакты здесь, имена ваших начальников в Москве и цель вашей заброски. А самое главное – мне нужна «Красная вдова». И если наш с вами разговор не получится, то я вынужден буду передать вас в руки местного виртуоза по части допросов господина Лопатникова. Мой помощник Зергель говорит, что он любого заставит говорить. Вот и будет возможность проверить его способности.

Анна Гончаренко побледнела при упоминании Лопатникова.

Вильке продолжил:

– Лопатников умеет находить слабые места людей. В этом он настоящий талант. Давит именно на слабые места. Я совсем не сторонник его методов допроса, фройлен, но времени у меня мало. Итак?

– Что вы хотите знать?

– Вы приняли верное решение, фройлен. Уверяю вас.

– Что будет со мной?

– Если вы скажете правду, я оставлю вам жизнь и конечно здоровье.

– А потом?

– Потом вы станете работать на СД, фройлен. Ведь вернуться к своим уже не сможете. Больше того красные в свое время все узнают и станут вас искать с намерением наказать. А помочь вам служба СД сможет в одном случае, если вы сами станете её частью.

– Задавайте вопросы.

– Вы прибыли в Ровно из Москвы?

Гончаренко ответила:

– Да. Я сотрудник НКГБ.

– Имя и звание вашего шефа?

– Мой непосредственный начальник старший майор госбезопасности Нольман.

– Иван Артурович Нольман?

– Да. Кто стоит над Нольманом я точно не знаю. Я получила задание от него.

– Ваше имя?

– Здесь я Анна Гончаренко. Я училась в разведшколе особого назначения в Балашихе.

– Вы знаете об операции НКГБ «Красная вдова»?

– Нет. Я никогда не слышала об операции «Красная вдова».

– Цель вашей заброски в Ровно?

– Информация по агентурной сети Абвера, внедрение агентов в состав подполья ОУН и УПА.

– А о «Красной вдове» вы не слышали?

– Никогда. Нольман ни разу не упоминал этого имени. Но я могу допустить, что так тайно называли меня. Я однажды слышала имя «Вдова» на занятиях у инструктора Царева.

– Вы сказали Царева?

– Да такой инструктор преподавал у нас особенности разведывательного дела в разведшколе в Балашихе.

– Его имя отчество?

– Я не знаю. Как не знаю и его воинского звания. Нам его представили просто – инструктор Царев. Он также учил нас немецкому языку. Мне даже показалось что он немец.

– Почему?

– Иногда не мог верно подобрать русские слова. Но крайне редко.

Вильке знал о ком говорит Анна. Семен Царев был немецким разведчиком обер-лейтенантом Карлом Нойрмаером. Вильке был его однокашником по Берлинскому университе-

ту. В начале 1942 года Нойрмаер будучи офицером разведки армейской группы «Клейст» при штабе 48-го моторизованного корпуса попал в плен к русским.

– И что Царев говорил о «Вдове»?

– О том, как нужно работать под прикрытием в стане врага.

– Ваши контакты здесь?

– Группа «Антиквара».

– Антиквар это коммерсант Остап Гнатюк?

– Да. Он мой начальник здесь. Резидент.

– Резидент советской разведки Гнатюк?

– Другого я не знаю.

– Дмитревский?

– Связной между Ровно и Луцком.

– Модистка Куценко?

– Связная в группе Антиквара.

– Размер агентурной сети Антиквара?

– Около 10 человек. Но это в Ровно, а сколько их в Здолбунове я не знаю.

– Руководитель в Здолбунове?

– Я этого не знаю.

– Назовите людей Антиквара в Ровно.

– Я знаю самого Антиквара – Остапа Гнатюка, коммерсанта Дмитревского, связную Марию Куценко.

– Это все?

– Еще видела троих в лицо, но имен я не знаю. В группе

Антиквара хорошая конспирация.

– Что было в последней шифровке, полученной от Нольмана? Я знаю, что вы её получили. Но шифр изменился, и расшифровать нам пока ничего не удалось.

– Приказ для агента Ликвидатора.

– Ликвидатор?

– Это внедренный агент, давно работающий в вашем тылу.

– Кто он?

– Я знаю его под фамилией Коваленко.

– Коваленко?

– Коваленко Владислав Иванович.

– Где он сейчас?

– Насколько я знаю в отряде УПА Варта.

– Его цель?

– Генерал УПА Боровец.

Вильке удивился:

– Вы говорите правду, Анна?

– Вы может сами все проверить. Я могу дать вам ключь к шифру.

– Говорите.

– В моей комнате есть книга Гёте.

Вильке сказал:

– В вашей комнате найдены три книги Иоганна Гёте.

– Это роман Гёте «Вильгельм Майстер». Принесите мне книгу и я открою вам секрет шифра.

– Хорошо. Это позже. Но как Коваленко сможет прове-

сти ликвидацию Боровца, если он находится в расположении Варты? Он не сотрудник штаба УПА-Север.

– Генерал частый гость в сотне Ястреба, герр штурмбанн-фюрер.

– Сроки исполнения?

– Центр торопит Ликвидатора. Акция должна быть проведена как можно скорее. Именно для этой цели Коваленко и внедрился в отряд Варта.

«И помогла ему в этом Елена Музыка, – подумал Вильке. – А все складывается удачно. Больше ничего и придумать не нужно. Сдать Коваленко и Музыку в штаб УПА-Север. Они сами с ними разберутся. Как говорят русские «двух зайцев одним выстрелом».

– Что будет со мной? – спросила Анна.

– Я прикажу перевести вас из тюрьмы в хорошее помещение. Но вы будет под надзором наших людей. Если все подтвердится, то я обещаю вам – вы не пострадаете, фройлен Анна. Вас ждет большое будущее.

– Я предала своих, – сказала она.

– Разведчик может проиграть, фройлен. Что делать если вы проиграли? Посмотрите на это с иной стороны.

– С какой?

– Если бы вы мне всего не рассказали, то рассказали бы все господину Лопатникову. Я могу поведать, вам какими методами он пользуется.

– Не нужно.

– Итог был бы один, фройлен Анна. А так все разрешилось мирно без крови и жертв. Разве это плохо? Вам нужен пример? Я дам вам его. Ваш инструктор в разведшколе по фамилии Царев. Вы не ошиблись, сказав, что он немец. Он бывший офицер Абвера. Попал в плен и принял решение сотрудничать с большевиками. А он крепкий мужчина. Вы же всего лишь женщина, Анна...

* * *

Ровно.

Управление службы СД.

10 декабря, 1943 год.

Фридрих Вильке.

Вильке сразу же отправился к оберфюреру Танцману. Его план удался. И он мог дать шефу то, что можно доложить Гиммлеру.

– Все разрешилось, герр оберфюрер!

– Так скоро?

– Анна Гончаренко оказалась умной девушкой и не позволила себя пытаться.

– И что она сказала?

– Подтвердила то, что я и предполагал. Группу в Ровно возглавляет Антиквар – коммерсант Остап Гнатюк. Вы его хорошо знаете, герр оберфюрер, ибо сами часто пользовались его услугами.

– Гнатюк?

– Именно так. Прикрытие у него было отменное. Он мог благодаря своим связям сделать многое. И работал отлично в течение целого года. А его группа в Здолбунове вообще выше всяких похвал!

Танцман сник. Если его связи с Гнатюком станут известны в Берлине, то его карьере конец. Гнатюк часто доставал для него редкие золотые монеты, которые пополнили коллекцию, ставшую одной из лучших в его родном городе.

– Я понимаю, герр оберфюрер, что вас с Гнатюком связывали только деловые отношения, относящиеся к коммерции. Но именно ваш предшественник и вы оказывали ему покровительство. И это ваша «заслуга», что на него не смоли бросить и тени подозрения.

– Я в Ровно не так давно. И мой предшественник...

– Я знаю все, герр оберфюрер, и не собираюсь разрушать вашей карьеры. Вы сами сделаете доклад в Берлин.

– А вы?

– Я не стану докладывать бригаденфюреру Кубицки подробности. Мне не нужно ваше отстранение от работы, герр Танцман. Мне нужно чтобы на вашей должности был человек, который обязан мне лично.

– Я не забуду вашей услуги, Вильке!

– Но самое главное, герр оберфюрер. Красные готовят ликвидацию генерала Боровца.

– Что? Командира УПА-Север?

– Да. И Ликвидатор уже на месте.

– Кто он?!

– Он служит в отряде Варта у капитана Ястреба. Это рядовой Коваль, герр оберфюрер.

– Коваль? – Танцман не смог вспомнить кто это.

– И пристроила его на место при Ястребе агент большевиков Елена Музыка. Убив Боровца, красные диверсанты спровоцируют конфликт в УПА, и это ослабит организацию.

– Конфликт? Вы о чем, Вильке?

– Конфликт между людьми Бандеры и людьми Боровца. Это неверняка припишут проискам Степана Бандеры. Всем известно что между этими лидерами есть множество противоречий.

– Если так, то нужно принять срочные меры!

– Вы можете взять это на себя, герр оберфюрер?

– Я сегодня же отправлю людей к полковнику Драгульцу в штаб УПА-Север!

* * *

Ровно.

Управление службы СД.

12 декабря, 1943 год.

Оберфюрер Танцман.

Шеф гестапо города Ровно ждал звонка из Берлина. И наконец ему сообщил адъютант:

– Рейхсфюрер на проводе!

Танцман вскочил и взял трубку:

– Оберфюрер Танцман! Хайль Гитлер!

– Хайль!

– Разрешите доложить, рейхсфюрер!

– Докладывайте, Танцман!

– Агентурная сеть красных, действовавшая в Ровно с лета 1942 года, раскрыта! Полный отчет по проведенной операции, в которой участвовал лично я, будет отправлен в Берлин через три дня, когда завершаться все мероприятия, рейхсфюрер!

– Лично вы?

– Рейхсфюрер! Я заподозрил в связях с большевиками хозяина местного комиссионного магазина господина Гнатюка. Я не мог доверить операцию никому, и мне пришлось действовать самому и войти с ним в контакт!

– Вот как? – спросил Гиммлер.

– Так точно, рейхсфюрер! Я встретился с Гнатюком и лично отследил его контакты. Я привлек к своей операции штурмбаннфюрера Вильке, нового офицера в моем ведомстве. Штурмбаннфюрер оказал мне содействие. И в результате – мы раскрыли сеть. И самое главное помешали агенту большевиков исполнить приговор генералу УПА Боровцу, рейхсфюрер! Террористический акт предотвращен и Ликвидатор устранен!

– Вы автор операции, Танцман?

– Так точно! Но мне трудно было бы справиться без штурмбаннфюрера Вильке!

– Жду ваш отчет, Танцман! Подробный отчет!

– Он будет в Берлине через несколько дней, рейхсфюрер!

– Я хочу, чтобы вы привезли его лично, Танцман! И если ваша работа мне понравится, то вы останетесь в Берлине, и вам будет присвоено звание бригаденфюрера СС!

* * *

Сарненские леса.

«Перша варта»

17 декабря, 1943 год.

Сотенный командир Варты Ястреб получил приказ. Привез его неприметный человек – связной проводника – который прибыл с широкими полномочиями от Центрального провода ОУН.

– Вы приняли в сотню человека по фамилии Коваленко?

– Это шеренговый Коваль. Показал себя отличным бойцом. Проверен в деле и прекрасно знает военное ремесло.

– Вот как? Он в прошлом военнослужащий Красной Армии? Как и вы, дружэ сотенный?

– И что?

– Расследование Центрального провода показало, что шеренговый Коваль является агентом советской разведки под именем Ликвидатор. В ряды Варты внедрен при помощи

другого советского шпиона Елены Музыка.

– Что вы говорите? Елена? Шпионка?

– Именно так. Это ведь она просила вас принять в сотню Коваленко?

– Но я сам...

– Вы не ответили на вопрос, друже Ястреб. Кто представил вам Коваленко?

– В распоряжение сотни он прибыл вместе с Еленой Музыкой.

– Немецкая разведка представила нам доказательства того, что Коваленко агент большевиков. И его задача ликвидация генерала Боровца. Ваше счастье, друже Ястреб, что вы герой УПА. И за вас заступился сам генерал. Руководство ОУН не желает такой огласки. Музыка и боец Коваль должны исчезнуть тихо и незаметно!

– Но...

– Я привез категорический приказ, друже сотенный. Обсуждению он не подлежит.

– Я слушаю.

– Вы передадите Музыку и Ковалья представителям краевой СБ Богуну и Гонте. Вам все понятно, друже сотенный?

– Так точно.

– Я прямо сейчас отбываю в штаб генерала Боровца. Я доложу ему, что инцидент исчерпан! Слава Украине!

– Героям слава!

Ястреб тайно вызвал в свою землянку шеренгового Ковалья.

– Друже сотенный! Шеренговый Коваль прибыл по вашему приказу!

– Заходи, друже Коваль.

У сотника было жарко натоплено. Коваль скинул полушубок.

– Что-то случилось, друже сотенный?

– Случилось, Коваль.

– Что-то серьёзное?

– Для тебя да. Выпить желаешь?

– Самогон?

– Он самый.

– Да, друже сотенный.

Ястреб наполнил кружки и подвинул одну Ковалю. Они выпили.

– Ты на меня зла не держи, друже, но по тебе пришел приказ.

– Приказ?

– Тайный наказ избавиться от тебя получили люди из краевой СБ.

– Но почему? Что случилось?

– Тебе про то лучше знать, друже Коваль. Ты ничего мне

доказывать не должен. Ты пойми, что СБ и так и так тебя ликвидирует. Но я хочу тебя спасти.

– Зачем это тебе, сотник? Неужели скажешь, что я стал тебе другом?

– Не скажу, тем более что мы с тобой не друзья.

– Тогда зачем?

– Причина – Олена Музыка.

– Елена? Но она причём?

– А при том. Только ты сможешь её спасти.

– Спасти от чего, друже Ястреб?

– От смерти! Я не могу долго с тобой говорить, Коваль.

И ты и она работаете на врагов! И не нужно меня убеждать, что это не так, Коваль. Приговор подписал тебе и ей не я. Немцы упредили Центральный провод ОУН. Предоставили какие-то доказательства. Я в том разбираться не буду.

– Не веришь, что Олена предала?

– Я не за тем прозвал тебя, Коваль, чтобы гадать верю или не верю. Олену убьют. И я хочу спасти её жизнь. Но спасти так, чтобы меня никто, ни в чем не заподозрил.

– Для этого нужен я?

– Именно. Ты сможешь спасти её и себя.

– Но что нам с ней грозит? Я плохо представляю себе, что такое служба СБ.

– Служба безопасности мне не подчиняется, друже Коваль. Краевая СБ часто меняет место дислокации но ныне она в Подгайчиках. Там начальник СБ Гонта и с ним десять

человек. Среди них два следователя. Остальные исполняют приговоры.

– И если меня арестуют, то что я смогу против десяти человек?

– Если тебя доставят в Подгайчики, то ничего. Тогда тебе каюк. И Олене каюк. Но до Подгайчиков тебя повезут на санях. Это в сорока километрах отсюда.

– Сколько будет конвоиров?

– Трое, может четверо. Вот тебе нож, – сотник положил на стол длинный и тонкий стилет. – Его легко спрятать так, чтобы никто не нашел.

– А пистолет не можешь дать?

– Хоть пулемет, но его у тебя отберут. Тебя обыщут, Коваль.

– А нельзя устроить нападение на конвой СБ. Как бы советские партизаны напали.

– Нет. Не вариант. Я думал про это. Сразу меня заподозрят. А какие отношения у меня с куренным ты знаешь. Он сразу за это ухватится. Все должно быть натурально. Никто из сотни в этой акции участия не примет. Да и советов-партизан на пути нет, Коваль.

– А что за люди в конвое?

– Ты подготовку имеешь хорошую. А конвой СБ – молодые хлопцы. Все от сохи. Рукопашным боем не владеют. Подожди пока отъедут на километров десять пятнадцать – затем действуй. Но запомни одно – в живых никто остаться

не должен. Все они должны умереть. Это даст вам с Оленой время. Сутки. Если хоть один уйдет, то вас обложат как волков. Сейчас снег и следы хорошо видны. Будь это лето, тогда дело иное.

– Но куда нам идти?

– Я дам тебе адрес и карту.

Ястреб развернул небольшую карту и показал Ковалю маршрут.

– Лесами пройдешь до станции. Вот здесь.

– А припасы?

– В телеге у хлопцев из СБ снедь будет наверняка. Но запомни. Костра не разводи. Ни при каких обстоятельствах. Я дам тебе теплую меховую безрукавку. Наденешь под бушлат. И еще наденешь свитер. Безрукавку потом отдашь Олене.

– Пусть мы доберемся до вот этого места. Дальше что?

– Здесь сядете на поезд. Я обеспечу документы на двоих. На станции есть сторож по фамилии Михейчик. Он все сделает и не продаст. Он мне обязан жизнью. С документами вы доберетесь до Луцка. И там затеряетесь. Но не думай шутить. Выполни все, что я сказал. После того как ты приговоришь хлопцев из СБ, за тобой здесь будут охотиться. Больше говорить не могу. Иди, Коваль, и да поможет тебе Бог...

* * *

Владимир Андриенко.

Роман начат – 8.02.2021; звершен – 24.02. 2021

* * *

Корректурa В. Андриенко

19. 08. 2021 – 23.08.2021

* * *

Далее «Протокол допроса»: Смерть командарма». (рабочее название «Ликвидатор»)

* * *

Серия «Сотрудник Абвера» состоит из романов:

«Вдова»:

«Вдова»: Метроном смерти». (события осени 1941 года).
Год написания: 2020.

«Вдова»: Архив царского профессора Пильчикова». (события лета 1942 года). Год написания: 2020.

«Вдова»: Полковник из Аненербе». (события осени 1942 года). Год написания: 2020.

* * *

«Протокол допроса»:

«Протокол допроса»: Крыса в норе». (события осени 1943 года). Год написания: 2021.

«Протокол допроса»: Смерть командарма». (события весны 1944 года). Год написания: 2021.

* * *

«Рыцарский крест»:

«Рыцарский крест»: Кригсхельферин Ева». (события лета 1944 года). Год написания: 2021.

«Рыцарский крест»: Русская карта». (события осени 1944 года). Год написания: 2021.

«Под чужим знаменем»:

«Под чужим знаменем»: курсант из Дабендорфа» (события весны-лета 1944 года). Год написания: 2019. Обработка: ноябрь 2021.

«Под чужим знаменем»: Крысиная тропа» (события осени 1944 года – весны 1945 года). Год написания: 2019. Обработка: ноябрь 2021.

«Республика»:

«Республика»: Охота на бургомистра» (осень 1941- зима

1942 г.). Год написания: декабрь 2021.

«Республика»: Офицер РОНА». (1942–1943 годы). Год написания: март 2022.

«Республика»: Гиль». (1943 год).

Но каждая серия может читаться как самостоятельное произведение.

Действующие лица романа «Протокол допроса»: Операция «Крыса в норе»

Основные:

Лавров Роман Романович (Коваленко Владислав Иванович) инструктор из абвершколы Брайтенфурт. Агент НКГБ «Человек из Харькова».

Костина Елена – лейтенант государственной безопасности. Агент НКГБ «Тося». Осенью 1941 года работала в Харькове. Новые псевдоним – «Красная вдова».

* * *

УПА, ОУН, АК:

Боровец Тарас – генерал-хорунжий, командир УПА-Север.

Драгулец Иван – полковник, начштаба УПА-Север.

Дмитро Карпенко «Ястреб» – сотенный, командир сотни «Перша варта».

Грицай – поручик, офицер из сотни «Перша варта».

Сом – хорунжий, офицер из сотни «Перша варта».

Ганс Корнер – Waldwärter (Лесник) инструктор по радио-

делу из абвершколы Брайтенфурт. Осадчий Микола.

Елена Музыка – журналист, репортер из газеты «Волынь».

Шаинский Теодор – капитан, командир отряда АК.

Ставинский (ксендз) – из группы АК капитана Шаинского.

* * *

Подполье и партизаны:

«Антиквар» (Гнатюк Остап) – агент НКГБ в Ровно.

Ликвидатор – агент НКГБ.

Стерненко Трофим – командир партизанского отряда «Молот».

Лурье – комиссар партизанского отряда «Молот».

Мария – модистка, связной Антикавара.

Берзенко Анастасия – агент Молота среди националистов.

* * *

«Красная вдова» (?):

? Гелена Вакульска – агент Общего Друга в отряде «Молот».

? Ева Шрат – агент Общего Друга в канцелярии генерального комиссара Шёне.

? Анна Гончаренко – агент Общего Друга в группе «Ан-

тиквара».

* * *

Немцы:

Эрих Шёне – Генеральный комиссар Генерального округа
Ровно.

Фридрих Вильке – штурмбаннфюрер СС.

Генрих Танцман – оберфюрер СС, начальник гестапо.

Отто Зергель – оберштурмфюрер СС.